ISSN 0131–0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 19 МАЙ 1989

ТАЙНЫ ВОЕННОГО БЮДЖЕТА

ДНЕВНИК АЛЕКСАНДРА ДОВЖЕНКО

ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАШЕЙ КУЛЬТУРОЙ?

ЖИВИ и ПОМНИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 19 (3224)

6—13 МАЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Сельский мемориал в селе Богословка Губкинского р-на Белгородской области.
Фото Павла КРИВЦОВА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 14.04.89. Подписано к печати 03.05.89. А 04435. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 444. Цена 40 копеек.

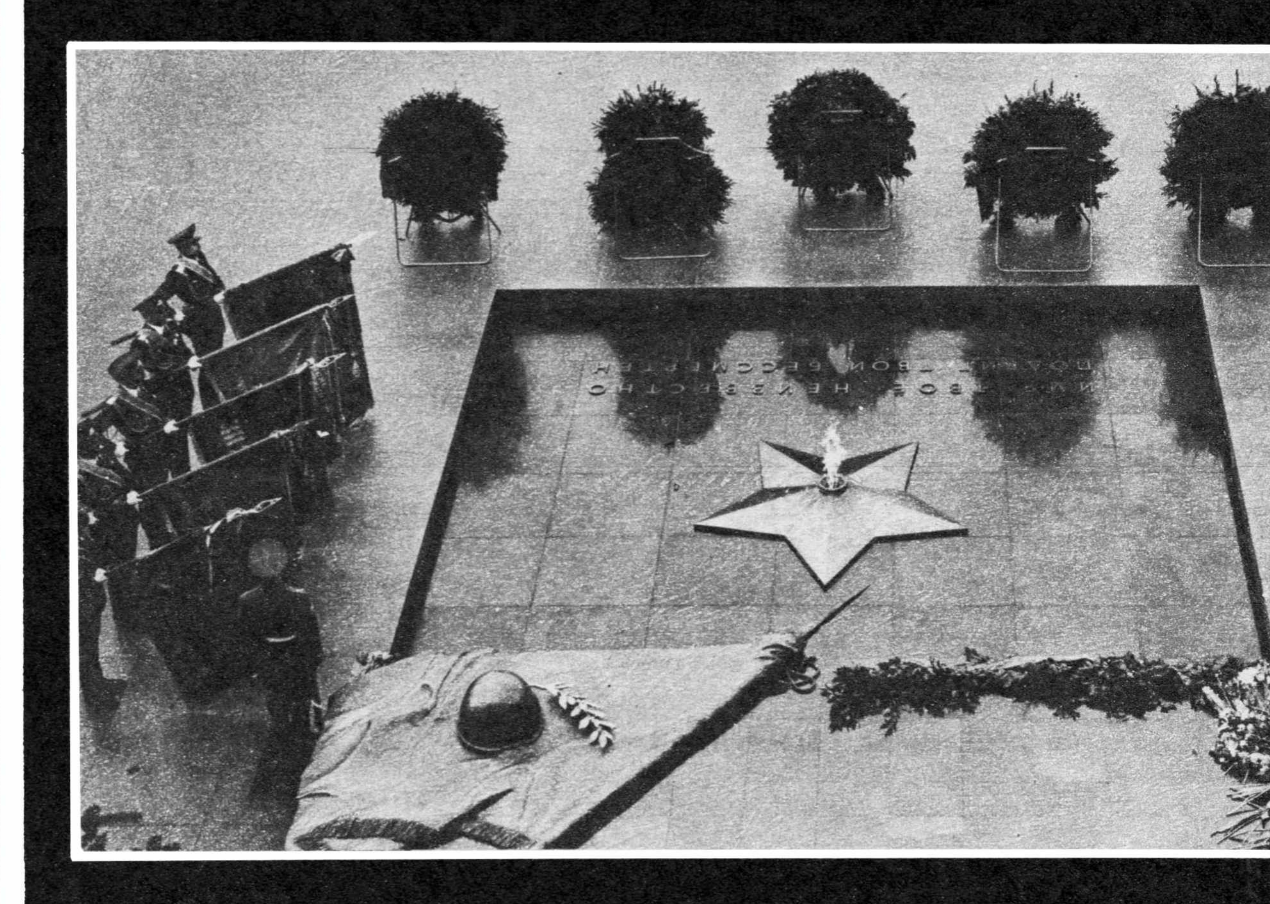
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

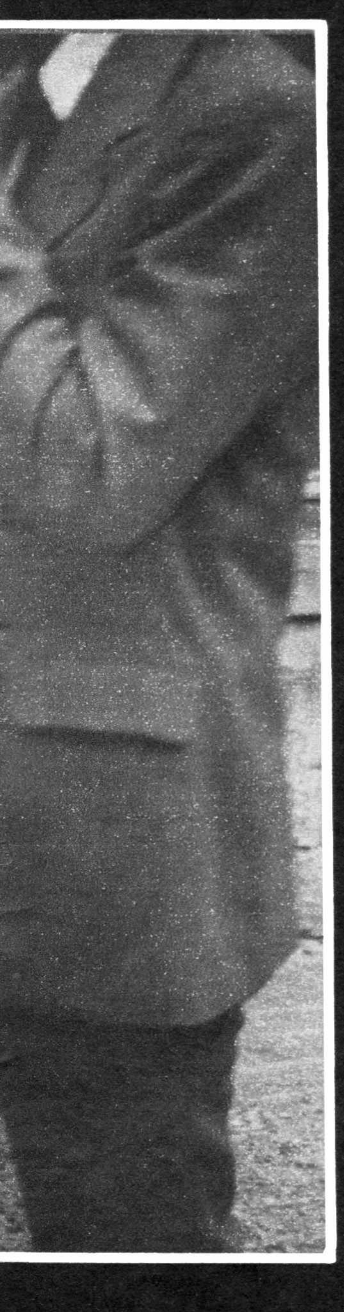
Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НА СТАРОМ АРБАТЕ

Федор ХАЛТУРИН

В вечернюю пору
на старом Арбате
на месте приметном
Играла старуха
на ветхом баяне
о самом заветном.
Играла старуха с сухими глазами
в казенном бушлате
О том, как на фронт
сыновей провожала
на дымном закате.
Как в танке сыночки
горели, и кровь на броне
запекалась.
А бедной пехоте
до смерти
четыре шага оставалось.
На каждом сыночке,
на каждом
покоилась мертвая мета.
А мать все ждала.
Все звала их.
Молилась за них до рассвета.
Играла старуха
на старом Арбате,
а жизнь продолжалась.
Война отгремела.
Могилы остыли.
А память осталась.
Седой инвалид
на протезах
смотрел на толпу одноглазо,
сжимая в кармане
бумажку
с четвертым по счету отказом.
Хотелось бы
съехаться с внучкой,
за дедом бы внучка ходила...
Да где там!
Бумага с печатью
по-своему все порешила.
А рядом — два капитана,
с Саланга,
с того перевала,
Где смерть из служивых
каленые гвозди ковала.
А рядом — два капитана,
а семьи их
на вокзале.
Покуда с жильем туговато.
Терпите.
Вот так им сказали.
О мужество повседневности!
Невидимых слез отвага!
Когда над тобой
ни окрика,
ни лозунга и ни стяга.
Когда на старом Арбате
сплетаются
судьбы Державы
в терновый венец
нашей боли,
терпенья и воинской Славы...
В вечернюю пору
на старом Арбате
на месте приметном
Играла старуха
на ветхом баяне
о самом заветном.
Играла старуха.
А в небе над нею
звезда загоралась.
Играла старуха.
И плакала память.
И жизнь продолжалась.

Фото О. ЛИТВИНОВА, Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА, В. ИВАНОВА

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

ПОЧЕМУ КРЕСТЬЯНИН РО

«ЗАРАБОТАЛ — ОТДАЙ!» — САМО СОБОЙ РАЗУМЕЮЩИЙСЯ ПОРЯДОК, КОГДА РАБОТНИКУ НАДО ВОЗДАТЬ ПО ДЕЛАМ, В ОСОБЕННОСТИ СЕЙЧАС, В ПОРУ ВСЕОБЩЕГО ПОВОРОТА К ХОЗРАСЧЕТНОМУ РУБЛЮ. КСТАТИ, В ИНЫЕ ВРЕМЕНА ДОСТАТОЧНО БЫЛО УДАРИТЬ ПО РУКАМ, ЧТОБЫ НЕЗЫБЛЕМЫЙ ПРИНЦИП ОБРЕЛ СИЛУ. СЕЙЧАС МЫ РИТУАЛ УСЛОЖНИЛИ, ДОГОВОРАМИ ЕГО ОБСТАВИЛИ, ПОДПИСЯМИ ЗАКРЕПИЛИ.... НО ВОТ КАКАЯ ШТУКА: НЕРУШИМОЕ СЛОВО НАШИХ ДЕДОВ ОСТАЕТСЯ СОЛИДНЕЙ И КРЕПЧЕ ТЕПЕРЕШНИХ ГЛАДКИХ БУМАГ. ВСЕ ЧАЩЕ ИЗ ХОЗЯЙСТВ ЖАЛУЮТСЯ: МЫ ЗАРАБАТЫВАЕМ, А НАМ ЧТО ПОЛОЖЕНО НЕ ОТДАЮТ. ОБСЧИТЫВАЮТ ПО-ВСЯКОМУ — МАНИПУЛИРУЮТ РАСЦЕНКАМИ, ЗАНИЖАЮТ ПРОЦЕНТ ДОПЛАТЫ ЗА СВЕРХПЛАНОВУЮ ПРОДУКЦИЮ... И ОХОТНО ПРОТАСКИВАЮТ В ДОГОВОРАХ «ТЕМНЫЕ» ИЛИ «РАЗМЫТЫЕ» ПУНКТЫ, КОТОРЫЕ ПОТОМ АДМИНИСТРАЦИЯ ТОЛКУЕТ В УГОДНОМ ЕЙ ДУХЕ. РОПЩЕТ КРЕСТЬЯНИН. РОПЩЕТ И ПОЗВОЛЯЕТ СЕБЕ УСОМНИТЬСЯ В ХОЗРАСЧЕТНЫХ НАМЕРЕНИЯХ И В ПОДРЯДНО-АРЕНДНЫХ НОВАЦИЯХ. САМОЕ СТРАШНОЕ ТУТ — ДИСКРЕДИТАЦИЯ ИДЕИ И ВСЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ДЕРЕВНЕ.

...ПЩЕТ?

Юрий ГОВОРУХИН
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

КАЖУЩАЯСЯ ПРОСТОТА

В кабинетной тиши на эту тему можно написать заумную статью, книгу. Даже диссертацию. Но не лучше ли поехать в недальнюю от столицы Рязанскую область, к братьям Гуськовым из совхоза «Ряжский», откуда окольными путями, разговором-беседой случайно встретившихся журналистов и механизаторов докатилось накопившееся недовольство: «Братцы, помогите разобраться, никак в толк не возьмем — сколько же мы на самом деле зарабатываем?»

...В деревушке Марьино братья Гуськовы — тот самый корень земли, на котором все наше российское село держится. Дворов тут немногим больше десятка, из них три — гуськовские. И в бригаде, что здесь же обосновалась, из одиннадцати трактористов трое — опять же одной фамилии. Отец их до недавнего времени был коренником в семейной упряжке, много лет землю обихаживал, но вышел срок, силы уж не те, вот и перешел, по его собственным словам, в «пенсионный обоз». А сыновья — вот они, один к одному, крепыши-боровички, мастера на все руки, выращивают на полях и хлеб, и кормовые культуры, и овощи всякие. Да еще племя гуськовское подрастает: у бригадира Виктора Владимировича двое детишек, у Александра — столько же, а у Анатолия — и вовсе трое. Вот и выходит, все они корень, самая что ни на есть соль земли.

Тут, конечно, можно было бы умилиться и развести тары-бары насчет таких замечательных, на все готовых и все могущих мужиков, которые и себя не жалеют, и нас, грешных горожан, кормят, и пашут от зари до зари. Но Гуськовы — народ непокладистый, позволяют себе сомневаться, возмущаться, даже непечатные слова говорить в адрес начальства, низводя тем самым все громкие словеса о хозяйственной перестройке к прозаической проблеме — заработку.

— Вот говорят некоторые: и чего вы ерепенитесь, по триста на нос имеете и недовольны? Но разве только в этом дело?! Ведь мне везде толкуют, что я должен быть хозяином на земле. А какой я, к черту, хозяин?

Виктор кипятится и выуживает могучими пальцами из протянутой мною пачки папиросину. Разговор наш происходит в кабине «уазика», куда мы забрались для конфиденциальности и уюта — все лучше, чем на машинном дворе под пронизывающим весенним ветром стоять.

— Вот смотри: три года назад бригада взяла подряд. Оформили все как положено, сработали нормально, в конце года получили кто по тыще, кто по полторы за урожай, сверхплановую продукцию и так далее. В позапрошлом году опять берем подряд, работаем лучше, урожайность выше, валовки больше, приходим за расчетом — нам платят столько же! Как же так? Мало того, раньше оплачивали 20 процентов сверхплановой продукции, а потом стали 10. В прошлом году — та же история...

Ну, мы, конечно,— продолжает он,— в бухгалтерию — шумим, права качаем. А там папки достали, бумажками — шурх-шурх, костяшками на счетах — щелк-щелк, от цифр в глазах рябит, тут еще инструкции зачитали... Короче, никто ничего не понял, плюнули и пошли. С полпути я возвращаюсь, говорю: а почему же 20 процентов натуральной оплаты нам не дали, ведь в договоре и это было оговорено? А мне в ответ: «Зерна мы вам по три тонны отпустили, а силосом или кормовыми корнеплодами натуроплату не дадим — нет возможностей». Повернулся я, пошел, от злости над порогом конторы ногу занес — и обратно: «А почему 10 процентов даете, а не 20?» Мне договор суют, там точно — 10 процентов указано, честно говоря, я маху дал, договор толком-то и не прочитал в свое время. Чешу в затылке, укоряю конторских: «Радуетесь, что неграмотных мужиков обманули? Может, хоть процентов 15 от сверхплановой по расчетной цене нам отдадите?» Потом вроде так и договорились...

— Послушай,— обращаюсь я к Виктору,— сам-то ты мне толком можешь сказать, где, в чем, на сколько рублей тебя обманули?

— Не знаю, понимаешь! — злится бригадир и бьет кулаком по баранке, на удар звонко отвечает клаксон — так, что ребята у мастерской вскидывают головы и смотрят в нашу сторону.— Не зна-ю!

На кого злится Гуськов? Да на себя в первую очередь. На то, что он «бестолковый, всего восемь классов кончил», что никак не может докопаться до сути, конечно, они вкалывают, а контора им деньги считает...

Стоп! Упрек, сделанный Гуськовым самому себе, достаточно поучителен. Экономический механизм расчетов на подряде настолько сложен, запутан, что Виктор и не пытается вникнуть в его схему своим, как он говорит, «умишком». Может, потому бухгалтерия и не желает считать зарплату вместе с бригадиром. Да и то — когда этим заниматься? Привычная служба конторы — костяшками счетов щелкать, а они как в апреле впрягаются, так до октября по 14—15 часов каждый день и трубят. Некогда лезть в бухгалтерию, да и, честно говоря, неохота.

Вздохнем, задумаемся и согласимся: склад ума наших земледельцев порожден колхозно-совхозной системой. Они доверяют не себе, а начальству, которому, как известно, видней. Значит, их легко обмануть, и потому обманывают часто и безнаказанно — нет концов-то, за которые можно ухватиться при расчете. Нет у этих людей и предприимчивости. Подписывая договора, они и в святцы-то не заглядывают. Не чувствуют себя полноправной договаривающейся стороной, лишь подмахивают готовый документ. Все просто: контора придумала текст подрядного договора, а ваше дело исполнять. И платят им как хотят, ничтожен и процент отчислений на зарплату от стоимости произведенной продукции — семян клевера, допустим, произвели на десятки тысяч рублей, а им за работу заплатили по... 28! Хлебороб вроде бы «сам обманываться рад», хотя и звучит это кощунственно.

Но вот еще о чем мы поговорили с Виктором. Ладно, пусть они такие нескладные да бестолковые, ничего понять не могут, научиться не умеют. Но почему же деды наши, никаким наукам не обученные, с двумя — четырьмя классами ЦПШ (церковноприходской школы) могли грамотно на земле дело

вести? Ответ простой: здравый смысл ими руководил. Земля действительно кормилицей была, ошибка да недогляд дорого мужику обходились. Так вот: крестьян и всю страну здорово подкосила в свое время потеря здравого смысла. Потери интереса и зависимости от земли тех, кто на ней работал. Не связан мужик пуповиной с землей-то! Эту пуповину либо начисто отрезали, либо вокруг всякого указанного начальства накрутили, куда оно потянет, туда и идет некрестьянин.

Сейчас мы, слава богу, возвращаемся к здравому смыслу, и то верно, давно пора хлеборобу с землей напрямую разговаривать, без «переводчиков» из начальства. С таким поворотом мы, правда, здорово опоздали. Успеть бы, а? Пока в деревне настоящие люди не перевелись?

КОЗЫРНАЯ КАРТА — ЗАТРАТНАЯ!

Не будем, однако, слишком доверять уверениям земледельцев и собственным выводам, что человек от сохи не умеет и не хочет считать. С арифметикой у него дела становятся значительно лучше, стоит только попасть в определенные условия. Мне Гуськов говорил: «Вот ежели бы вместо всяких там чеков живые деньги были — тогда совсем другое дело! Что такое деньги мы вообще-то знаем, но ведь у нас они призрачные, ходят вокруг, а мы их не видим, не чуем. Зато дело имеем с бумажками. Трактора, удобрения покупаем по доверенности, чеки никто всерьез не принимает. Это какая-то игра, мы вроде бы условились так считать, а думаем себе на уме другое. В общем, сплошная писанина и путаница получается, только бухгалтерия и может разобраться. Неловко все это, несподручно».

Ну ладно, настоящего стимула нет, вместо него контора предпочитает «бить по глазам»: «Вы и так по триста рублей на нос имеете». А как она самато считать умеет?

Моими собеседницами были главный экономист совхоза Валентина Петровна Новичкова и экономист по зарплате Татьяна Григорьевна Литвиненко. Мы посидели основательно над бумагами, продрались сквозь утомительную цифирь, затуманенные инструкции и, наконец, смогли достаточно кратко и популярно изложить суть принятой здесь методики расчета заработков механизаторов.

Она громоздка и неповоротлива. Все строится на технологических картах по каждой культуре, выращиваемой в бригадах. В карте расписан цикл работ, определена площадь и плановая урожайность, учтены различные доплаты. Из невообразимой мешанины цифр складывается внутрихозяйственная расчетная цена за единицу продукции. И вот что интересно: чем больше работ записано в эту карту, тем выше расчетная цена, расценки, а значит, и фонд оплаты. И чем выше урожай, тем ниже аккордная расценка за продукцию.

Значит, упрощать технологию или менять ее в зависимости от обстоятельств, погоды, весьма невыгодно. Выходит, успех дела не зависит от творческих устремлений людей, их сметки и оборотистости. Он, оказывается, зависит от набора имеющейся техники. Так, в бригаде Валерия Васильевича Корнеева работают на тракторах Т-150, а у Гуськова — на «Беларусях». Там норма — 23,5 гектара в день, а тут 8,3. За 100 гектаров расценка получается 24 рубля, а гуськовские ребята за ту же работу получат 67 рублей. И, значит, самое выгодное — работать на лошадях!

У животноводов тоже чудно выходит: тарифы и фонд зарплаты в хозяйствах одинаковые. Зато надои разные. И если в соседнем колхозе берут по полторы тысячи килограммов молока от коровы в год, то стоимость (и расценка) за центнер молока (фонд зарплаты делят на надой) будет выше, а если 3000 килограммов, как в «Ряжском», то вдвое ниже. Во какая механика! Прямо противоположная всем нашим разговорам о хозрасчете, самофинансировании и самоокупаемости. Вопреки здравому смыслу.

«К тому же с плохими кормами добиться большого роста продуктивности невозможно,— жаловались доярки,— остается только пытаться снижать себестоимость, но мы покупаем корма по тем ценам, которые нам диктует администрация. А она исходит из стоимости, сложившейся в земледелии». Получается, что животноводы должны подстраиваться к успехам и неудачам механизаторов. И это еще бы ничего, да вот обидно: если на ферме не выполнили договорные обязательства, материальное наказание неизбежно. А случись срыв в полеводстве, опять же страдает животновод. Ведь если кормов меньше, качество их ниже, то и продуктивность стада не растет.

Всю эту удивительную систему венчает «планирование от достигнутого». Будьте уверены: раз при плане 20 вы взяли по 25 центнеров зерна с гектара, то на будущий год вам планочку установят именно на этой отметке. И потому шансов взять больше сверхплановой продукции по более высокой цене у вас будет значительно меньше. И наоборот: при скромненьких 10—14-центнеровых намолотах (и планах) вы, получив вдруг по 20 центнеров зерна на круг, непременно угодите в передовики, так как у вас солидный «плюс» к низкому плану, а значит, обеспечена солидная премия за прирост урожая. И расценка каждый год меняется в зависимости от него: чем он выше, тем она ниже.

— И что же — нет другой методики определения расчетных цен за продукцию? — удивляюсь я.

— Нет! — в один голос отвечают мне милые женщины из совхозной бухгалтерии.— Может, она и существует где-то в НИИ или передовых хозяйствах, но до нас пока не дошла.

А Татьяна Григорьевна Литвиненко добавляет:

— Вот вы, журналисты, часто пишете: контора против прогрессивных форм организации труда, против подряда и аренды. Да нет же! Контора не против. Но ей диктуют планы, а она вынуждена, в свою очередь, диктовать земледельцам, к тому же технология расчетов цен несовершенна и сложна, а новых методик нет.

«Оплата труда в сельском хозяйстве усложнена до предела и не поддается расшифровке исполнителями» — так суховато и вполне определенно высказалась главный экономист Ряжского производственного межхозяйственного объединения Александра Дмитриевна Чернышева.

Да какая уж тут «расшифровка»! Система совершенно уникальна: чем выше урожай, надой, тем дешевле аккордные расценки за продукцию. Сейчас, правда, разрешено делать не 25, как раньше, а 50-процентные надбавки к цене за сверхплановую продукцию. Но мы с Александрой Дмитриевной не поленились, сравнили два хозяйства: стабильный «Ряжский» и соседний с ним отстающий колхоз «Красное знамя» — разница в расценках за единицу продукции и при 50-процентной накидке составила всего... 8 копеек!

Определить расчетные внутрихозяйственные цены никто в конторах не умеет. Нет высококлассных мастеров хозрасчетного анализа. Привыкли к подсказке, к инструкции, к установленным тарифам. А ведь внедрение, например, того же арендного подряда можно сравнить со сложнейшей операцией — пересадкой сердца. Только аграрники могут это «сердце», то есть совокупность внутрихозяйственных цен, создавать, конструировать. Ни в одном справочнике нельзя, невозможно их списать, позаимствовать, для каждого колхоза или совхоза они индивидуальные. Тут нужна ювелирная точность, иначе реакция «отторжения» неизбежна. В экономике тоже нужно соблюдать закон совместимости. К сожалению, на местах нет грамотных, творчески думающих «хирургов», а есть только «терапевты», привыкшие выполнять указания сверху.

Итак, у нас просто не существует другой оплаты труда на подряде, кроме той, что основана на затратной технологической карте, оказывается, козырной в утвердившемся хозрасчете. Отсюда становятся еще понятней причины массовой неразумности наших механизаторов, животноводов и мудрености экономической службы в конторах. Пораскинув мозгами, нетрудно догадаться, что в нашей деревне просто на редкость бестолковый рубль, он ничейный, а значит, чужой, приблудный, случайный, неустойчивый, дурной. Он вертит нами, как хочет.

Так о чем же мы говорим, ударяясь в теории, как должно быть? Не лучше ли приглядеться к тому, как у нас есть на самом деле? Почему, к примеру, оплата труда механизаторов и доярок поставлена в зависимость от произведенной продукции, а конторы — от реализованной? Интересно получается: стоит выполнить план продажи, и премия автоматически обеспечивается персоналу — счетчикам и указчикам, абсолютно не связанным с производством, а на полях и фермах люди остаются в стороне, хотя их вклад был решающим. Ведь им-то надо выполнить более напряженный план по производству продукции.

Бестолковый рубль не оставляет никаких надежд и на аренду. В Ряжском районе она со скрипом набирает ход. Я взял и заглянул в некоторые договора. Там арендаторам расписывают — сколько и чего они должны выдать, по какой цене, определяют лимиты затрат, фонд заработной платы, в том числе зарплату по тарифу. Предусмотрительные администраторы впихивают в договора даже такие требования, как «содержать в исправном состоянии выделенную технику» или «соблюдать требования по противопожарной охране» (!). Все, все есть в договорах. Нет там только самой аренды. Потому что настоящий арендатор должен быть собственником и средств производства, и конечного продукта. Он должен платить арендодателю только налоги, а также за технику и землю. А уж что он выращивает, кому и как продает, по какой цене — это его дело! Кстати, Виктор Гуськов, оказывается, и без чиновников-толкователей прекрасно разбирается в сути арендных отношений. Он сказал: «Аренда — это как бы сотки у моего дома. Я плачу сельсовету 25 рублей за них, за огород, и что хочу там сею, как хочу свой урожай продаю. А у нас? Вовсе никакой не подряд, не аренда, а крепостное право!»

Вот тебе и «неграмотный»! Вот тебе и «бестолковый»! Да Гуськов сто очков вперед даст всем нашим конторским радетелям за хозрасчет и перестройку экономики. Только как же мы далеки от желаемой цели! У нас возведен в абсолют феодальный принцип: раз загнали в подряд или на аренду, то выйти не моги. И вся беда в том, что связь человека с землей прервана, разрушена, между ними стоят посредники — руководство, а внутри хозяйств — контора. И пока мы не восстановим прямого союза пахаря с полем, ничего у нас не получится.

А способны ли мы возродить крестьянство как таковое на нашей земле? В нынешнем своем виде оно работает без интереса. Перерождение крестьянства в «рабочую силу» происходило на протяжении десятилетий, и вот нынче мы делаем с помощью различных форм подряда, фермерства не совсем удачную попытку вернуть деревенского человека к семейному и осознанному труду на земле. Конечно, восстановить крестьянство как сословие, в патриархальном смысле, основываясь на лубочных представлениях о его традициях, хороводах на лугу и вечерних посиделках по меньшей мере наивно. Но мы можем создать крестьянина как современного профессионального земледельца, свободно работающего на арендованном или собственном наделе.

В принципе речь идет даже не о восстановлении, а именно о формировании слоя надежных кормильцев народа. И тут очень важно поменять «религию», экономика должна занять в головах людей подобающее место взамен демагогической «идеологии». Мы должны сказать правду о себе, чтобы ужаснуться допущенным ошибкам, а ужаснувшись, изменить себя. Экономика не должна подчиняться диктату райподщиков, должна жить и развиваться по собственным объективным законам.

Конечно, чиновничий слой, «захребетники» будут противиться перестройке. Функционеров пугает перспектива потерять власть, привилегии, так как в новых условиях трое будут делать то, что раньше с погонялами и указчиками делали 30 человек. И раз наши цели меняются вместе с экономической обстановкой, мы можем наиболее способных аппаратчиков просто «загнать в перестройку», так же как некогда они загоняли крестьян в колхозы. Можем.

НОТА ПЕЧАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА

В мастерской центрального отделения мы устроили «нелегальное сборище» механизаторов бригады Валерия Васильевича Корнеева (сам он был в отъезде). Инициаторами разговора стали я и Валентин Леонтьевич Комиссаров — председатель рабочкома «Ряжского» и учетчик бригады.

Толковали все о том же — об оплате труда. Соглашаясь с мнением бригады Гуськова, ребята добавили свои краски к портрету бестолкового рубля. Они четко определили, что снижать себестоимость продукции невыгодно, что, чем больше ее произведешь, тем больше затрат на транспорт, больше надо возить, и этим «съедаешь» свою зарплату. Что в договорах не предусматривается никакой экономической ответственности конторы перед ними. «Раньше, когда получали „от колеса“, знали, сколько заработаешь, а теперь не знаем», «В договорах нет живых денег, все приходится выбивать из администрации», «Центнер зеленого горошка совхоз продает государству за 25 рублей, а нам за собранный центнер платит рубль», «В конторе только и говорят: „По технологии сложилась такая цена“. И наконец: „Заработал — отдай! Но когда же будут отдавать сполна?“»

Такие вот феномены, отражающие состояние нашей хозрасчетной практики в деревне на сегодняшний день. И тут я сказал примерно следующее. Мне вас нечем утешить, мужики! Пока между администрацией и вами существуют отношения найма — и на подряде, и на аренде, поденщик всегда будет не прав. И пока на вас будет распространяться выведенная в конторе расчетная цена, а не рыночная, пока вам будут навешивать планы-заказы под завязку, по сути продразверстку, пока у вас будет только один покупатель в лице хозяйства-диктатора, а не пять или десять, как должно быть, со своей ценой за вашу продукцию, никаких радикальных перемен не произойдет.

Выводы, конечно, неутешительные. Но не безутешны мои мужики. Похмыкали, повздыхали. А потом кто-то сказал:

— А чего нам? Куда мы денемся? Будет тонна стоить 30 рублей или два рубля — все равно будем работать!

Заулыбались, попрощались со мной и пошли по своим делам. А я подумал: удивительный у нас народ. Замечательный, конечно. Но хорошо ли — вот так-то жить и думать?

Ряжский район,
Рязанская область

ПОЧЕМУ Я СНЯЛ СВОЮ КАНДИДАТУРУ ●
НАКАЗ ДЕПУТАТАМ ●
МОЖНО ЛИ КРИТИКОВАТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО? ●

■

Проект Закона о налогообложении предлагает значительное увеличение налогов с ростом дохода человека, начиная с 700 рублей в месяц. Основа этого кажется ясной: чем больше получаешь, тем больше плати. Правильно, справедливо ли это?

Социализм предполагает распределение доходов по труду, если, конечно, этот доход заработан. Это значит, если один человек вырабатывает за один и тот же промежуток времени в полтора, три или пять раз больше, чем другой, то и получать он должен соответственно в полтора, три или пять раз больше, поскольку за равный труд предполагается равная плата. Поэтому, если нерадивый вырабатывает лишь прожиточный минимум, то он не дает обществу ничего: то, что он создал, он просто проедает, хотя сам из общественных фондов получает немало (детский сад, школа, вуз, медицинское обслуживание и пр.). С другой стороны, если трудяга вырабатывает в пять или более раз больше, то он все равно получит от общества относительно меньше — сработает прогрессивный налог. Не приведет ли нас это в результате к уравниловке, но на другом уровне?

Предвижу возражения: а как быть с кооператорами, заработки которых несравнимы с теми, кто занят в госсекторе?

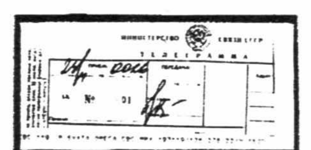
Но в рыночной экономике такое положение возможно, поскольку доход определяется ценами, а цены зависят еще и от спроса, а не только от предложения. Большой спрос при малом предложении (дефиците) ведет к росту цен. Поэтому кооператоры, нашедшие область сильно неудовлетворенного спроса, получают заработки, не соответствующие их трудовому вкладу, поскольку доходы их — следствие неудовлетворенного спроса, но это не их вина, а наша беда. Отсюда следует, что в оплату налогов идут опять же деньги потребителей, которые согласны платить за товар. В конечном счете налог опять-таки ударит по населению, не избавив нас от дефицита.

Первоначально предполагалось, что кооператор, получающий большие доходы, будет на эти деньги расширять производство тех же товаров, обновляя оборудование, технологию, то есть увеличивая кооперативно-социалистическую собственность. Благодаря этому рынок довольно быстро будет насыщаться, поскольку предложение будет расти, а цены падать, приходя в равновесие со спросом. Если же кооператор будет платить большой налог, то выпуск товаров будет расти медленнее, а цены также медленнее падать.

Разве этого мы хотим достичь, увеличивая налоги?

Накопление — это отложенный спрос. Спрос — это повышение цен. Высокие цены — это большие доходы. Опасность содержится в том, что, если доход пойдет на накопление, получится порочный круг, из которого нет выхода. Мудрость закона заключается не в запрещении высоких доходов, а в том, чтобы направить часть дохода на общественно полезные дела: производство, медицинское обслуживание, культуру... Благотворительность путем вычитания этой части из доходов, а следовательно, без обложения ее каким-либо налогом. Даже малая часть этого дохода, добровольно пожертвованная на такие дела, полезнее для общества, чем насильственнее отторжение путем налогообложения.

О. СТАРОВЕРОВ,
доктор экономических наук

■

Внимательно рассмотрев проект Закона СССР об изменении порядка и размеров налогообложения населения, пришли к твердому убеждению в его антиперестроечной сущности. Закон направлен на уравниловку, осужденную в последних решениях партии и правительства, своим острием бьет по активной части трудового населения, людям, как правило, работающим в сложных климатических условиях по 10—12 и более часов в сутки. Особенно от него пострадают трудовые коллективы, перешедшие на работу по арендным отношениям. Труженики этих коллективов, как правило, за свой труд получают заработную плату один раз в году или раз в полгода — например, экипажи рыбопромысловых судов по окончании рейса. В этом случае полностью теряется смысл интенсивного труда работников, соответственно пострадает дело. Проект также не отражает сущности социальной справедливости.

Предлагаем: для лиц потенциально нетрудоспособных по состоянию здоровья или другим важным причинам на интенсивный труд, например, с работающих инвалидов III и II групп, престарелых, студентов и т. д., при заработке до 150 рублей подоходный налог взимать в размере 6 процентов. Второе: матери-одиночки, инвалиды войны и инвалиды-интернационалисты всех категорий от подоходного налога освобождаются. Третье: с остальных категорий населения подоходный налог взимается в размере 14 процентов, независимо от суммы заработка, включая творческих работников. Четвертое: от любых сумм законных, но нетрудовых доходов (наследство, доходы от эксплуатации ценных бумаг, при сдаче внаем помещений, гаражей и т. д.) подоходный налог должен составлять 20 процентов. Считаем, что предлагаемые изменения в проекте более соответствуют вопросу социальной справедливости, требованиям перестройки, сегодняшнего дня.

В. ЧЕПИКОВ,
капитан-директор транспортного рефрижератора «Бухта Омега», работающего на коллективном подряде второй год

■

Меня постоянно спрашивают в последние дни: почему я снял свою кандидатуру при выборах народных депутатов в Академии наук, хотя мой «рейтинг», говоря языком шахматистов, был четвертым среди кандидатов?

Не скрою: это решение мне далось нелегко. Но оно продиктовано, как это ни парадоксально звучит, теми же мотивами, что и мое решение участвовать в избирательной кампании. Первый этап, как уже неоднократно отмечалось, был явно недемократичным, не отвечал желаниям подавляющей части научной общественности. Именно поэтому, получив поддержку более чем ста научных коллективов, я решил участвовать в предвыборной борьбе. Но увидев, что идет по-настоящему демократический процесс выборов (хотя и не без недостатков), что выдвигаются в большинстве своем достойные люди, я решил снять свою кандидатуру. Трезво все взвесив, я понял, что состояние здоровья просто не позволит мне сочетать научную деятельность с большой работой в парламенте страны. Страна переживает переломный период. И каждый из нас должен оценить реально свои возможности. Тут не может быть места амбициям, тщеславию и честолюбию. Ведь решается судьба народа. И сейчас, в канун повторных выборов, это нужно помнить и кандидатам, и избирателям.

Академик С. ШАТАЛИН

■

Принятый 8 апреля 1989 года Президиумом Верховного Совета СССР Указ «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и некоторые другие законодательные акты СССР» сразу же привлек внимание общественности, средств массовой информации и, разумеется, юристов. Уже высказаны самые различные суждения: от полного одобрения всех новелл Указа до резкой критики, которой некоторыми учеными была подвергнута вновь введенная ст. 11^1, озаглавленная «Оскорбление или дискредитация государственных органов и общественных организаций».

Надо признать, что разработчики Указа (как всегда, безымянные) проявили непоследовательность: отказавшись от таких широко и вольно толковавшихся понятий, как антисоветская агитация и пропаганда, они ввели в Закон аналогичный по своей «вместительности» термин — дискредитация.

Действующая ныне редакция ст. 11^1, на мой взгляд, опасна тем, что угроза обвинения в дискредитации может надежно защитить от какой бы то ни было критики определенный круг должностных лиц и государственных органов. В их число входит и Совет Министров СССР, поскольку его состав утверждается Верховным Советом СССР, как будто это обстоятельство само по себе гарантирует от принятия ошибочных решений.

В любой цивилизованной стране правительство нередко становится объектом самой резкой критики, ему может быть объявлен вотум недоверия, и все это рассматривается как неотъемлемые атрибуты демократии. Нам же в тот период, когда, по существу, решается исход перестройки, новый Указ запрещает публично обсуждать недостатки в деятельности правительства, не говоря уже о предложениях о смещении с поста кого-либо из оказавшихся некомпетентным министров или о смене правительства в целом конституционным путем, ибо, нет сомнений, это явная дискредитация.

Можно без преувеличения сказать, что судьба гласности в нашей стране в немалой мере зависит от того, будет ли поддержана народными депутатами ст. 11^1 в том виде, в каком она сформулирована в Указе.

Т. БОГОЛЮБСКАЯ,
кандидат юридических наук

■

Каждый школьник у нас знает, сколько красных дней в календаре. Но далеко не каждый взрослый способен сразу ответить на вопрос, почему количество свободных дней из года в год оказывается неодинаковым. Например, в 1987 году их было на три меньше, чем в предыдущем, и на четыре меньше, чем в последующем.

На первый взгляд все дело в случайном совпадении праздничных и выходных дней. Но всегда ли это совпадение случайно? Хроника времен застоя показывает, что иногда даже выбор дня праздника являлся глубоко продуманным актом, по крайней мере на ближайшую перспективу. Так, с переходом со «сталинской» на «брежневскую» Конституцию и переносом дня ее празднования с 5 декабря на 7 октября советский народ целых три года, был, в сущности, лишен возможности иметь вполне законный свободный день. Это ли не наглядный пример расхождения слова и дела, когда декларируемое Конституцией СССР право на отдых тут же и отбиралось без всякой компенсации.

Кстати, не все, очевидно, помнят, что в довоенный период при совпадении праздничного и выходного дня предоставлялся другой дополнительный день отдыха. Лишь разовым постановлением Экономического совета при СНК СССР, принятым в отношении конкретного дня, 7 ноября 1940 года, в связи с обострением международной напряженности было решено другой выходной день не предоставлять.

С тех пор минуло почти полвека, а практика сия жива и поныне. За это время набралось несколько десятков «потерянных» по инерции выходных дней. Что потеряно — уже не вернешь, да и для Родины своей ничего не жалко. Но памятуя о том, что свободное время есть мерило богатства человека, не пора ли восстановить социальную справедливость и отметить, скажем, день 7 октября 1990 года, попадающий на воскресенье, предоставлением трудящимся другого дня отдыха. Это будет, по-моему, важным шагом на пути к созданию правового государства.

А. БЕЛОВ,
кандидат экономических наук
Тула

СКОЛЬКО ТРАТИТЬ НА ОБОРОНУ

В СССР периодически публикуются данные о количестве ядерных боеголовок и носителей, масштабах тех или иных видов вооружений или вооруженных сил. Но военно-экономическая информация до недавнего времени ограничивалась одной-единственной цифрой расходов на обеспечение обороноспособности (20,2 млрд. руб., или 4,1% от расходной части бюджета), которую никто в мире никогда не принимал всерьез.

Справедливости ради нельзя не отметить, что только в самое последнее время в этой одной из самых застойных областей началось движение вперед. В 1987 году было объявлено, что публикуемый оборонный бюджет отражает затраты только Министерства обороны и только на содержание личного состава Вооруженных Сил, материально-техническое обеспечение, военное строительство, пенсионное обеспечение и ряд других затрат. Финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также закупки вооружений и военной техники проходят по другим статьям государственного бюджета. В 1988 году наша страна выступила с заявлением, что, когда создадутся условия для реалистического сопоставления военных расходов, она приступит к использованию существующей в ООН системы стандартизированной отчетности для предоставления данных о своих военных расходах.

Выступая в Лондоне, М. С. Горбачев заявил, что мы ищем наиболее адекватный способ представить свои данные о военных расходах, но их сопоставлению с соответствующими расходами других стран мешает неконвертируемость рубля.

Все так. Но, несмотря на очень серьезное движение вперед, военные расходы продолжают оставаться закрытой сферой. В большинстве капиталистических стран военный бюджет публикуется, причем с подробной разбивкой по видам вооруженных сил и даже отдельным программам, ассигнования на военные нужды публично обсуждаются в парламентах, дебаты освещаются средствами массовой информации.

Такая гласность, правда, не является всеобъемлющей. Публикуется только то, что при всем желании не утаишь. Экономика — взаимозависимый механизм, поэтому недостающие данные можно приблизительно подсчитать, например, с помощью межотраслевого баланса. Многое просто видно из космоса. А вот что действительно секретно — прежде всего данные об отдельных военных проектах,— держится за семью печатями.

В распоряжении советских исследователей практически нет данных о военных расходах. Информационные «белые пятна» советская печать заполняет данными зарубежных экспертов. Сколько же СССР тратит на оборону, по мнению серьезных научных центров Запада?

Наиболее общим показателем экономического бремени военных расходов является их доля в валовом национальном продукте (ВНП). В 1988 году советский ВНП составил 866 млрд. руб., а объявленные военные расходы — 2,3 процента от ВНП. Таковы официальные советские данные. Тогда как, по оценкам Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира, военные расходы СССР в 1985 году составили (в постоянных ценах 1980 года) 146,2 млрд. долларов. В последующие годы этот институт отказался от публикации таких данных вследствие ненадежности систем оценок, но считает, что СССР тратит на оборону 10—15 процентов своего ВНП.

По данным лондонского международного Института стратегических исследований, советский ВНП составил в 1986 году 1670—2230 млрд. долл., в котором военные расходы занимали 12—17% (200—379 млрд. долл.) в текущих ценах. Большой разброс значений свидетельствует, что оценки весьма приблизительны.

Американская исследовательница Р. Сивард в своем ежегодном издании «Мировые военные и социальные расходы» приводит следующие данные. В 1984 году советский ВНП составил 1960 млрд. долл., а военные расходы — 11,5% от ВНП, т. е. 225,4 млрд. долл. Занимая одно из первых мест в мире по объему военных расходов, СССР, по данным ученого, находится на 23-м месте в мире по уровню социально-экономического развития (усредненный показатель ВНП на душу населения, расходов на образование и здравоохранение).

Наконец, по данным американского Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, в 1985 году советский ВНП в текущих ценах составил 2197 млрд. долл., а военные расходы — 275 млрд. долл., или 12,5% от ВНП. По месту военных расходов в ВНП СССР находится в одном ряду с такими странами, как Израиль, Саудовская Аравия, Оман, Катар, Иордания. Для сравнения можно сказать, что, по американским данным, ВНП США составил в 1985 г. в текущих ценах 4010 млрд. долл., а военные расходы — 266 млрд. долл., или 6,6% от ВНП.

О чем говорят приведенные цифры? Прежде всего о больших различиях в оценке советского ВНП. Этот показатель, давно принятый в подавляющем большинстве стран мира, исчисляется нашей статистикой только с 1988 года. По данным американских экономистов, соотношение по ВНП между СССР и США к середине 80-х годов составило 1:2. Представляется, что это соотношение несколько завышено в нашу пользу. Все же его можно принять за ориентировочную основу для дальнейших оценок.

Действительно, США тратят на военные цели в настоящее время около 300 млрд. долл., что составляет 6—7% от ВНП. Учитывая, что советский ВНП минимум в два раза меньше, чем американский, для поддержания военно-стратегического паритета нам приходится тратить на военные нужды минимум в два раза больше средств от своего ВНП, т. е. 12—14%, а если учесть, что производительность труда в советской промышленности ниже, чем в американской, то эта доля может быть и выше. Как видно, цифры весьма близки к западным.

Далее. Если взять 12—14% от советского ВНП, то реальная сумма советских военных расходов составит 104—121 млрд. руб. Эта цифра при переводе ее в доллары уже сопоставима с соответствующими западными оценками. Сокращение военного бюджета, объявленное СССР, означает экономию 15—20 млрд. руб. народных денег, что соответствует, например, всем государственным расходам на здравоохранение или на общее образование, воспитание детей и подростков в дошкольных учреждениях, начальных, средних, вечерних школах, интернатах.

В то же время это шаг в сторону разумной достаточности в обороне. Преобладавший в нашем оборонном строительстве валовой подход, заставлявший симметрично реагировать на все, в том числе и явно провоцирующие действия США, был дорогой в никуда. Точнее, в тупик. Мы дали втянуть себя в разорительную гонку вооружений, стремясь реагировать по принципу «око за око, зуб за зуб». При этом нужно учитывать, что поддерживать военно-стратегический паритет приходится в условиях отсутствия экономического паритета между СССР и США, странами ОВД и странами НАТО. По основным экономическим показателям страны Варшавского Договора уступают странам НАТО в 2,6 раза, а странам НАТО и Японии — в 3,2 раза.

При таком соотношении экономических сил попытки выдержать конкуренцию в вооружениях, симметрично копируя действия противоположной стороны, могли привести только к одному: растущему перераспределению средств через государственный бюджет в пользу оборонных отраслей в ущерб гражданским. Фактически это означает бесплодное проедание растущей части национального дохода. Это мы очень

быстро почувствовали по пустым полкам магазинов, особенно с начала 80-х годов, когда понизившиеся цены на нефть привели к сокращению поступлений в страну твердой валюты, что делало невозможным, как и прежде, латать растущие бреши в народном хозяйстве за счет импорта. Я не склонен объяснять все наши экономические беды только перерасходом средств на оборону. Но негласный принцип «паритет любой ценой» внес в них свою лепту.

Я вижу несколько основных направлений, по которым может идти сокращение военного бюджета. Во-первых, это отказ от симметричного наращивания вооружений и военного производства в ответ на провоцирующие действия другой стороны, предпочтительность асимметричных контрмер, более дешевых, но способных нейтрализовать потенциальную угрозу противника. Такой подход уже заложен нами в ответ на американскую СОИ. Ученые посчитали, и оказалось, что асимметричный ответ, который обесценит СОИ, обойдется много дешевле ее стоимости.

Надеюсь, однако, что отказ копировать СОИ не означает отказ от разработки в мирных целях тех направлений научно-технического прогресса, которые в США разрабатываются для решения военно-космических задач. А то как бы не получилось так, что США досрочно уйдут в третье тысячелетие, научившись строить, скажем, гигантские космические зеркала для концентрации солнечных лучей, а мы так и останемся с металлической болванкой, поставленной на ракетоносителе, с помощью которой эти зеркала будем бить, чтобы они не смогли поджигать наши города.

Пример, конечно, наивный. Я только хочу сказать, что отказ от симметрии в военной области не означает ненужности стремления к разумной симметрии в социально-экономической и научно-технической сферах, до которой нам во многих случаях еще далеко.

Второе направление — значительное, более чем в два раза, сокращение численности Советских Вооруженных Сил при одновременном улучшении их технического оснащения и боевой выучки. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О сокращении Вооруженных Сил СССР и расходов на оборону в течение 1989—1990 годов» предполагается провести сокращение Вооруженных Сил СССР на 500 тысяч человек, существенно сократив объем обычных вооружений и расходы СССР на оборонные нужды по Государственному бюджету СССР.

Из выступления М. С. Горбачева в Великобритании советский народ впервые за всю послевоенную историю узнал, что численность Вооруженных Сил СССР составляет 4 миллиона 258 тысяч человек. Целесообразно ли содержать в мирных условиях одну из самых больших в мире армий? Может быть, нужно обдумать более глубокие сокращения, ведь Китай, например, имеющий армию, сравнимую по численности с нашей, пошел на ее сокращение на 1 миллион человек?

На память приходит также опыт сокращений Вооруженных Сил во времена Н. С. Хрущева: в 1955 году их численность была уменьшена в одностороннем порядке на 640 тысяч человек, в 1956-м — на 1,84 миллиона человек, а в 1960 году было проведено еще одно сокращение — на 1,2 миллиона человек. В результате на основе высвободившихся средств тогда удалось удвоить размах жилищного строительства, возвести более 100 домостроительных комбинатов, провести культивацию больших площадей неиспользуемой земли и увеличить на этой основе сельскохозяйственное производство, почти вдвое повысить размер пенсий и сократить рабочий день без снижения заработной платы.

Что касается идущего сокращения, то точная цифра бюджетной экономии, которая может быть в результате него получена, до сих пор неизвестна. Некоторые исследователи полагают, что она составит десятки млрд. руб. в год. Правда, из этой экономии нужно вычесть достаточно большие средства, которые уйдут на финансирование самого сокращения вооружений, переквалификацию военных кадров в специалистов гражданских отраслей.

Третье направление — для сокращения затрат на оборону можно было бы подумать о создании профессиональной армии. Правда, военачальники утверждают, что это приведет к увеличению затрат на содержание Вооруженных Сил в несколько раз. В условиях отсутствия необходимой информации точные оценки сделать трудно, но приблизительно подсчитать все-таки можно.

Офицеры, как известно, уже сейчас получают жалованье, значит, речь идет об оплате ратного труда только солдатского состава. Соотношение между солдатами и офицерами в нашей армии мне неизвестно, и западные оценки тут нам тоже не помогут — слишком велики различия в способах комплектования вооруженных сил. А зарубежные эксперты, как известно, смотрят на нас все же со своей «колокольни». И все же допустим с высокой степенью условности, что у нас в армии 1 млн. офицеров. Значит, даже при нынешних размерах Вооруженных Сил нужно изыскать средства, чтобы по достоинству оплатить непростой труд примерно 3,2 млн. солдат.

Даже если их средняя зарплата составит 300 руб. в месяц, что значительно выше среднего уровня зарплат по стране в целом, то в расчете на год нужно будет изыскать примерно 11,5 млрд. руб. Это половина официально объявленного военного бюджета. Между прочим, в США, где армия, как известно, наемная, на содержание личного состава тратилось в отдельные годы до 40—50% всех ассигнований на оборону. Поэтому дело заключается отнюдь не в нехватке средств на содержание профессиональной армии, а в неумении спланировать их использование.

Неоднократно приходилось выступать с лекциями в воинских подразделениях, где было видно, что называется, невооруженным глазом, что наша армия уже и так сильно профессионализирована. На всех ключевых постах служат офицеры, поскольку научить солдат, имеющих среднее образование, за несколько месяцев обращаться со сложной техникой, невозможно.

Экономию на профессиональной армии страна получит не прямым, а косвенным путем: за счет рационального распределения наиболее трудоспособной и перспективной части молодого населения.

В армии и на флоте насчитывается около 600 наименований военно-учетных специальностей, подавляющее большинство из них не имеют аналогов в народном хозяйстве. Поэтому намного дешевле один раз научить солдата управлять той или иной техникой, что и будет его военной специальностью, чем каждые год-два все начинать сначала с новым человеком. А если будущие физики и филологи, классные токари и плотники будут заниматься муштрой на плацу или ходить в наряд на кухню и убирать территорию, то это прямая растрата производственного и интеллектуального потенциала нации.

Думаю, что при сокращении численности армии не будет большой проблемы с набором профессиональных солдат: моральные и материальные стимулы (которые в 18 лет играют далеко не последнюю роль) сделают свое дело. Сказанное, однако, не означает, что дело защиты Отечества нужно переложить только на профессионалов. Думаю, что надо укрепить систему военной подготовки в учебных заведениях по близким специальностям, периодически (без отрыва от работы) проводить короткую, но толковую переподготовку.

Наконец, сокращение военного бюджета только тогда будет шагом, грамотным с экономической точки зрения, когда удастся прибыльно использовать высвободившиеся средства, обеспечить, если так можно сказать, экономическую эффективность разоружения. Очевидно, что часть экономии неминуемо уйдет на финансирование самого процесса разоружения, которое тоже, между прочим, стоит денег. Если уже пришлось построить под Чапаевском целый завод для уничтожения химического оружия, то даже трудно себе представить, какие потребуются затраты на создание инфраструктуры разоружения в случае крупномасштабного сокращения вооружений.

Поэтому необходимо как можно рационапьнее использовать сокращаемые вооружения: ведь за их производство мы уже один раз заплатили.

С трибуны ООН было объявлено об одностороннем сокращении 10 тыс. танков, 8,5 тыс. артиллерийских систем и 800 боевых самолетов. Трудно сказать, будет ли экономически эффективным использование бывших танков в качестве тренажеров или тягачей.

В любом случае каждый рубль, высвобождаемый из военного бюджета, должен дать минимум два в гражданском производстве. Поэтому было бы непростительной ошибкой использовать экономию на покрытие, хотя бы частичное, дефицита государственного бюджета. Финансируя дефицит таким образом, мы не устраним причин его роста. Через некоторое время он опять достигнет своих сегодняшних размеров, а резервных средств больше уже не будет.

В этой связи оказывается привлекательным вариант использования сэкономленных бюджетных средств на производство продовольствия и товаров ширпотреба. Уже принято решение привлечь к мирному производству 345 заводов и 200 НИИ оборонных отраслей. В том числе Минавиапрому поручено производство оборудования для плодоовощной, крахмало-паточной, макаронной продукции и машин для консервной промышленности, Минобoронпрому — производство агрегатов и поточных линий по переработке скота и птицы, выпуску мороженого, изготовлению металлической консервной тары; Минсредмашу — создание техники по переработке молока; Минобщемашу — производство оборудования хлебопекарной, сахарной, кондитерской, дрожжевой, масло-жировой промышленности.

Минавиапром и макароны, Минобoронмаш и мороженое... Странные сочетания. Неужели в авиационной промышленности решены все проблемы, а Минсредмашу больше нечем заняться, как только линиями по разливу молока? Где же соответствующие министерства? Принятое решение, с моей точки зрения, можно объяснить только потребностью быстро, опять-таки «любой ценой» поправить дела в запущенных отраслях легкой промышленности, но никак не экономически. Ведь себестоимость оборудования, произведенного на военных предприятиях, где выше уровень зарплаты и больше накладные расходы, может оказаться намного больше по сравнению с аналогичной продукцией гражданских отраслей. Но ее, видимо, просто нет, или она пещерного качества.

По работникам военных предприятий переход на производство такой продукции может нанести сильный материальный удар. На Воткинском машиностроительном заводе, где производились уничтожаемые ракеты РСД-10, уже сейчас существует реальная угроза снижения среднего уровня заработков, возникли проблемы с финансированием строительства жилья, социальной инфраструктуры. И никакая гражданская продукция, в том числе станки типа «обрабатывающий центр», стиральные машины «Фея», детские коляски, не в состоянии дать предприятию вал, который обеспечивался производством дорогостоящих ракет. И сам город по многим статьям выглядел перед богатым военным ведомством как бедный родственник с протянутой рукой. А ведь хозрасчет на пороге. Что будет с предприятием да и с городом в целом дальше?

Поэтому, по моему мнению, экономию от сокращения военного бюджета необходимо направить прежде всего в отрасли высокой технологии, в наибольшей степени соответствующие профилю военных предприятий, переориентируемых на мирные цели. В этом случае их продукция, прежде всего средства производства, смогла бы быстро дать на рынок технику мирового уровня, которая смогла бы тиражировать оборудование для выпуска тех же самых макарон или мороженого.

В принципе и это направление заложено в программу производства и создания оборонной индустрией новых товаров народного потребления на 1989—1995 гг. Правда, она все же в большей степени ориентируется на дорогой и технологически емкий ширпотреб (видеомагнитофонные камеры, лазерные цифровые звуковые проигрыватели, персональные компьютеры и т. д.), чем на средства производства.

Я, конечно, допускаю возможность использования в исключительных случаях динамичного и хорошо оснащенного потенциала оборонных отраслей для закрытия брешей в той или иной области в чрезвычайных условиях. Но, как недавно стало известно, оборонщики только в 1988 г. изготовили 10 млн. телевизоров, 95% всех отечественных холодильников, 62% стиральных машин, 69% пылесосов. Почему этими сугубо гражданскими товарами занимаются военные заводы? И не потому ли они такие дорогие?

Если и дальше электронщики будут делать оборудование для производства обуви, а авиаторы — линии по разливу молока, то боюсь, что у нас так и не будет ни достаточного числа персональных компьютеров, ни хороших молокозаводов, ни приличных башмаков. Классики литературы такую ситуацию уже описали в связи с попытками щуки ловить мышей: помните, про сапожника и пирожника?

Так сколько же тратить на оборону?

По моему мнению, контрольная цифра должна устанавливаться ежегодно Верховным Советом СССР в ходе обсуждения государственного бюджета. Здесь есть чему поучиться у американцев. В конгрессе США рассмотрение и утверждение военного бюджета происходит в форме слушаний, в ходе которых члены конгресса, представители министерства обороны, а нередко и представители деловых кругов, науки, общественных организаций, прессы открыто обсуждают бюджет вплоть до отдельных проектов. Приглашаются высококвалифицированные эксперты, сопоставляются альтернативные точки зрения. Информация о слушаниях и подробные отчеты публикуются.

Из числа депутатов Верховного Совета СССР можно было бы создать постоянно действующий орган, занимающийся бюджетными вопросами, в том числе и военных ассигнований. Такой орган мог бы вызывать любых должностных лиц и требовать от них любую информацию, входящую в круг его компетенции. Его главная задача — гарантировать высшему органу государственной власти и всему народу, что выделяемых средств достаточно для обеспечения надежной обороноспособности страны при любых разворотах в международной обстановке и что каждый рубль этих ассигнований используется самым эффективным образом.

Только разумная гласность в этой деликатной сфере в состоянии гарантировать нас от реанимации бездумного валового подхода к военному строительству, от рецидивов симметричных ответов, от возрождения принципа «паритет любой ценой». Нет, не любой, а только разумной.

Недавняя выставка работ Геннадия Сотскова была небольшой, но произвела на всех ошеломляющее впечатление — силой обличения, суровостью обвинения...

Как возникла эта выставка? Художник Сотсков решил снова посетить места своей юности, запечатленные им на многочисленных своих полотнах конца сороковых и начала шестидесятых годов. Результат оказался совершенно неожиданным, так как прежние пейзажи, радовавшие душу художника, исчезли! Вот так спокойное лирическое повествование ранних работ Сотскова внезапно переросло, перелилось в пафос страшного по своей силе обличительного документа. Под каждым этюдом Сотсков поставил дату уничтожения того или иного места и название гидростанции, совершившей это...

Надо восстанавливать утраченное, поруганное, погубленное и просто украденное. Иного выхода нет. Надо действовать. К этому зовет творчество Геннадия Сотскова.

Федор ПОЛЕНОВ,
директор Государственного музея-заповедника В. Д. Поленова

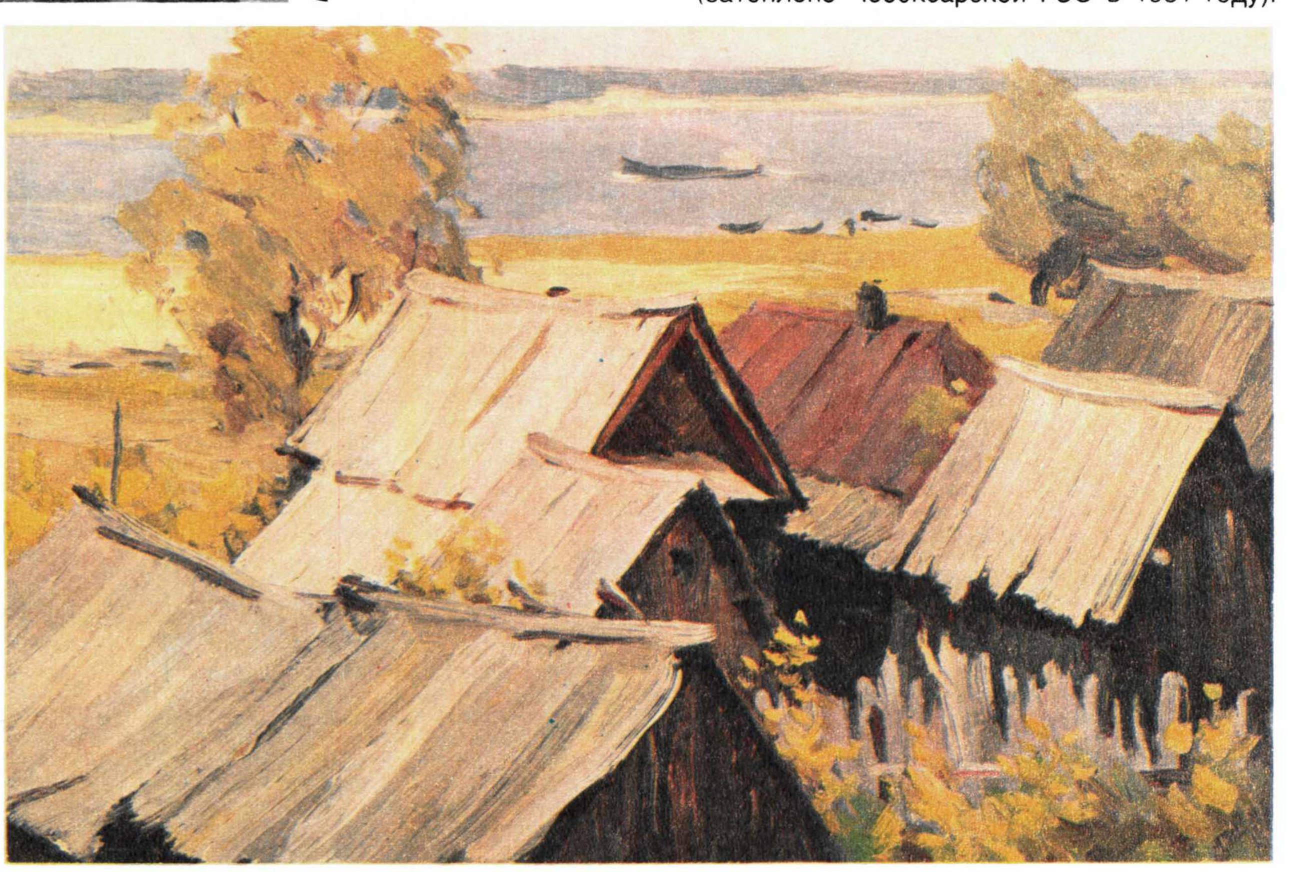
ЕНИСЕЙ В РАЙОНЕ СЕЛА ДОННИКОВО
(затоплено при заполнении Красноярского водохранилища в 1971 году).

Г. А. Сотсков. Род. 1925.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ПЕЙЗАЖИ

НИЖНИЙ ПОСАД СЕЛА ПРОСЕК ПОД ГОРЬКИМ
(затоплено Чебоксарской ГЭС в 1981 году).

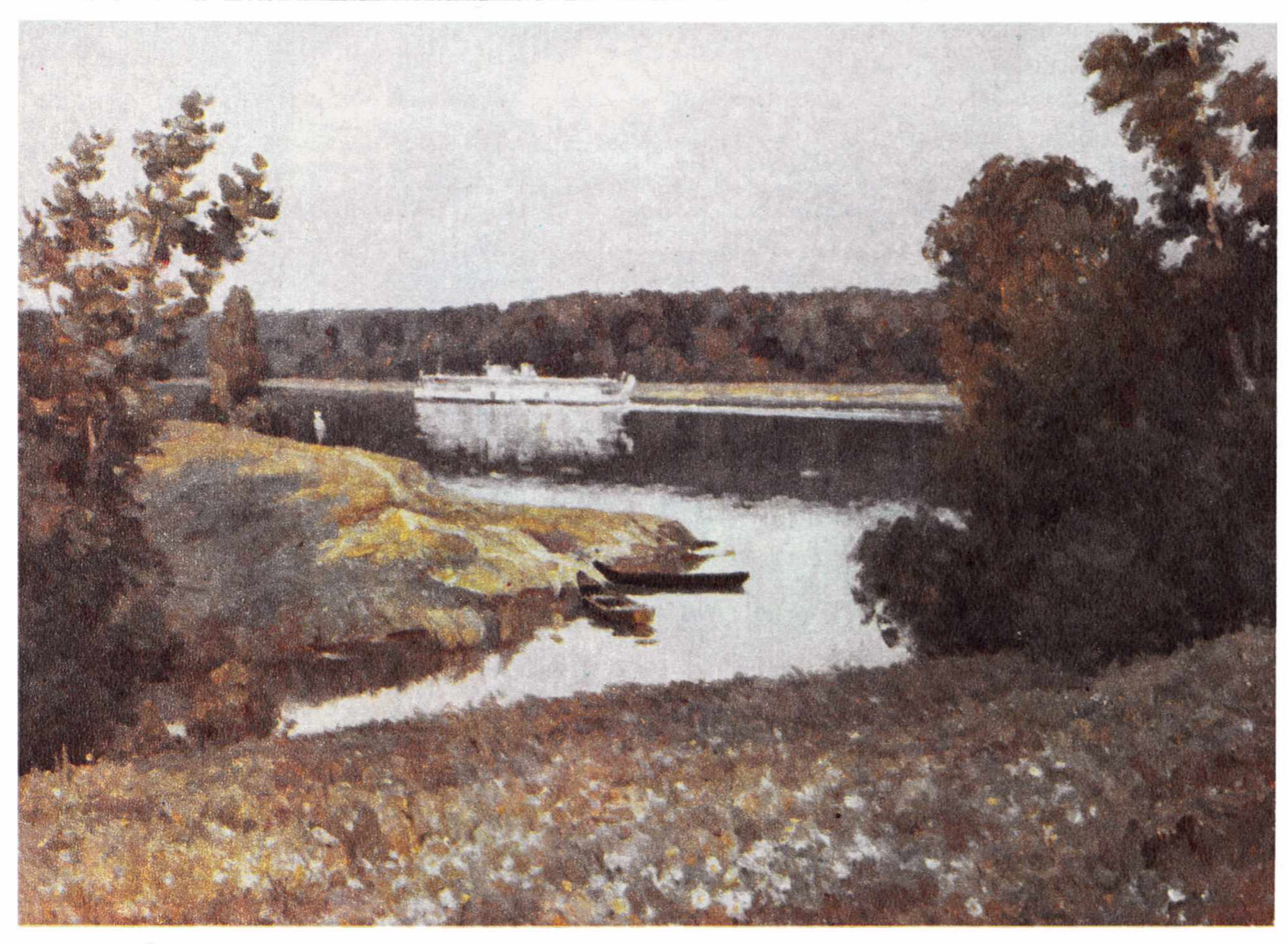
Геннадий СОТСКОВ

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК

Нет, не ждал я от этой поездки на Волгу ничего хорошего, хотя и ехал на свои насиженные места.

Со студенческих лет меня тянули завораживающие своей тихой прелестью волжские дали, песчаные косы и перекаты, таинственные повороты реки с уютными деревушками, спускающимися к самой воде, и торжественные храмы старинных русских городов и сел.

О Волге можно долго с упоением говорить, но действительность развеяла все мои восторги: как только наш огромный пароход вышел в воды первого волжского водохранилища, то сразу же стало ясно, что со старой Волгой все кончено. Я не верил, что лозунг,

ВЕЧЕРНИЙ ПАРОХОД.
(Старая Волга до затопления
Угличским водохранилищем в 1940-е годы).

звучавший в сороковых годах, о том, что надо превратить Волгу в сплошную цепь озер и морей, вопреки разуму, может быть так быстро реализован. Но первая же встреча с рекой подтвердила это. Затопленные сорок лет тому назад волжские берега так и не пришли в себя. Болота и оползни крутых берегов, затонувшие леса, застойная вода...

Вот и долгожданный город Калязин. Я помню его шумным торговым городком с колокольней Никольской церкви на высоком крутом берегу Волги и с красивым монастырем на другой стороне реки, с уютными улочками, сбегающими с берега к пристани. Но сегодня печальное зрелище нагоняет тоску, больно и стыдно становится, когда видишь, во что превращен старинный город.

Теперь посреди Волги одиноко стоит колокольня, как памятник нашему варварству. Колокольня Никольского собора, построенная в 1800 году и поражающая всех своим изяществом и стройно-

Продолжение на стр. 9.

ЗАТОПЛЕННАЯ НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КАЛЯЗИНЕ
(после заполнения Угличского водохранилища).

Окончание.
Начало см. на вкладке 1.

стью, никак не поддавалась взрывчатке, так крепко была сделана, что гидростроители оставили ее в покое, как речной маяк. Да только ли она кричит о диком отношении к памятникам нашей культуры и истории!

Следующая встреча предстояла у меня с еще более старым и еще более прекрасным городом Угличем, ровесником Москвы, его раньше называли стоглавым городом, полным удивительных исторических и культурных памятников, раскинувшихся на двух берегах. Углич писали Н. Рерих и К. Юон. Но нынче, приближаясь к его берегам, тоже видишь разрушенные церкви. Великолепная Иерусалимская слобода со своим храмом, монастыри под Угличем в Зеленом ручье, темный сосновый лес на крутой горе Богоявленке — все разом ушло под воду. Гидростроители ничего не пощадили и ничего не придумали лучше, чем построить плотину в самом городе, уничтожив весь левобережный Углич, от которого остался кусок дома усадьбы Григорьевых...

Можно и дальше перечислять города и поселки, погубленные при неоправданном строительстве водохранилищ и гидростанций.

Вот город Мышкин ушел своей набережной в воду, вот и Молога оказался полностью на дне Рыбинского моря — мертвого моря, где плавают острова, не желая опускаться на дно, где рыба, зараженная солитером, не может жить, где страшно испить из Волги воды: море стало грязным и вонючим болотом. Что стало с Пучежем, а обезображенный Юрьевец?

Но и по сию пору Минводхоз втихую разрабатывает новые «проекты» — то Ржевского моря, то различных непродуманных оросительных каналов...

На глазах у всех уродуется последний участок живой Волги — там, где Чебоксарская ГЭС, срываются берега, возводятся многокилометровые дамбы. Снесена нижняя часть города Васильсурска, Нижний посад села Просек, знаменитая Стрелка в городе Горьком перемолачивается бульдозерами...

Посмотрите на эти деревья в воде, на плывущие могильные кресты затопленных деревень... Неужели можно на законном основании творить это чудовищное беззаконие?

Полностью загублена река Кама. Эта лесная, сказочная река, воспетая Шишкиным, Рыловым, Мешковым и многими другими художниками. Вспомните устье реки Белой при впадении ее в Каму в районе Дербешки. Пассажиров силой было невозможно загнать в каюты, а теперь рейс Москва — Пермь отменен из-за обезображенных берегов и затопленных лесов, которые даже вырубать не стали, и деревья, подняв сучья к небу, как бы взывают о справедливом наказании «преобразователей».

Но такое творится не только в центральной полосе России. А могучий, седой Енисей, который поражал своей силой и красотой? Теперь его воды не хватает для работы Красноярской ГЭС. Топляк отравляет некогда хрустально чистую воду, в которой и стерлядка, и осетр водились. Теперь на пути к нерестилищам встали каменные глыбы плотины, в которой даже нормального шлюза не сделано. Судоходство делится на две части — до плотины и после.

Наши дети уже никогда не увидят красивейших камских берегов, не увидят суровой первозданной красоты могучего Енисея, не увидят раздольной прелести красавицы Волги. Разве только на фотографиях или, скажем, на картинах художников...

ПРОШУ СЛОВА!

Александр САХАРОВ,
доктор юридических наук,
профессор

ТАК КТО ЖЕ ГОТОВИТ ЗАКОНЫ?

Только за последние четыре года приняты законы о государственном предприятии и о трудовом коллективе, о кооперации и индивидуально-трудовой деятельности. Сессия Верховного Совета СССР внесла важные изменения и дополнения в Конституцию, приняла Закон о выборах народных депутатов. Опубликованы проекты Основ уголовного законодательства. Закона об изобретательской деятельности и так далее.

Демократия и гласность коснулись законодательной деятельности: законопроекты стали обсуждаться всенародно. При этом, критикуя те или иные положения обсуждаемых законов, многие ставят вопрос: «А кто их готовил? Назовите конкретных авторов». В письме в «Огонек» (№ 52 за 1988 год) кандидат юридических наук Ю. Е. Винокуров пишет, что вынужден был извиниться перед слушателями межведомственного института повышения квалификации за то, что не смог ответить на подобные вопросы.

А в самом деле, кто и как готовит законы? И почему это нужно держать в секрете? Открытый разговор на эту тему весьма полезен, поскольку не все здесь, на мой взгляд, благополучно. И сужу я об этом не со стороны, а как один из тех, кто как раз и готовит законы.

В составе рабочей группы я участвовал в подготовке проектов Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Уголовного кодекса РСФСР. Эта группа сформирована из ученых-юристов и практических работников — представителей Министерства юстиции, Министерства внутренних дел, Прокуратуры и Верховного суда. На наших совместных заседаниях рассматривались тексты статей, подготовленные кем-либо из научных работников. Мною, например, были написаны раздел об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника, профессиональный риск и так далее), а к проекту УК РСФСР большая часть статей о преступлениях против правосудия. Обсуждение статей проходило оживленно, остро. Но не могу не отметить одну характерную особенность: во многих случаях позиции ученых и практиков расходились, новации одних встречали возражения других. Складывалось впечатление, что практики хотят подготовить новый закон, ничего не меняя в старом. Обычным аргументом было: «А чем плоха прежняя редакция? Столько лет пользовались ею, незачем теперь ее менять». Споры были жаркие, но часто безуспешные: новый вариант не проходил.

Приведу один пример. Важное практическое значение имеет закон о необходимой обороне. Смысл его очевиден: он побуждает граждан к противодействию преступникам, к активной защите от них государственных, общественных и личных интересов. Необходимо, следовательно, так сформулировать закон, чтобы он с возможно большей ясностью и полнотой определял право граждан на необходимую оборону, указывал все те обстоятельства, которые должны при этом учитываться. Тем более что на практике не так уж редко обороняющийся признается виновным, а преступник потерпевшим. Предложение это было, однако, отвергнуто с ссылкой на то, что подобные указания содержатся в разъяснениях Верховного суда СССР, а в Основах они будут лишь «отягощать» закон. Но разъяснения Верховного суда все же не закон. К тому же эти разъяснения неизвестны широкому кругу граждан, — всем тем, кого закон призывает противодействовать преступникам. Что же касается стремления «не перегружать» закон, то оно оправдано лишь не в ущерб делу. Нелишне вспомнить, что составители Уголовного Уложения 1903 года не убоялись предусмотреть в нем около 700 статей (втрое больше нашего Уголовного кодекса), весьма скрупулезно регламентирующих вопросы уголовной ответственности.

Вполне допускаю, что первоначальный, «авторский» вариант законодательной нормы не всегда удачен. Коллективное обсуждение призвано найти наилучшее решение. Но спрашивается, кого тогда считать автором и кому предъявлять претензии? Тем более что обсуждением в рабочей группе лишь начинается процесс законотворчества. Выработанный рабочей группой текст рассылается в республиканские и областные правоохранительные органы, в юридические научные и учебные заведения, где по нему делается немало замечаний, и после их учета передается в следующую инстанцию — комиссию из руководителей правоохранительных и иных ведомств.

Ученые в этой комиссии представлены уже в значительно меньшей мере. Здесь законопроект подвергается «окончательной доработке», в результате которой установить его персональное авторство становится еще труднее. Затем проект закона кладется на стол особо ответственных работников ЦК КПСС и после их одобрения публикуется для всеобщего обсуждения. Назвать поименно авторов тех или иных положений опубликованного законопроекта теперь просто невозможно. Я, например, не знаю, кому предъявлять претензии за то, что в проекте Основ расширен по сравнению с первоначальным вариантом перечень преступлений, допускающих применение смертной казни, исключены статьи об уменьшенной вменяемости и добровольном отказе соучастников, внесены некоторые иные «уточнения и дополнения», не согласующиеся, на мой взгляд, с общей гуманистической направленностью нового закона.

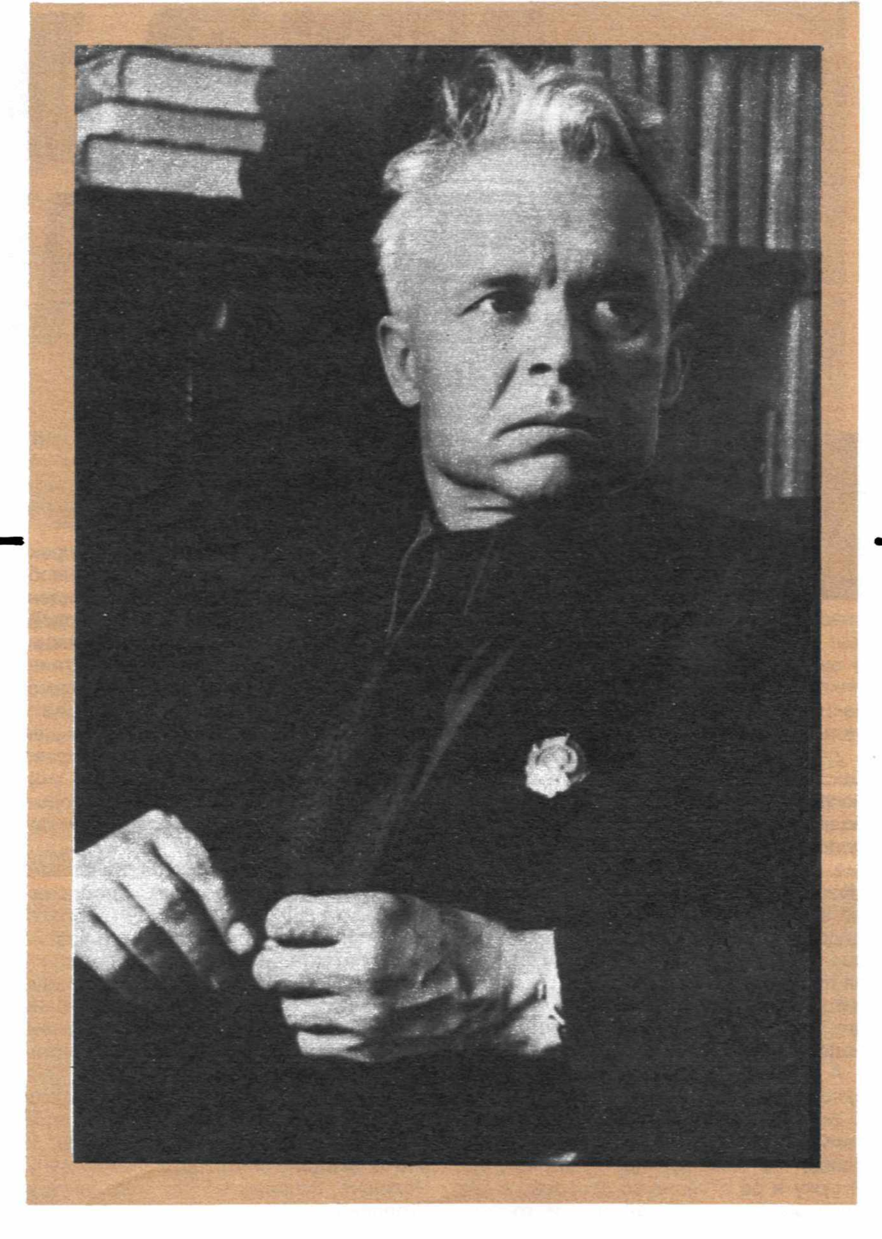
Коллективное творчество — атрибут демократии. Но при нем установить индивидуальное авторство и определить персональную ответственность невозможно. Да и дело, думается, не в том, кто какую формулировку предложил, а в том, как организован законотворческий процесс. Смею утверждать, что пока в нем еще очень сильно чиновничье начало, влияние ведомственного подхода, который здесь, как и всюду, не отличается прогрессивностью мышления.

Искать ответственных за содержание законопроекта на стадии его подготовки в принципе неверно. Отвечают те, кто принимает закон: за ними последнее слово. И надо сделать все возможное, чтобы это слово было квалифицированным. Раньше, когда Верховный Совет был лишь «голосующим» органом, его депутаты не имели возможности да и не умели разбираться в принимаемых ими законах. Теперь в постоянно действующем советском парламенте положение в корне меняется: депутаты становятся подлинными законодателями. А это предъявляет к ним новые требования, — законодательные правомочия должны сочетаться с законотворческими способностями, соответствующими знаниями, правовым опытом и культурой.

В этой связи не может не беспокоить то обстоятельство, что в нынешнем Верховном Совете профессиональных юристов среди депутатов лишь несколько человек, в том числе ни одного ученого-правоведа. Не может ли случиться, что, когда руководители правоохранительных ведомств не смогут избираться в Верховный Совет СССР, правовая компетентность нашего парламента еще более снизится? С кого же тогда спросить за недостатки принимаемых законов?

АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО: «ПИШУ, РАЗЛ

Из нашего далека Александр Довженко видится явным баловнем судьбы: приближен «ко двору», лауреат, орденоносец... Великий кинорежиссер, чей дар был оценен современниками при его жизни, после своего ухода подвергся еще более старательному обронзовению. Тем неожиданнее раскрывается Довженко в своем «Дневнике» (эти записные книжки хранятся в ЦГАЛИ в Москве). Поразительна внутренняя свобода, с какой Довженко ведет записи. В записных книжках 1942—1946 гг.— собственные мысли и наблюдения, впечатления о встречах с людьми на фронтовых и тыловых дорогах, горькие слова беженцев, размышления над ошибками, а то и просто глупостью армейской бюрократии, о механизме «зашифрованного обмана», даже убийственная ирония в адрес «отца народов». Обо всем — безоглядно, открытым текстом. Нетрудно представить участь Художника, окажись этот «компромат» на столе с зеленым сукном, если люди бесследно исчезали за безобидный анекдот, неосторожную фразу; и на всемирную известность нечего уповать — чем крупнее мишень... Александр Довженко не мог не осознавать этого, но и «за кадром» он оставался верен своему принципу: всегда говорить правду.

18.VI.1942

Никогда в истории не было случая, чтобы стиль провозглашался раньше, чем будут созданы сами произведения.

Никогда не поверю, чтобы папа говорил, например, Боттичелли: «Слушай, Сандро, ты же помни, что мы сейчас решили создать стиль Ренессанса, следовательно, прошу без уклонов».

Стиль — результат определенного творческого периода, свободного и обусловленного, а не спланированного. Нельзя планировать стиль в искусстве, как это беспомощно пытается делать наше наивное общество в вопросах искусства.

18.VI.1942

К пьесе

...Моя беда, как и многих работников культуры, что я никогда не чувствую себя современником эпохи. Современниками у нас почему-то является небольшая группа старых людей и их молодых слуг, которые считают, что все мы без их указания можем делать только ошибки.

20.VI.1942

Так и день прошел, и не написал ничего. Болит голова.

Во время трагедии шестой армии один из командиров вырвался из окружения, а часть из нескольких сот или тысяч сражалась в кольце [*]. Командир умолял послать туда сразу же танки или артиллерию, это было близко и, без всякого сомнения, можно было вырвать эту часть из вражеской западни. Командир был утомленный, раненый. Он умолял, волновался, плакал, так ему хотелось спасти товарищей. Его тут же арестовали наши прокураторы, боясь, видите ли, не шпион ли он.

— Я не шпион, клянусь, нет. Я первый и единственный, который вырвался!

Ему не поверили, посадили, допросили и погубили часть. Ай, горе, горе. Хорошо, что этим командиром был не я. Я бы через пять лет, а застрелил бы этих холодндухих проклятых чинов — врагов народа, которые были врагами народа, есть и будут.

21.VI.1942

...Народ мой украинский честный, тихий и работящий, который никогда в жизни не зарился на чужое, страдает и гибнет, истерзанный, обездоленный в арийских застенках. Болит у меня сердце днем и ночью.

23.VI.1942

Возле Городища старый-престарый дедок, глядя на огромную аморфную массу беглецов: «Э, хлопцы, да вы же не туда наступаете! — и он показал рукой в ту сторону, откуда мы бежали.— Ай-ай, мы же когда-то царя защищали, да и то не бежали так...» — он смотрел на нас с презрением.

27.VI.1942

Габариты душ наших советских писателей не соответствуют содержанию эпохи и значения Ленина. Поэтому Ленин занимает в литературно-кинематографических и театральных произведениях лишь роль эпизодических персонажей — представителей своего физического присутствия в событиях и диктором своих писаний или речей, и больше ничего. Для того, чтобы писать о Ленине, необходимо нести в себе нечто эквивалентное. Горький был последним великим писателем русской земли. А Толстой уже литератор — у него нет народа.

Никогда писатель не был, по сути говоря, таким оторванным от народа, таким равнодушным к нему, таким кабинетно-дачно-приемным, как сейчас. Писатель измельчал. Он повинен в этом, и повинна власть, не позаботившаяся об иной его роли. Писатель перестал быть учителем народа.

28.VI.1942

Первое, что необходимо будет сразу же после войны категорически изменить,— это всю систему школьного и дошкольного воспитания. Необходимо пересмотреть и перетрясти ее сверху донизу.

Нужно категорично перестроить положение и роль учителя в обществе и школе. У нас учитель в загоне. Жалкое положение учителя материальное и морально-правовое, ошибочная система воспитания — вот причина первая и главнейшая всех трудностей, которые мы несем сейчас. Вот причина наших преувеличенных потерь, хаоса, малодушия и прочего, словом, всего того, что делает нашу победу много-много дороже, чем это могло быть.

Прибитый, неинтеллигентный учитель — это огромное зло нашего народа. Бесправный, неуважаемый, грязный, малообразованный учитель и такой же малоразумный Наркомпрос со всем его авгиевым аппаратом не могут обеспечить государству хорошую молодежь, какими бы высокими и совершенными не были тезисы стремлений компартии.

Народный учитель, учитель народа — сердце и совесть села, образец и предмет подражания для ребенка, достойный, чистый, авторитетный, уважаемый родителями,— нет, нет у нас народного учителя. Мы сделали из него бесправного мальчика на побегушках любого председателя колхоза, любого дядьки, и утонула молодежь в невежестве, в бесхарактерности, слабодушии, безответственности и разгильдяйстве.

Скучно и трудно, и печально от нашей невоспитанности. Глубоко убежден, что это — одна из причин, почему у нас так много измен и женитьб наших девчат с немцами...

29.VI.1942

Начинается разложение. Появляются шакалы, трусы, шкурники и мизерные флюгеры, партийные и беспартийные, которым никогда не было дела до народа, для которых народ существовал всегда как прислуга, как класс, как мужики. Трусы забудут обо всем на свете и предъявят еще обвинение, почему так плохо велась война. А лучших людей много погибнет в боях.

Недобрые, ох, недобрые ветры подуют у нас после войны. Многое придется латать, многое переделывать наново десятками лет.

Много бедности, недоли и неудовлетворенности ждет наш народ. Что же я должен делать? Буду до смерти, что бы там и как бы там ни сложились времена, творить Лениново дело, ибо, как бы ни угрожала ему мировая опасность, как бы ни компрометировали его дурноголовые наши партийные и беспартийные варвары, спекулянты и дураки, все-таки оно является самым честным, лучшим и самым высоким, чего достигла в истории человечества честная человеческая мысль. Пусть я буду беден, пусть буду приходить в ярость от подлецов и лжекоммунистов, народ — все.

[*] 6-я армия участвовала в Харьковском сражении, завершившемся тяжелым поражением наших войск в мае 1942 года, в результате чего потери только пленными составили 240 тыс. солдат и офицеров Красной Армии. (Здесь и далее — прим. ред.).

УЧЕННЫЙ С НАРОДОМ МОИМ»

29.VI.1942

На КП Юго-Западного фронта во дворе, где расположилось Политуправление фронта, отдел информации, общий отдел, разведотдел, посреди двора был колодец со старым, разбитым, почти без дна ведром, из которого невозможно было набрать воды. Пока вы его вытаскивали, вода из ведра успевала вылиться. Сюда приезжало со всего фронта каждый день много командиров. Все искали воды по канцеляриям, в грязных чайниках, теплой, несвежей, порой ее и вовсе не было. Так продолжалось примерно около трех недель, пока КП не перебазировался на другое место. Я смотрел на это. Это был для меня материальный символ. Я не верил в этих людей. Победа будет одержана, несмотря на них. Я никогда не забуду этого разбитого ведра на срубе.

29.VI.1942

— Лучше быть вдовой героя, чем женой труса и предателя.

— А ты почем знаешь? Я жить хочу!

Массовые явления. Как, например, в Белгороде, сожительство девчат, молодых женщин с немцами. Массовые женитьбы, словом, массовые проявления обыкновеннейшей юридической измены Родине являются одним из наиболее разительных фактов нашей действительности, фактов, полных драматического ужаса и скорби. Это — отсутствие гражданского достоинства, гордости и национальной опрятности и мужества, которого, я глубоко убежден, нет в других порабощенных странах, это наша дорогая расплата за никчемное, плохое воспитание молодежи, за хамское оскорбление воспитания девушки, за пренебрежение женской природой, за неуважение к ней, за грубость, отсутствие вкуса, мод, элегантности, хороших манер и за отсутствие множества того, что сделало наших женщин и девчат, их жизнь скучной и бесцветной. Это расплата также и за пренебрежение гордостью и индивидуальной высотой.

2.VII.1942

«Украина борется» — читаю в газетах. Украина разочаровала немцев, не сеет, не пашет. Пустуют просторные нивы. Не будет Гитлеру хлеба, как бы ни насаждал он «десятиютки», как бы ни притеснял людей.

Борется. Не хочу, мол, и не буду сеять. Пишут «пафосники» Лильченки и Линины. Прекрасно зная, что не пашут, потому что некому и нечем пахать, потому что нечем сеять. Нет уже на Украине ни инвентаря, ни людей. Люди бьются на фронтах, убиты, вымерли с голода, уже забирают по городам и селам прямо с улиц и вывозят в Германию молодых женщин и девчат в бардаки, в батраки, в рабство, на дорожные работы, на рытье рвов, траншей, строят против нас большие крепости под Киевом, Варшавой, Львовом, погибают тысячами и погибнут все, ибо возврата домой им уже не будет. А если и будет, то не на радость и спокойствие и не на работу, а в ссылку и в надругательство на всю жизнь по Сибирям и Казахстанам, как «немецким предательницам», «фашистским слугам», «изменникам родины». А из Сибири и Казахстана вернутся на Украину хозяевами беглецы, те, которые в начале войны убежали с чемоданами в грузовиках и поездах, спасая свою шкуру... Какие великие страдания! В какую бездну горя упал мой народ и сколько горя еще ждет его в будущем!

2.VII.1942

...Будет ли жить мое имя, творца украинского кино. Или нет. Мне все равно. Буду ли я дальше в первых рядах, или умру в безвести, или разлечусь от бомбы где-нибудь здесь, мне все равно.

Я не хочу жить лучше своего народа, я не могу и не хочу жить и видеть истребление, агонию моего народа.

Я хочу разделить его судьбу полностью, до конца и без оглядки.

5.VII.1942

...У нас абсолютно нет правильного проектирования себя в окружении действительности и истории.

У нас не державная, не национальная и не народная психика.

У нас нет настоящего чувства достоинства, и понятие личной свободы существует в нас как нечто индивидуалистическое, анархичное, как понятие воли (отсюда индивидуализм и атаманство), а не как народно-державное понимание (марксовское) свободы, как осознание необходимости. Мы вечные парубки. А Украина наша — вечная вдова.

Мы вдовьи дети.

Лучшим наглядным примером немецкой контрпропаганды в своих частях является внешний вид наших людей, наши хаты, дворы, земляной пол, нужники, сельсоветы, церковные руины, мухи, грязь, одним словом, все то, что вызывает чувство ужаса у европейского человека и что наши великие правители и их крупногородские подхалимы, самобрехи не видят и не хотят видеть из-за оторванности от народа и из-за оторванности от современного уровня среднего европейского уклада вещей.

Надо написать статью для «Известий» об Украине — «Украина борется».

Предложу издать правительственный приказ о награждении наших орденоносцев землей или квартирами. К каждому ордену — гектар земли в селе или квартира в городе. Чем-то же надо спасать государство.

«Человек измеряется не с ног до головы, а от головы до неба». Конфуций.

10.VII.1942

Однажды в прошлом году, осенью, в Уфе, забежал ко мне взволнованный академик Крылов Н. М.

— Александр Петрович!..

— Что с вами?

— Мы проиграли войну!.. Боже мой...

— То есть?

— Война проиграна...

— Почему?

— У меня зонтик украли. В академической столовой. В первый же день. Александр Петрович, голубчик мой, общество, в котором во время начала войны могут быть подобные явления, не может победить, не может!.. Да не смейтесь, пожалуйста.

Долго утешал я наивного академика. Долго рассказывал знакомым об этом, как веселый очередной анекдот о чудаке-академике.

Только сейчас я думаю, что он был тем зоологом, который по малюсенькой косточке безупречно угадал весь костяк зверя.

11.VII.1942

В наших всяких анкетах есть несколько, страшных по сути говоря, вопросов: был ли за границей? Имеешь ли там родственников?

Пребывание за границей не только не засчитывалось гражданину, как что-то хорошее, полезное, наоборот. Это вселяло к нему подозрение, делало его сомнительным, пораженным заграничным червием.

Допетровские времена в стране построенного социализма. Кому они нужны, что, кроме вреда, принесли они нашей Стране Советов?

Во имя чего все это делалось? Чего мы боялись? Почему мы боялись? Люди боятся ехать за границу, как китайцы за свою стену, боятся кары, не переродились ли, мол, они, не шпионы ли и т. п.

Какая скука!

12.VII.1942

Раньше солдату, убежавшему из плена, давали награду. Сейчас сажают в тюрьму. Нет ничего страшнее окружения, особенно для коммуниста. Тех, кто побывал в окружении, считают инкорпоре* шпионами и предателями. Вот почему в окружении все «теряют головы».

12.VII.1942. Балашов

Разгром Юго-Западного фронта, то есть шестой, двадцать первой, двадцать восьмой и сороковой армии, является одним из тяжелейших ударов по Украине. Здесь погибло огромное множество украинцев. Украинский честный наш народ понес тяжелейшие жертвы в этой войне. Сражался честно, открыто, безоглядно.

Бедные мои, родные люди... бесхитростно и честно отнеслись вы к трагической судьбе своей великой социалистической Родины.

Честь вам и слава и вечная память. Вечная память. Вечная память.

Лучше погибнуть в бою, чем агонизировать в жалком прозябании второстепенного пасынка истории.

Вечная вам слава, братья и дети мои. Не суждено нам расцвесть в жизни. Все у нас было для этого — и земля добротная, и богатство, и люди честные, и трудолюбивые, и здоровые, и красивые. Всем взяли — не хватило только доброй воли. Погубила нас несчастная наша география и неудачная наша история.

Доживу ли я до конца войны?

12.VII.1942

Посмотрю ли на пустыни, на кладбища, поплачу ли на руинах и пересчитаю миллионы потерь. А потом умру от горя, чтобы не видеть, как будут заселять тебя, мать моя Украина, чужими людьми, как будут карать твоих недобитков сыновей и дочерей за немецкое ярмо, за немецких байстрюков, за каторжный труд в Неметчине, за то, что не умерли они с голоду и дождались нашего прихода.

Прокуроров у нас хватит на всех, не хватит учителей, потому что погибнут в армии, не хватит техников, трактористов, инженеров, агрономов. Они тоже падут в войне, а прокуроров и следователей хватит. Все целые и здоровые, как медведи, и опытные в холодной своей специальности.

12.VII.1942

Что более всего раздражает меня в нашей войне — это пошлый, лакированный тон наших газетных статей. Если бы я был бойцом непосредственно с автоматом, я плевался бы, читая в течение такого длительного времени эту газетную бодренькую панегирическую окрошку или однообразные, бездарные серенькие очерки без единого намека на обобщение, на раскрытие силы и красоты героики. Это холодная, наглая бухгалтерия газетных паршивцев, которым, по сути говоря, в большой мере нет дела до того, что народ страдает, мучится, гибнет. Они не знают народа и не любят его. Некультурные и душевно убогие, бездуховные и бессердечные, они пользуются своим положением журналистов и пишут односторонние и сусальные россказни, как писали до войны о соцстроительстве, обманывая наше правительство, которое безусловно не может всего видеть. Я нигде не читал еще ни одной критической статьи ни о беспорядках, ни о дураках, а их хоть пруд пруди, о неумении эвакуировать, о неумении правильно ориентировать народ и т. п. Все наши недостатки, все болячки не разоблачаются, лакируются, и это раздражает наших бойцов, и злит их, как бы честно и добросовестно ни относились они к войне.

...Взять хотя бы последний драп с Россоши. Подлецы из штаба ухитрились, не зная ни географии, ни топографии, направить отступление машин на Старую Калитву на паром и погубили там тысячи машин в то время, когда в нескольких километрах оттуда, в Богучаре, стоял чудесный мост. Кстати, ни одного понтона. В результате сотни убитых и раненых, и тысячи погубленных машин — американских и наших, и имущество в машинах. Я уверен, что никому за это не влетело, будто так и надо.

13.VII.1942

Белгородская драма. (При переправе через Дон на Павловское во время отступления из Россоши.)

* Лат. in corpore — в полном составе.

Какой-то подлец и кретин белгородский комендант решил перед мостом проверить путевки у всех машин. В результате этого кретинизма сбилось в кучу более трех тысяч разных машин со всем, что только можно взять. Ругань, препирательство, бедлам.

Прилетело 27 бомбардировщиков. Уничтожили до основания. Что творилось, нельзя ни описать, ни забыть. Погибли ни за что тысячи людей, тысячи машин искалечены, сожжены. И все из-за одного дурака. И никто не связал его, не застрелил. Я уверен, что он и до сих пор еще где-то «не пущает».

13.VII.1942

Представляю, в каком тяжелом состоянии отступает наш фронт. Сколько будет снова жертв, сколько человеческих страданий. Думаю, это будет последняя фаза уничтожения нашего народа в армии.

Под Сталинградом, между Доном и Волгой, произойдут яростнейшие в истории бои, если гитлеровские генералы снова не обманут наших простаков и не выкинут какое-нибудь коленце. Очевидно, мы пошли на этот дорогой отчаянный шаг, потому что ничего другого нам не оставалось. Мы отдаем Гитлеру снова наш урожай, элеваторы и прочее. Если через две недели не откроется второй фронт на Западе, трудно представить, что будет с нами.

13.VII.1942

Дурак — не обязательно Иванушка-дурачок. Дурак ныне порой заканчивает два факультета, занимает высокие должности, имеет ордена, партстаж. Он порой кажется внешне вроде бы обыкновенным человеком.

Интересно, что за 25 лет ни одна аудитория не освистала его, когда он выступает на трибуне. Точно так же, как блестяще умному, ему аплодируют во время его речи. Для этого у него есть абсолютно безотказные средства вроде имени великого Сталина, выкриков — «Не выйдет никогда!». Порой, прерывая речь, дурак сам начинает себе аплодировать. Никто не бьет его за это ни графином, ни тухлыми яйцами, наоборот, все почему-то тоже начинают хлопать. Тогда он спокойно и величаво пьет воду, вытирает пот и тому подобное. Заканчивает он свою речь, как извозчик подвозит вас к парадному, с шиком повышает голос, вместе с этим у него появляются магические, всем давно известные слова, потом же, в самый уже конец он кричит: да здравствует то, да здравствует другое, третье и под громкие аплодисменты садится.

На работе он не работает, он не делает ничего, потому что ничего не способен делать. Он может лишь что-то «провернуть», «двинуть», «утрамбовать», «увязать» и т. п. Он распространен, как бурьян. Он всюду.

Другой, это не дурак. Это обыкновенный себе, добрый когда-то, мягкий, честный и добросовестный человек. Его постигла ужаснейшая болезнь нашего времени. Его назначили на должность, которой он никак не соответствует, у него не хватает на эту должность ни ума, ни знаний, ни широты кругозора. Через год он становится недобрым, нечестным, злым, холодным, криводушным и глубоко несчастным и делает несчастными вокруг себя сотни, а то и тысячи людей.

Как жаль, что о нем не написан роман. Это — кристаллическое явление нашей современности.

14.VII.1942

Сегодня за обедом рассказывали мне, сколько оставили сахара, масла, сала и другого добра в Воронеже. Населению — кукиш и бурный пеший драп в последнюю минуту. Зато директива выполнена, ничего не нарушено, все по закону, никаких выдач и воровства со стороны голодных масс не было. Пускай теперь пикируют. Пускай население знает, что мы не думали отдавать город до конца и проявили надлежащую твердость и (неразб.— **А. П.**).

22.VII. 1942

Сегодня сообщают, что мы убежали из Ворошиловграда. Оставили большие и дорогие укрепления, восстановленные шахты, которые мы не раз уже разрушали с перепугу, хлебные нивы, запасы харчей и имущества, и надежды на возвращение наших толстых, неуклюжих наркомов.

Был в Ворошиловграде институт имени Тараса Шевченко. Конечно, с преподаванием на русском языке, институт, в котором не было в библиотеке ни одной книги Шевченко. Какие оригиналы! Других таких не было и нет во всей Европе.

Как жаль мне наркомов! Кто же их теперь будет так хорошо кормить и поить? Потоньшают, похудеют они теперь и многое потеряют из своего районного шарма жирненьких толстошейчиков.

31.VII.1942

Нет у нас единства. Бедные мы, забитые, провинциальные. Когда мы собираемся вместе, мне становится так грустно, так муторно на душе и так чего-то жаль, что даже вспоминать больно. Народные мы Игнаты республики, да и больше ничего.

Сталинград уничтожен до основания. Разрушен и сожжен. Сожжено много людей. Переправы уничтожены. Убегать было некуда. Ах, проклятые фашисты! Придет же когда-то и на вас перевод. Будете же и вы когда-то проклинать свою судьбу в огне, в крови детей своих...

3.VIII.1942

Митинг был убогий и беспорядочный. В нем не было основной темы. Все говорили, что хотели. Говорили обо всем. Повторялись, заикались, бормотали. Это неумение сделать митинг, к которому готовились месяц ЦК, Совнарком и Верховный Совет, свидетельствует, как же не умеем мы жить и творить.

Какие же, без сомнения, мы не интересные и ограниченные при решении других сложных и глубоких вопросов.

Долгие годы присматриваюсь к людям, стоящим у руля. Разные были. Были с уклонами, с грехами, с родимыми пятнами, проходили они передо мной, проплывали, как листы по воде. Но были они солиднее и импозантнее, чем сейчас. Грустная картина. Упрощенчество обнялось с простотой. Мы дегенерируем, сами этого не замечая.

Бедный, убогий, многострадальный мой народ, какой ты несчастный! Ведут тебя поводыри.

В Ртищеве никакого бензина нет уже две недели. И все-таки мне дали наряд на Ртищев. Глупый обман. Добрались с трудом до Тамбова. Перед Тамбовом ночевали в селе у каких-то хороших русских крестьян. Сейчас в Тамбове уже два часа собираем шестую подпись на получение бензина, чтобы доехать до Рязани. Эти шесть подписей и два часа, и все, как это делается, с глупостью, враньем и скудоумием — это и есть причина нашего проигрыша войны. Нигде во всем мире людские общественные отношения не запутаны так глупостями и враньем, как у нас...

7.VIII.1942

Богатое государство, которое создают бедные люди,— абсурд. Государство не может строить свое благополучие на бедности и обобранности своих граждан.

Мы проехали от Саратова до Тамбова. Бедность, серость такая же, как и всюду.

Пишу в машине, ожидая второй час выполнения резолюции на бензин. Прихожу в бешенство от ярости.

По тротуару проходят люди. Ни одного красивого лица, ни одного приветливого выражения, ни одной стройной, четкой фигуры. Ободранные старые и молодые ходят без каких бы то ни было признаков человеческого достоинства в позах. Они напоминают муляжи или расхлябанные чудовища. Вид такой, будто у них извлечен мозг.

Чувствую, что мы сегодня не доедем не только до Рязани, но, наверное, и до Мичуринска не доедем. Какая-нибудь очередная брехня и фальшь не даст нам возможности доехать.

— Как называется эта речка?

— Эта?

— Да.

— Да так как-то... Течет себе.

Ночевал в селе у красивого русского деда Бородина. Хорошенько искусали клопы. Дед похож на старинную икону святого, с чудесными тонкими чертами, тонким носом и классической длинной красивой бородой. Внуки одеты под босяков, как и все. Как жаль, что нет старинной крестьянской русской одежды.

«Да так как-то. Течет себе» — фраза чудесная. Истинно русская. И война у нас «как-то течет себе», и кровь.

Богатство — сила. Бедность — слабость. Мы воспитывали слабость, и она обернулась к нам своей страшной стороной.

...В Тамбове и Рязани были прекрасные русские люди — председатель облисполкома Тамбова и секретарь обкома Рязани.

...Много-много добрых людей у нас, и хочется самому до самой смерти творить для них добро. Как ошеломила всех война, как напугала всех, и как хочется очиститься от всех причин наших кровавых трудностей! Много добра заложено в нашем народе.

9.VIII.1942

Я в Москве. Три дня в дороге. Болит сердце. Старательная Юля перерабатывает «Щорса». Родная моя, неугомонная дорогая подруга.

Скорее бы немного отдохнуть и за работу.

Так много нужно сделать, а время летит и летит.

Художественные произведения необходимо составлять в память мертвых и во имя нерожденных. Только таким образом мы будем замыкать жизненный круг, принимая участие в том, что было, есть и будет.

Природа настоящего поэтического образа заключается в том, что он имеет многоплановое содержание или, вернее сказать, несколько содержаний, в которых самым верным всегда будет то, которое вы для себя изберете.

Страдания, причиненные мне отрицательной критикой моих произведений, в несравненной мере превосходят удовольствие от наиболее восторженных и пылких дифирамбов. Я почти равнодушен к хорошим оценкам. Но отрицательная критика ранит меня и разрушает невероятно. Это своеобразное качество моей натуры.

Если бы можно было Иронию и Жалость сделать судьями и свидетелями преступлений эпохи!..

Господи, как мне осточертели за четверть столетия слова «украинский национализм»!

Трагедия моей лично жизни заключается в том, что я вырос из своей кинематографии. Большая общественная работа, где я действительно мог бы жить и творить народу добро, мне не суждена. Ее делают вокруг меня долгие годы люди слабые и немощные духом. Я лишен творчества в жизни, лишен радости и гордости творчества на пользу народа. Я не живу в атмосфере государственного горения, в атмосфере авангарда государственного штата. Меня туда не пущено. Поэтому, изолированный и одинокий, я мучаюсь в критицизме и в боязни за судьбу народа, может, порой утрачивая верные пропорции в балансе добра и зла.

14.VIII.1942

Вчера у Ярославского, добрейшего Емельяна Михайловича, на даче вечером слышал по радио, как какой-то старый гражданин поздравлял своего сына, бойца на фронте, с днем ангела, сына, как можно было судить со слов отца, звали Александром. Я понял, что это же день и моего ангела.

Мне вчера стукнуло сорок восемь лет.

Слава тебе, боже, и спасибо тебе, что даровал мне так много уже лет. Что не погиб я где-то уже сто раз, имея на это бесчисленное множество разных оснований. А живу и способен еще творить.

Мне почему-то кажется до сих пор, что самое главное в творчестве где-то еще впереди, что я найду его и осуществлю. Мне кажется, что я приблизился уже к этому состоянию, ...и зернышко правды выныривает из бездны ошибок, глупостей, пристрастий и убожества человеческих блужданий. Как жаль, что мозг мой начал уже замерзать в склерозе, и я не осуществлюсь в такой глубокой полной мере, как мечталось всю жизнь.

Всю свою жизнь я мечтал сделать что-то великое и необыкновенно нужное и радостное для людей. И не сделал. Жизнь проходит, лучшие годы и лучшие силы ушли на зло, на ненависть, на отчаяние и безысходность, на борьбу с мелюзгой и настоящими врагами украинского народа, и его паразитами, словом, на все то, о чем я по праву мог бы и не думать вовсе.

Я пасынок у власти. Я не соль. Соль — Корнейчук, Бажан и даже Панч. Они 1-го ранга, я второго. Одиозное мое положение подозрительного, неполноценного человека среди своего народа на своей земле сделало мою жизнь тяжелой, грустной и несчастной.

Однако благословенная будь, Десна, всегда и ныне и вовеки!

14.VIII.1942

Пройдет еще год войны. Страшнейший, кровавейший и голодный. Погибнет немецкий фашизм, завоевав всю Европу и нас, до самого Кавказа.

Мир будет удивлен нашей силой и мощью, и героизмом.

И сами мы забудем свой страшный, бесстыдный и отвратительный беспорядок и неумение, и свои лишние бездарные потери из-за дурости, темноты, сатрапии и подхалимства лукавого, и, выпятив грудь, на костях миллионов погубленных нами наших людей будем верить и хвастаться и подводить под все выгодную диалектическую причинную базу, и будет все у нас по-старому, потому что мы сами давно уже не новые. Инерция висит на нас, как хвост у крокодила, и двоедушие, и огромное отсутствие вкуса, и брехолюбие, и подхалимство отвратительное.

11.XII.1943

Заходил Остап Вишня, вернувшийся из десятилетней «командировки». Похудел, постарел. Было грустно. Трудно, очевидно, ему будет входить снова в жизнь. Десять лет — это целая жизнь, целая эра, сложная и большая.

16.XII.1943

Мне хочется умереть. Мне кажется, что я прожил уже всю свою жизнь, будто ангелы покинули мою душу. Сегодня поэт Л. рассказал мне, что в журнале «Славяне» отказались напечатать статью-рецензию на фильм «Битва за Советскую Украину» лишь потому, что правительству не нравится сценарий «Украина в огне» и что мое имя не должно вообще фигурировать. Это мудрая работа секретаря Комитета славян, вице-президентом которого я являюсь. Л. рассказал мне это сегодня.

А от Б., директора сценарной студии, человека, насколько я присмотрелся, неглупого и чем-то хорошего, узнал я сегодня об очень простой вещи относительно грехов «Украины в огне». «...Поверьте, что ваш сценарий выправить — раз плюнуть. И его обязательно надо поправить. Этим вы докажете свое согласие с критикой. Если же вы решите оставить вещь, поставить на ней крест, это будет расценено как ваше упрямство и сокрытие произведения для истории. Дескать, придавили меня, а я вот подожду. История меня оправдает. Это было бы неправильно и весьма опасно с вашей стороны».

Боже, сколько премудростей в этих словах. Здесь в каждом переулке ее больше, чем на всей Руине.

Учусь. Буду учиться до самой смерти.

3.I.1944

Сегодня был у Н. С.Х.*. Тяжелое свидание, и сейчас вот уже минуло два часа, еще не прошло гнетущее желание

* Во время описываемых событий Н. С. Хрущев — первый секретарь ЦК КП(б) Украины (с 1938 г.), член Военсовета ряда фронтов.

умереть, чтобы не жить, не чувствовать жестокости людской. Это был словно бы не Н. С. И я был словно бы не я... Был холодный, безжалостный небожитель, судья и... виновный, аморальный преступник и враг народа, то есть я. И я понял, что никакие аргументы, высказанные с болью душевной и печалью и глубочайшей откровенностью самоанализа, ни в чем его не убедили и не убедят, что я не выдающийся честный работник советско-украинской культуры, а нечто вроде расшифрованного пойманного преступника и политического антисоветского вредителя, и что я никогда и ничем уже не замолю перед ним своего «греха», что я вычеркнут из живых до самой моей смерти и никогда уже мне не воскреснуть. Напрасны мои просьбы в предисловии: поправить меня незлобиво добрым своим советом. Не хлеб, который я просил в предисловии, а камень протянули мне, не совет нашел я у него, а суровый, беспощадный приговор.

С этим чувством потерянной жизни и ушел я от Н. С. «Мы еще вернемся к рассмотрению вашего произведения. Этого мы так не оставим. Нет, мы еще к нему вернемся». Таким образом, я должен жить и действовать под гнетущей, невыносимой угрозой дальнейшего суда. Меня еще ошельмуют перед народом, и весь мой многолетний труд будет замолчан или тоже обращен в зашифрованный обман.

Господи, пошли мне силы. Не дай впасть мне в отчаяние и печаль, чтобы не высохло мое сердце и не ожесточилась душа моя. Пошли мне мудрость простить доброго Н. С., который проявился малым в великости своей, ибо слаб есть человек.

9.IV.1944

Не один раз приходилось мне слышать в прошлом году от наших наркомов о состоянии кладбищ. Кладбища, видите ли, нужны красивые. Запустили мы кладбища.

Это правда, думал я, глядя на добрых наших доморощенных госдеятелей, ведь кладбище — это зеркало человеческих взаимоотношений.

Научите уважать, почитать и любить человеческую личность, воспитайте в молодых уважение к старшим, хотя бы к родителям, и кладбища сами украсятся. Уважение к памяти, а не освобождение жилплощади.

Я видел одно «благоустроенное» кладбище за стеной Новодевичьего монастыря (вход по пропускам). Надгробные надписи в большинстве своем — верх пошлости. Это не человеческие, это служебные надписи. Живые родичи хвастаются своим покойником, каким, мол, он был, с каким стажем и на каком высоком посту.

Ничего духовного, человеческого.

3.V.1944

Закрытый распределитель бессмертия.

Страшная мысль пронзила недавно мое сознание. У нас лишь сильным дано право на бессмертие — вождям, великим художникам, полководцам или героям, небольшому меньшинству сильных.

Огромное же количество малых людей, тех, которые добывали в поте лица своего хлеб, надеялись в религиозном опиуме на вечную жизнь на том свете за все добродетели свои,— вот это великое количество обыкновенного люда лишено сейчас перспективы и всякой надежды.

Оставь надежду, человек.

Земля еси и в землю уйдешь, и только, и больше ничего, аж ничегошенькиничего. У малого человека отобрано что-то великое и важное. Грустно и страшно, и безрадостно ему стало. Он стал беспомощным в сердце своем, песчинкой в океане.

30.VI.1945

Москва. Дождь. Болит сердце, и звенит высоким непрестанным звоном в голове. Сижу у окна один, одинокий, и хочется мне собрать последние силы и полететь на Украину. Сегодня объединились украинские земли.

Никто меня за весь день не поздравил, не поприветствовал, будто вовсе не произошло ничего, будто это была обыкновенная иллюстрация газетная, и я никого не поздравлял, потому что некого было мне поздравлять.

Я один за пределами Украины моей, земли, за любовь к которой мне чуть было не отрезали голову, подвергнув остракизму, великие вожди и малые их слуги — украинские недобитки, убогие в больших и меньших чинах.

Лечу. Невысоко уже лечу. Пооббивались крылья фантазии. Склероз уже заморозил голову мою. И душа моя седая летит, касаясь земли, тяжело, будто подбитый хищниками лебедь. Пролетаю сожженный Чернигов, землю дедов и прадедов моих, где сгорело мое историческое искусство, Киев...

Над Днепром. Выныривают с земли подо мной стародавние Братство, Михайловский монастырь, Лавра, Микольское барокко, Межигорский Спас — уничтоженные тысячелетние творения моего народа. Днепр, Днестр, Горынь — река казацкая, Збруч кровавый, Черемож и Карпаты, и Львов, и неведомый Ужгород. Села побитые и села живые. Люди побитые и люди живые. Пролетаю над площадями, над пустыми церквами, заглядываю в окна. Ищу радость на великомученической своей и не своей земле, ищу и подслушиваю ее не на торжественных собраниях, куда мне нельзя залетать. Ищу по жилищам нероскошным, по хатам, по «жилкоопам» и по другим многим вольным и невольным «населенным пунктам». Не замечаю, что идет дождь, ищу радость на своей окровавленной земле. И хочется мне рыдать от счастья и боли, и кажется мне, что это не дождь идет весь день, а небо плачет со мной от жалости и от моих печалей здесь наедине возле московского моего окна.

5.VIII.1945

Обретя крылья, человек уподобился не ангелу, а дьяволу. Сегодня дьявол прикоснулся своим нечистым перстом к тому, из чего бог сотворил вселенную,— к атому.

Первое, что человек сделал с божественным атомом,— бомбу для гибели двуногих тварюг с тварями и тваренками.

Останело человечество. Я верю в возможность его самоубийства. Я не хочу дальше жить. Не хочу готовиться к следующей войне, не хочу возвеличивать и прославлять ее цели, известные с древнедикарских времен.

Атомная бомба Трумэна — это и есть объявление новой эры. Началась новая эра. Она не будет эрой мира. Напрасно надеяться, что атомная бомба сделает невозможной войну вообще. Она приведет человечество к ужаснейшей из всех войн, которые знала история. Новодикарская эра принесет катастрофу.

7.VIII.1945

Сегодня на именины моей Юлии собрались гости — Шкловский, Вера Строева, Эсфирь, Халиповы. И снова кажется мне целый день, что я в неволе, и печаль не покидает меня. Тесно мне, тяжело. Пролетел мысленно по Украине, от родного детского моего Сейма, от Десны до Дуная и до Буковины, и ни один голос оттуда не обратился ко мне. Злой волей недобрых людей стал я обособленным. Я должен творить и бороться отдельно в духовном голоде, без земли, которую у меня отняли многосотлетние гайдуки. Творить и бороться. Но разве хватит жизни одного на эти две работы? Для этого нужно жить дважды. А я доживаю последний свой десяток лет. Молчат Никитины лакеи, напыжившись или распивая фатальную водку, ожидая, как вороны в степи, моей смерти. Тарасу Шевченко было легче в ссылке. К нему долетали птицы. Вокруг меня пусто. Все вымерло, умолкло. Вся Украина. Неужели я умер уже? Неужели меня нет? Неужели любовь моя к человечеству, к Украине, и вся моя работа тоже умерла и всеми забыта, как забыли все днепропетровцы имя Петровского, музейного мелкого служителя, который был когда-то старостой и имя городу подарил свое? И всю жизнь. Подарил и носил кандалы.

Не хочу я мучиться! Не хочу оплакивать свое изгнание с Украины. Не хочу хоронить себя на чужбине... Зачем я мучаюсь, оплакиваю себя, зачем стенаю в разлуке с народом? Почему криводушие хитренького Хрущева томит мою душу и терзает ее гневом обиды и возмущения?

Я не Хрущеву принадлежу. Я не его «прикрепленный». И не одной лишь Украине я принадлежу. Я принадлежу человечеству как художник и ему же служу.

26.VIII.1945

Сегодня я прочел историческое Обращение т. Сталина к народу. Радости моей нет предела. Я радуюсь, будто мне семь лет, такая она великая и чистая у меня и прозрачная радость. Я узнал, что Германия была на Западе, Япония на Востоке, что японцы, оказывается, нападали на нас несколько раз, начиная с 1904, 1918, 1922 гг. и т. п. и что наступил конец второй мировой войне. И хотя ничего более я не узнал, и хотя к фразе — «Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины» — не прибавлено снова ни единого теплого слова, будто их погибло значительно меньше, чем 299.000 американцев, я говорю себе следом за великим маршалом-генералиссимусом, вождем и учителем: слава нашему великому народу-победителю, тем большая слава...

1.I.1946

Пишу, разлученный с народом моим, с матерью, со всем, с отцовской могилой, со всем-всем, что любил на свете больше всего, чему служил, чему радовался.

Я будто напророчил себе горькую судьбу в произведениях. Прощай, Украина. Прощай, родная, дорогая моя земля-мать. Я скоро умру. Умирая, попрошу вырезать из груди моей сердце и хотя бы его отвезти и где-то закопать на твоем лоне, под твоим небом. Прими его. Оно тебе весь век молилось, не проклиная ни одной из чужих земель.

Публикация А. ПИДСУХИ.
Перевод с украинского
И. КАРАБУТЕНКО.

Александр Довженко и Никита Сергеевич Хрущев. Фото военных лет. **(Снимки из личного архива Ю. Солнцевой).**

ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

- Враги сожгли родную хату... 1943 год.
- На передовую. Июль 1941 года.
- Весна сорок второго.
- Последний полет гитлеровского аса.
- На пепелище. Жиздра. 1943 год.

Имя Михаила Савина давно известно читателям «Огонька». Почти полвека его фотографии появляются на страницах журнала. Сегодня — «Фотовернисаж» работ известного мастера. Перед читателями проходят дни войны и мира, пережитое Родиной, народом.

Фотографии, сделанные в давно прошедшие времена, потрясают до сих пор, хотя сегодня так много вокруг и «цвета», и улыбок...

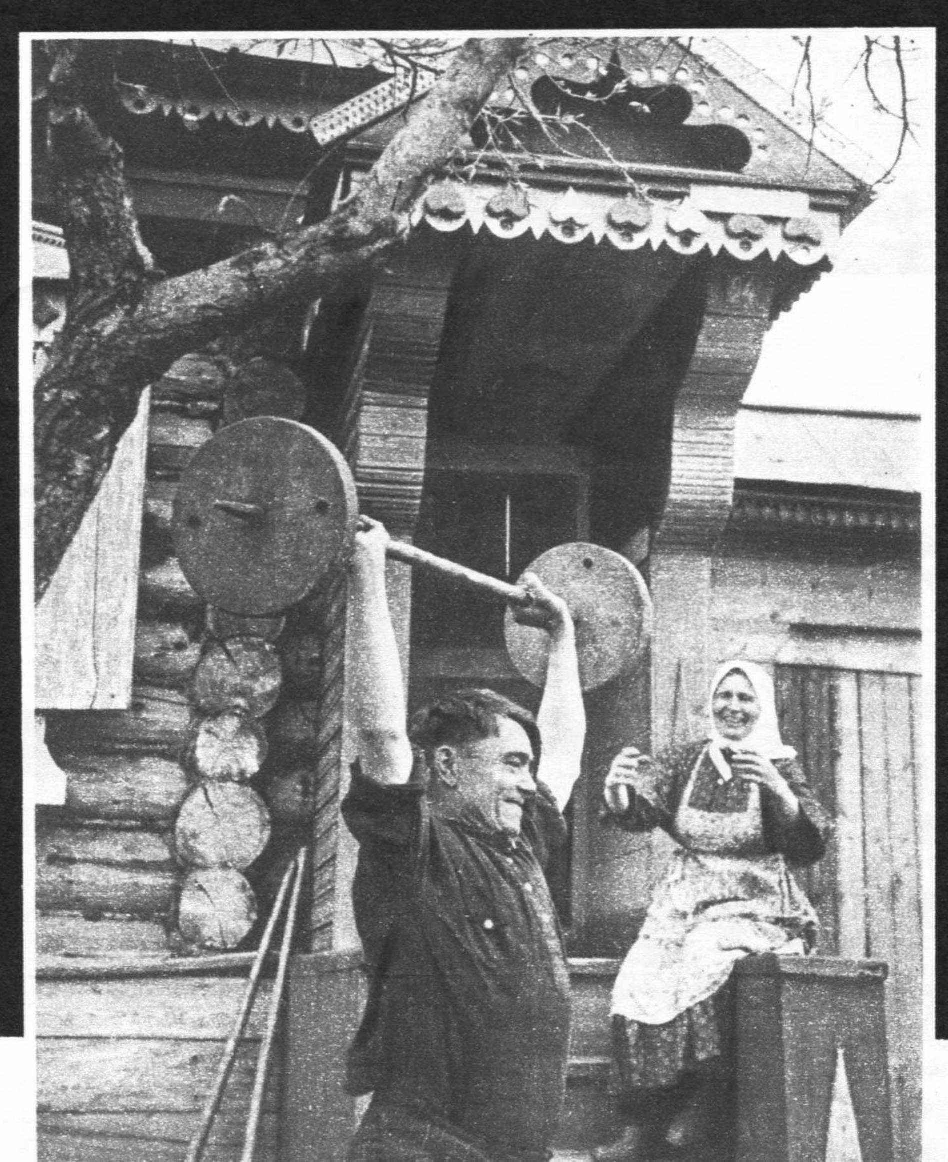
Фотолетопись — жанр беспощадный. Конечно, за долгие годы работы корреспондентом М. И. Савину случалось выполнять самые разные задания редакции и, бывало, приходилось иллюстрировать жизневоспевающие очерки коллег, выдававших желаемое за действительное...

Но само время сделало отбор. И теперь, вглядываясь в фотолетопись Михаила Савина, видишь: все-таки главное, что определяет его творчество, — это правда. Какой бы горькой она ни была.

Николай БЫКОВ

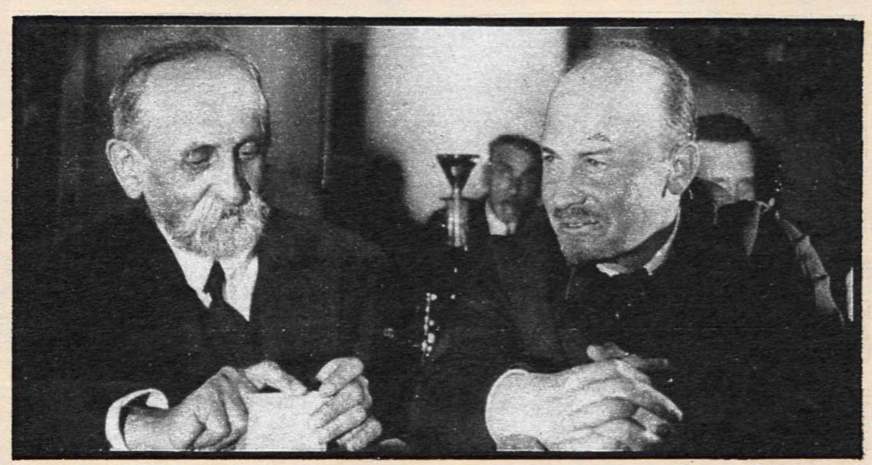
- *Память.*
- *Эхо войны.*
- *Деревенский богатырь.*
- *Кижи.*

ПРОШУ СЛОВА!

И. СЕРЕБРЯКОВ,
доктор
филологических наук

БЕЗ ОТВЕТА

1931 год. Последняя сессия Академии наук, в которой принимает участие Ольденбург. Бухарин ему уже ничем не поможет. (Фото публикуется впервые.)

За последние месяцы в разных органах печати опубликованы материалы о происходившей в конце 20-х — начале 30-х годов распродаже и расхищении национальных ценностей, торговле музейными сокровищами под предлогом создания необходимых валютных фондов. В этих статьях, однако, не очень четко просматривается позиция собственно музейных работников и интеллигенции вообще, тогда как некоторые важные обстоятельства вскрываются при обращении к архивам, в частности к архиву известного востоковеда-индолога академика Сергея Федоровича Ольденбурга, хранящемуся в Архиве АН СССР (фонд 208, оп. 2, ед. хр. 61).

Как непременный секретарь Академии наук он должен был часто выезжать в Москву из Ленинграда. По поводу одной из таких поездок его жена Е. Г. Ольденбург записала в своем дневнике:

«В Москве было очень сложно, кредиты урезали, и если бы не присутствие самого С. Ф., дело было бы еще хуже. Но тяжелее еще стоит вопрос с продажей музейных ценностей. Прямо какая-то вакханалия, во главе которой стоит нарком торговли Микоян. В первый же день приезда в Москву по телефону Сергею позвонил Вл. Ив. Невский и просил Сергея и Марра приехать к нему в Ленинскую библиотеку. Он рассказал им, как катастрофически обстоит дело с продажей ценностей Эрмитажа, показав под секретом листы предметов, предназначенных к продаже — 5 Рембрандтов, Рафаэль, Корреджио и разные ценности, которых С. Ф. не запомнил. Надо торопиться и спасать от такого расхищения... От Невского С. поехал вместе с Марром к Литвинову, который замещает Чичерина. Тот возмущен продажей, но говорит, что он ничего поделать не может. От него Сергей был по этому делу у Енукидзе, затем у Калинина. Калинин страшно против, он ничего не знал, это сделали в его отсутствие. Он приблизительно сказал Сергею так: «Наживутся на этом примазавшиеся сюда люди, мы получим от этих миллионов гроши в сравнении с тем, что нам надо, а сраму не оберешься». Он обещал сделать все, что от него зависит. Луначарский также против, хотя, конечно, он имеет слишком мало влияния».

А тем временем предпринимались попытки создать общественное мнение в пользу распродаж. Утверждалось, например, на собрании научных работников в Ленинграде, что «можно и все продать до последней вещи, раз это нужно для строительства». «Тогда Сергей не вытерпел,— пишет в дневнике жена С. Ф. Ольденбурга,— и с места крикнул, что это не так, что продавать культурное достояние государства нельзя, что это ни к чему не приведет, что нельзя на продаже музейных вещей строить индустриализацию страны, т. к. от этого кроме проигрыша ничего не будет. ...Время для музеев очень тяжелое... прожили такие годы, как 18, 20, 21, а теперь продают...»

А ведь еще 3 ноября 1917 года было издано правительственное обращение ко всему народу с призывом к охране и сбережению культурного наследия, всех музейных сокровищ и ценностей! Действительно, вопреки всем трудностям было многое сделано для постановки музейного дела, сбережения культурного наследия. Однако перемены, происшедшие после кончины В. И. Ленина, возымели свое влияние и в области культуры. Был начат, в сущности, поход против интеллигенции, своего рода рецидив махаевщины (движение против интеллигенции в предреволюционные годы), направленный и против Академии наук, и против краеведческих учреждений, и против музеев как таковых. Использовались при этом самые разные поводы — от спекуляции на национальных чувствах до вопроса о... социальном происхождении музейных работников и т. п.

Как непременный секретарь АН С. Ф. Ольденбург был в курсе не только научной, но и вообще культурной жизни, тесно сотрудничал с наркомом просвещения А. В. Луначарским, был одним из активнейших участников строительства социалистической культуры. Естественно, он был крайне встревожен всеми действиями, связанными с продажей музейных ценностей. Е. Г. Ольденбург записывает 21 января 1928 года:

«Кроме Микояна, здесь в Ленинграде главный вредитель музеев Б. П. Позерн. Оказывается, намечены к распродаже Строгановский музей-дворец, он уже даже запродан, далее б. музей Штиглица и приказано из Драгоценной кладовой выделить золота и бриллиантов на 600 000 валюты...»

Позднее, 7 марта того же года, она записывает:

«В Эрмитаже работает теперь комиссия по изысканию вещей к продаже... Что творится в картинном отделении! Бедные наши картинщики! На них лица нет! Все картины из запаса — все в продажу!.. В отд. серебра все допытывались, где же тайные кладовые, где запрятаны драгоценности?.. Тяжелая обстановка! Кларк (тогдашний директор Эрмитажа.— **И. С.**) просил Сергея заступиться за Эрмитаж».

В конечном счете С. Ф. Ольденбург решил обратиться с письмами к Председателю СНК А. И. Рыкову, Председателю ЦИК М. И. Калинину, в Коминтерн — Н. И. Бухарину и Председателю Комиссии по содействию Академии наук А. С. Енукидзе. Письма по своему содержанию были, в общем, едины, но каждое из них имело, разумеется, и свою специфику, будучи адресовано к конкретному лицу. Вот что писал он Н. И. Бухарину:

«Многоуважаемый
Николай Иванович.
Пытался увидеть Вас в Москве, но

■

Нельзя без содрогания читать свидетельства беспрецедентного в мировой истории тотального уничтожения отечественной культуры. Мы имеем в виду статьи А. Мосякина в «Огоньке» №№ 6—8 за этот год.

Сам собой возникает вопрос: не пора ли наконец со всей серьезностью подойти к созданию надежного юридическо-правового барьера против возможных рецидивов подобных «благодеяний»? Признание актов купли-продажи национальных сокровищ страны юридически незаконными даст возможность, мы полагаем, обратиться к главам государств и к мировой общественности с призывом оказать содействие по возвращению наших культурных ценностей.

В. СТРОКИН, Г. КРИВЕНКО, А. БОРОВИК
Темрюк Краснодарского края

■

Пора активизировать работу по возвращению сокровищ. Лично я предлагаю открыть счет и готов внести деньги, которые послужат этому возвращению. Советскому фонду культуры следует провести целенаправленную лотерею, а еще лучше, если он под свою ответственность возьмет издание альбомов, книг, путеводителей с красочными репродукциями по музеям, из которых мы узнаем о спасенных шедеврах. Пусть цена будет больше, но мы будем знать, на что пошли народные деньги.

А. ЖИЛЬЦОВ,
матрос
Мурманск

■

Увы, торговля искусством продолжается и сегодня. В публикации в «Советской культуре» «Иконы на распродажу» речь идет о том, что недавно в греческой столице бойко продавали русские иконы XIX века. Понятно, что покупатели были довольны, но то, что были довольны продавцы (представители Всесоюзного художественно-производственного объединения имени Е. В. Вучетича при Министерстве культуры СССР), вызывает, мягко говоря, недоумение. И что стоят возражения президента Академии художеств Б. С. Угарова или митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима?! Ничего, видимо, не стоят, если, как говорит заместитель директора объединения С. М. Попов, «у нас сейчас слишком много икон, которые некому реставрировать, и они гибнут». Сделка, оказывается, выгодна, государству нужна валюта, мы «собираемся и далее продавать иконы за границу».

Как же все это расценить? А уроки прошлого? А нравственные выводы?

Н. ПУДОВКИНА,
художник
Ленинград

■

Меня зовут Арманд Викторович Гаммер (Хаммер). Я родной племянник знаменитого американца, бывший, по мнению А. Мосякина, в течение всего сталинского периода заложником Хаммеров в России. Я же придерживаюсь противоположного мнения: заложниками были мои родственники в Америке. Именно благодаря им и знакомству Арманда с Лениным мне и моей русской матери удалось уцелеть в лихие годы. Но это так, к слову. Пишу в «Огонек» не потому, что после прочтения материала Мосякина «Продажа» под рубрикой «Боль Отечества» в №№ 6—8 меня захлестнули родственные чувства и я бросился защищать доброе имя своего дяди. Я просто хочу восстановить элементарную справедливость.

Автор пишет: «Арманд ударился в алкогольный бизнес...» Фамильярный, полупрезрительный тон, в котором никто никогда не позволял себе говорить о докторе Хаммере — давнем и испытанном друге нашей страны. Чуть раньше: «...большая часть... бесценных сокровищ навсегда была потеряна для нашего народа. В этой истории ключевую роль сыграл... Арманд Хаммер».

А. Мосякин довольно подробно описывает процесс утраты шедевров мирового искусства в послеленинские времена. Приводятся точные цены, уплаченные за уникальные предметы. Есть и явный упрек Хаммеру, что он купил когда-то по дешевке то, что сейчас стоит огромные деньги. Интересно, а как бы поступил на месте Хаммера любой другой? Есть ли смысл предъявлять такого рода претензии молодому бизнесмену, приехавшему в Россию не только ради коммерческой выгоды, но и с искренним желанием помочь родине своих предков?

Доктор Хаммер опубликовал в СССР свою биографию (из которой, кстати, черпает сведения и А. Мосякин), где он откровенно характеризует свою деятельность в России тех лет, не строя из себя бескорыстного благодетеля и оставаясь в глазах читателя человеком дела — истинным бизнесменом с незаурядными способностями. Он был таким всю жизнь, сколотил и раздарил странам и народам многие миллионы, а купленные произведения искусства неустанно возит и показывает по всему миру. То, что он вывез из России, сохранено для человечества; картины русских художников, попадающие в его руки, безвозмездно возвращаются в наши музеи; шедевры, находящиеся в его московской квартире, завещаны Третьяковской галерее. А где все

Вы уехали в отпуск. Дело не терпит, пишу одновременно и Алексею Ивановичу и Михаилу Ивановичу и Авелю Софроновичу, с двумя последними говорил в Москве.

Дело идет о начавшейся продаже культурных, художественных ценностей. Не боюсь сказать, что здесь проявляется изумительное непонимание дела. Из-за более чем проблематических нескольких миллионов создать нам на весь мир репутацию разорившейся страны, продающей последние ценности. Наши враги, разумеется, сумеют великолепно это использовать, чтобы как можно больше испортить наше международное положение. Вам, как главе Коминтерна, видно это лучше, чем кому-либо другому.

Одиннадцать труднейших лет мы держались и хранили культурные наши сокровища, и все за границей восхищались этим. Теперь вдруг мы начинаем продавать. Вне Союза и внутри его это произведет громадное и тяжелое впечатление. Будут наживаться маклаки и примазавшиеся к нам (не сомневаюсь, что дело кончится скамьею подсудимых), а денег мы получим по масштабу наших потребностей — гроши.

Николай Иванович, к Вашим словам прислушиваются, вмешайтесь в это дело. Не дайте сделаться делу, о котором все будут жалеть, когда уже будет поздно его поправить.

Искренне Вас уважающий
Сергей Ольденбург.
11.X.1928».

Вскоре после этого, 20 октября 1928 года, Елена Григорьевна сделала в дневнике следующую запись:

«Письма Сергея о распродаже музейных ценностей произвели свое действие, о них везде говорят, и м. б. это вызовет остановку в продаже».

Как мы уже знаем (см. очерк А. Мосякина «Продажа», «Огонек» №№ 6—8, 1989), к письмам С. Ф. Ольденбурга никто не прислушался. Мало того, в 1929 году его неожиданно сняли с поста непременного секретаря АН СССР, который он бессменно занимал четверть века.

то, что к доктору Хаммеру не попало?

Приписывать ключевую роль в вывозе из России художественных ценностей доктору Хаммеру несправедливо и нелогично. Ни для кого не секрет, что разбазаривание национального достояния проводилось в течение десятилетий. Все коллекции доктора не стоят взорванного храма Христа Спасителя, разграбленных и оскверненных нами церквей и монастырей, проданных и сожженных икон, картин и т. д.

Я постоянно получаю от соотечественников письма с теплыми словами признательности в адрес доктора Хаммера после опубликования его книги «Мой век — двадцатый. Пути и встречи». Уверен, что у большинства авторов этих писем развито чувство патриотизма и боли за отечество. Советские люди всегда будут помнить благородные усилия доктора в разрешении афганской проблемы, его оперативную и эффективную помощь жертвам Чернобыля и землетрясения в Армении, многое, многое другое.

Однако тираж честной и умной книги Хаммера по сравнению с публикацией А. Мосякина микроскопичен. Поэтому я считаю, что самый популярный и очень любимый прогрессивной публикой журнал нанес 90-летнему патриарху американо-советского сотрудничества незаслуженное оскорбление и огромный моральный ущерб.

Арманд ГАММЕР,
редактор
издательства «Прогресс»

Евгений ЕВТУШЕНКО

В своем предсмертном интервью «Московским новостям» от 11 сентября 1988 года Ю. Даниэль сказал: «Как ни странно, но запомнилось, что в зале суда было много доброжелателей, я ощущал теплую волну симпатии. Помню отчаянное лицо Евтушенко, другие лица, все они выражали сочувствие».

До процесса я не был лично знаком с его героями — читал только предисловие А. Синявского к однотомнику Пастернака, и мне попадались время от времени переводы Даниэля. Псевдонимы Николай Аржак и Абрам Терц были мне знакомы по «тамиздату», но, честно говоря, их произведения мне не очень нравились, и я даже предполагал, что это мистификация, созданная за рубежом, а вовсе не посланная из СССР. Раскрытие псевдонимов, арест Синявского и Даниэля ошеломили интеллигенцию.

Я пошел на прием к секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву, просил его, чтобы не было уголовного процесса. Демичев, по его словам, лично тоже был против суда. Он сказал мне, что Брежнева поставили в известность об аресте постфактум, и он принял решение: спросить Федина — тогдашнего председателя Союза писателей,— решать ли этот вопрос уголовным судом либо товарищеским разбирательством внутри СП. Федин брезгливо замахал руками и сказал, что ниже достоинства Союза писателей заниматься подобной уголовщиной. Помимо коллективного письма против уголовного суда над Синявским и Даниэлем, существовали и другие письма подобного содержания, одно из которых было подписано мной. Тем не менее, несмотря на протесты, процесс состоялся. НА ПРОЦЕСС ВЫДАВАЛИ БИЛЕТЫ!!! Точнее контрамарки. Я с огромным трудом получил в парткоме контрамарку, выдавалась только на одно заседание. Я несколько опоздал, так как пробиться сквозь толпу, окружавшую здание, и милицию было нелегко. Когда я вошел в небольшой зал, вмещавший человек сто, заседание уже шло. Едва я успел сесть на место, как судья Л. Смирнов, заметивший мой приход, немедленно обвинил Синявского в том, что он в своей набранной в «Новом мире» и затем рассыпанной перед самым процессом статье выступил «против» уважаемого поэта Евтушенко.

Это был один из самых отвратительных моментов в моей жизни. Я почувствовал себя втягиваемым в грязнейшую провокацию. Когда меня политически оплевывали в газетах, обвиняя в «несмываемых синяках предательства», наше доблестное правосудие почему-то молчало, а вдруг неожиданно решило меня «защищать», обвиняя в предательстве Родины двух моих коллег-литераторов! Наверно, именно в этот момент у меня было «отчаянное лицо», по выражению Даниэля. Меня выручил Синявский (да, именно он, подсудимый, выручил меня, сидевшего в зале!). Синявский сказал, что это не была статья против Евтушенко, многие стихи которого ему нравятся, в статье критикуются только некоторые его произведения. Он глядел не на судью, а на меня, поверх голов, и в глазах его я читал нечто, похожее на: «Нас хотят сделать врагами, но мы не должны этому поддаваться». Так оно и случилось впоследствии.

Много раз другие люди передавали мне теплые слова обо мне и Синявского, и Даниэля, не забывших ни мою подпись под письмом в их защиту, ни другую помощь, которую я, насколько было в моих силах, оказывал. В этом нравственное отличие Синявского и Даниэля от некоторых других уехавших на Запад коллег, в чью защиту я тоже не раз выступал в тяжелые моменты их жизни, но которые затем «отплатили» мне по древнему печальному закону — «ни одно доброе дело не остается безнаказанным». Бог им судья.

После этого шумного процесса над писателями родилось слово «подписант», обозначавшее человека, поставившего свою подпись в защиту инакомыслящих. Подписанты попадали в черные списки на телевидении, их верстки или рассыпались, или задерживались, их заграничные поездки отменялись, некоторых выгоняли со службы. В число таких подписантов попал и я — и тоже претерпел немало неприятностей, однако, в отличие от многих коллег, я был все-таки защищен своей внутрисоюзной и международной известностью. Несмотря на попытки запретить мою поездку в США в 1966 году, бюрократии это все-таки не удалось. Нынешний заместитель председателя общества «Знание» тов. Семичастный сейчас старается в своих «самоадвокатских» воспоминаниях изобразить себя чуть ли не меценатом искусств (например, якобы он всячески пытался смягчить гнев Хрущева на Пастернака). Все это ложь. Я присутствовал на митинге комсомола, где Семичастный громил Пастернака с вдохновенным садистским упоением. Став шефом КГБ, Семичастный хотел использовать дело Синявского и Даниэля для дальнейшего «закручивания гаек». На встрече в «Известиях» он обронил фразу, что кое-кого надо снова «сажать». На вопрос «сколько» он ответил: «Сколько нужно, столько и посадим». Перед моим отъездом в США Семичастный на одном из совещаний напал на меня, сказав, что наша политика слишком двойственна — одной рукой мы сажаем Синявского и Даниэля, а другой подписываем документы на заграничную поездку Евтушенко. Это был опасный симптом. Однако мне уже была выдана выездная виза.

Во время поездки по США в ноябре 1966 года я был приглашен сенатором Робертом Кеннеди в его нью-йоркскую штаб-квартиру. Я провел с Робертом Кеннеди несколько часов. Во время разговора Роберт Кеннеди повел меня в ванную и, включив душ, конфиденциально сообщил, что согласно его сведениям псевдонимы Синявского и Даниэля были раскрыты советскому КГБ американской разведкой. Я тогда был наивней и сначала ничего не понял: почему, в каких целях? Роберт Кеннеди горько усмехнулся и сказал, что это был весьма выгодный пропагандистский ход. Тема бомбардировок во Вьетнаме отодвигалась на второй план, на первый план выходило преследование интеллигенции в Советском Союзе. Я попросил у Роберта Кеннеди разрешения передать эти сведения Советскому правительству, так как счел такое поведение вредным для интересов нашей страны. Роберт Кеннеди согласился с условием: не упоминать его имени. Я пришел к одному человеку в нашей миссии, которого впоследствии буду называть Б. Д.— благородным дипломатом. Он действительно вел себя в этой истории благороднейшим образом. Я рассказал ему о полученной информации. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Б. Д. даже и не попытался выяснить — кто дал мне такие сведения. Для него было достаточно моей джентльменской формулы «крупный американский политический деятель». Б. Д. попросил меня составить телеграмму, чтобы затем отправить ее в Москву шифровкой. Понимая опасность такой телеграммы для меня, я спросил — кто ее будет читать. «Только я и шифровальщик»,— заверил меня Б. Д. Я, конечно, боялся. Те, кто устроил процесс Синявского и Даниэля, безусловно, преследовали свои личные цели, ибо могли пробиться в верхний эшелон только на «закручивании гаек», обвинив соперников в мягкотелости. Итак, я оставил телеграмму в нашей миссии.

На следующее утро часов в семь утра раздался телефонный звонок в мой номер. Мужской голос сказал, что меня ждут внизу, в вестибюле — за мной по срочному делу прислали машину из нашей миссии. Мы договорились с женой, что если я не вернусь и не позвоню до часу дня, она может созывать пресс-конференцию. У нее на глазах были слезы, но она держалась мужественно. Мне было невесело, но, к счастью, я был внутренне подготовлен. Внизу меня ждали двое незнакомых мужчин, относительно молодых, с незапоминающимися спортивными лицами. Когда я спросил: «Что случилось?», один из них кратко ответил: «Скоро все узнаете».

Очень было глупо, что во время нашего ничего не значащего разговора второй из них включил в машине радио, сделав рукой жест, намекающий на подслушивание. Этот фальшиво-серьезный жест насмешил меня и несколько улучшил мое настроение. Мы вошли в здание миссии, но когда распахнулась дверь лифта, опереточность ситуации еще более усилилась. Один из двоих загородил спиной кнопочный пульт, чтобы я не видел, кнопку какого этажа нажимает его партнер. Выйдя из лифта, мы оказались перед дверью без номера, без фамилии. Комната, в которую меня пригласили, была почти пуста — стол, два стула, настольная лампа и, пожалуй, все. Далее все продолжалось, как в плохом американском детективном фильме, которых, видно, слишком насмотрелись эти двое. Мне предложили стул перед столом. Один из них стал за моей спиной. Другой, действуя по всем голливудским стандартам, снял пиджак, бросив его на спинку стула, сел на стол, картинно заложив ногу на ногу.

Для сохранения голливудской разработки деталей он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, децентровал узел галстука и спросил, глядя в упор, по его мнению, пронизывающим взглядом:

— Кто был тот политический деятель, о котором вы писали в своей телеграмме?

Я понял, что они ее читали. Каюсь, незаслуженно плохо я подумал в тот момент о Б. Д. Я решил потянуть время:

— Какую телеграмму?

— Телеграмму, где вы пытаетесь опорочить органы...— раздалось рычание за моим затылком.

— Я никого не пытаюсь опорочить,— сказал я, поняв, что дальше притворяться бессмысленно.— Я только передал сведения, сообщенные мне одним американским политическим деятелем. Если они правдивы, те, кто арестовал Синявского и Даниэля, нанесли вред престижу нашей страны, попались на удочку...

— Это клевета! — зарычал теперь уже другой, сидящий на столе.

— Если это неправда, то я не несу за это ответственности. В Москве разберутся...— ответил я.

Тогда они начали пулеметно называть имена различных политических деятелей США, с которыми я встречался за мою поездку,— сенатора Джавица, представителя в ООН Гольдберга, назвали и Роберта Кеннеди. Я, стараясь быть как можно спокойней, отвечал, что есть законы человеческой порядочности, и я их не нарушу. Этот простой довод их почему-то привел в особое раздражение.

Евгений Евтушенко и Роберт Кеннеди. Нью-Йорк. 1966.

Вдруг я услышал нечто, от чего у меня по коже прошел легкий холодок:

— Нью-Йорк — гангстерский город. Если с вами что-то здесь случится, то «Правда» напечатает некролог с нотками сентиментальности о поэте, погибшем в каменных джунглях капитализма...

Но в следующий момент страх мой неожиданно прошел — я понял, что меня нагло, беспардонно шантажируют. Я резко обернулся, схватил моего «затылочного следователя» за галстук.

Из меня прорвался шквал великого, могучего русского языка, накопленного мной на сибирских перронах и толкучках, в переулках и забегаловках Марьиной Рощи, да такой шквал, что мои «следователи» ошарашенно замолчали и, переглянувшись с непонятным мне значением, вышли.

Вот тогда я испугался по-настоящему — когда я оказался совсем один, в пустой комнате. Пустота, неизвестность, одиночество были страшнее угроз. Сколько времени я находился один, я не знаю, может быть, всего минут пять, может быть, полчаса. В конце концов я подошел к закрытой двери, потянул ее на себя, и она неожиданно легко открылась. Я оказался в совершенно пустом коридоре недалеко от лифта, нажал кнопку и через мгновение влетел в него, чуть не сбив с ног стоявшую там официантку в наколке с подносом, накрытым белоснежной накрахмаленной салфеткой.

— Вы не к Б. Д.? — с надеждой спросил я.

— К нему,— сказала официантка.— А вы мне автограф не дадите?

— Я тоже к нему,— торопливо сказал я и так же торопливо расписался на этой салфетке.

Б. Д. сидел на диване в маниловском халате с гусарской окантовкой и читал книгу по восточной философии. У Б. Д. опять не дрогнул ни один мускул на лице ни тогда, когда он увидел меня, ни тогда, когда услышал все, что случилось со мной. Он не задал мне ни одного лишнего вопроса, только попросил поподробнее описать внешние приметы моих «следователей». Это было нелегким делом, ибо их главной приметой была бесприметность.

— У вас есть один близкий американский друг — профессор, ответственный за вашу поездку — Альберт Тодд. Поезжайте-ка к нему сейчас и расскажите все, что рассказали мне.

Я обомлел. Обычно существовало неписаное правило — не говорить иностранцам ни о чем, что происходит внутри советских посольств. А тут меня даже просят...

— Я вам дам мою машину, которая отвезет вас к Тодду. Шоферу можете полностью доверять,— сказал Б. Д.— Хотите, я вам подарю новое прелестное издание Бо Цзю И?

Через полчаса я уже был у Тодда, откуда сначала позвонил жене, а потом рассказал ему об этом голливудском «допросе», о шантаже.

Тодд побледнел, услышав мой рассказ, и бросился куда-то звонить, закрыв дверь комнаты, в которой стоял телефон. Тодд тоже меня не спрашивал, кто сказал мне о Синявском и Даниэле — он был джентльменом, как и Б. Д. Через два часа к подъезду дома Тодда подъехала машина, из которой вышли двое мужчин тоже без особых примет, но уже иного, американского типа. Они заняли места около подъезда. Тодд спустился вниз, о чем-то поговорил с шофером советской машины, пожал ему руку, и тот уехал. Некоторое время эти двое неразговорчивых мужчин сопровождали меня в своих поездках по гангстерскому городу Нью-Йорку. Потом мы с Тоддом уехали в турне по американским провинциям — уже без сопровождения. Вернулись мы примерно через месяц. Советская миссия при ООН устроила в мою честь огромный прием. У дверей стоял Б. Д. У него было, как всегда, хорошее настроение.

— Два ваших слишком назойливых поклонника отправлены на Родину,— незаметно для других полушепнул он мне между рукопожатиями с перуанским и малайзийским послом, и спросил: — Читали ли вы новый роман Кобо Абэ? Какая прелесть!...

Семичастный был вскоре снят, как и другие, близкие ему люди, которые пытаются сейчас выглядеть в своих мемуарных интервью чуть ли не двигателями прогресса. Но, к сожалению, «диссидентские процессы» постепенно приобрели инерцию снежного кома. Мне приходилось еще до дела Синявского — Даниэля писать письмо в защиту Бродского, затем — в защиту Н. Горбаневской, А. Марченко,

ПО СТАТЬЕ 70-ой...

И. Ратушинской, Л. Тимофеева, Ф. Светова и других, не говоря уже о письмах в защиту тех, кого подвергали не уголовному, но не менее тяжкому общественному преследованию. Одним из самых циничных изобретений борьбы с инакомыслием стало запихивание в психушку.

«Диссидентские процессы» подрывали престиж нашей страны не только за рубежом, но прежде всего в наших собственных глазах. Они разрушали в нас чувство достоинства — человеческого и гражданского.

Перестройка — это восстановление гражданского достоинства. Поэтому наряду с явными победами демократизации кажутся особенно нетерпимыми любые попытки унижения нашего достоинства, с таким трудом восстанавливаемого: применение дубинок и слезоточивых газов в Белоруссии, драконовские установления о спецпропусках для журналистов, провокационные жестокости в Грузии. Чтобы раз и навсегда закрепить правовое достоинство в наших законах, небесполезно напоминать об отвратительных унижениях этого достоинства — о «диссидентских процессах».

◀ ***Судебная расправа. Взгляд из комнаты охраны.***

Геннадий ЕВГРАФОВ, Михаил КАРПОВ

ервая в новом семестре лекция по литературе в Школе-студии имени В. И. Немировича-Данченко 8 сентября 1965 года не состоялась. Никто из студентов тогда так и не узнал, почему. А дело в том, что тот, кто должен был ее читать, сотрудник Института мировой литературы, один из самых одаренных, по определению А. Т. Твардовского, критиков своего поколения, Андрей Синявский, был арестован по дороге в студию.

Литературовед Галина Андреевна Белая (1989 г.):

— С Андреем Синявским я работала в одном отделе и поэтому узнала о происшедшем на следующий день.

Мнения сотрудников Института мировой литературы довольно быстро разделились, и количество людей, его осуждавших, оказалось очень велико. Кампания в ИМЛИ обещала быть серьезной, но делались попытки, например, Георгием Гачевым, выйти и сказать, что мы не можем осудить Синявского, потому что произведений его, опубликованных за границей, не читали и не знаем, о чем там идет речь...

Через четыре дня в аэропорту Внуково арестовали поэта-переводчика Юлия Даниэля.

На арест двух писателей откликнулась зарубежная пресса. В многочисленных сообщениях подчеркивалась мысль, что для талантливого и совестливого писателя высказывать свои идеи и чувства в любой форме относительно общества и государства, в котором он живет, есть его неотъемлемое право и обязанность; только больное общество может считать выражение этих чувств преступлением, которое наказывается тюрьмой.

Однако советское общество образца 1965 года вряд ли полагало себя серьезно больным, и «врачам» пришлось из московских квартир переехать в тюремные камеры.

Тем временем в Москве распространялись слухи один нелепее другого. Утверждали, например, что писателей обвиняют в контрабанде валюты!

В Кремль Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину, в Министерство культуры Е. А. Фурцевой, в Союз писателей СССР А. А. Суркову, лауреату Нобелевской премии М. А. Шолохову поступало множество писем и телеграмм от деятелей культуры западных стран. Подписи говорили сами за себя — Лиллиан Хелман, Джон Уэйн, Эдвард Олби, Джанкарло Вигорелли, Уильям Стайрон, Альберто Моравиа и многие другие выдающиеся художники, писатели, ученые, кто весьма дружественно относился к Советскому Союзу. В этих посланиях выражалось недоумение и удивление по поводу того, что к художественному творчеству могут применить статью уголовного кодекса. Они призывали к гуманизму и терпимости и выражали надежду, что дело не дойдет до судебного разбирательства. Они просили освободить Синявского и Даниэля до суда.

Предварительное следствие длилось пять месяцев.

5 декабря на площади Пушкина была проведена демонстрация в защиту арестованных писателей. Ее провело первое неформальное объединение молодых людей, возникшее в середине шестидесятых годов. Это был СМОГ — Самое Молодое Общество Гениев. Собственно говоря, их было совсем немного, этих «молодых гениев». Они собирались вместе, обсуждали политические и культурные новости, читали друг другу стихи.

Демонстрацию разогнали.

Жены Синявского и Даниэля — Мария Розанова и Лариса Богораз — обратились с письмами к руководству страны, в следственные и судебные органы, в редакции газет с протестом против ареста писателей.

Из письма М. Розановой:

...Проза Терца, его композиционная манера, стилистика, словесные обороты, некоторые философские идеи (кстати сказать, ничего общего не имеющие с политикой) могут нравиться или не нравиться, но несходство литературных вкусов и оценок — не повод для ареста писателя.

Во всяком случае, так я привыкла думать после XX съезда.

Я поняла бы самую непримиримую критику, ибо словом и только словом можно спорить с литературой, со словом, но против ареста любого писателя за его творчество я категорически протестую, так как это противоречит нашей Конституции.

Из письма Л. Богораз:

...Репрессии по отношению к писателям за их художественное творчество, даже политически окрашенное, расценивается нашими литературоведами как акт произвола и насилия, даже когда речь идет о России XIX века, тем более это недопустимо у нас.

Ответа на эти обращения не последовало.

Широкой советской общественности позволили узнать об аресте Андрея Синявского и Юлия Даниэля только 13 января 1966 года. К этому времени все доказательства «противоправных» действий писателей были собраны, сценарий будущего процесса расписан и утвержден, и скрывать происшедшее больше не имело смысла...

Из статьи члена СП СССР Дм. Еремина «Перевертыши» («Известия», 1966, 13 янв.):

Враги коммунизма не брезгливы! С каким воодушевлением сервируют они любую «сенсацию», подобранную на задворках антисоветчины! Так случилось и некоторое время назад. В буржуазной печати и на радио стали появляться сообщения о «необоснованном аресте» в Москве двух «литераторов», печатавших за границей антисоветские пасквили... Один из них, А. Синявский, он же А. Терц, печатал литературно-критические статьи в советских журналах, пролез в Союз писателей... Второй, Ю. Даниэль-Аржак, занимался переводами. Но все это для них было только фальшивым фасадом. За ним скрывалось иное: ненависть к нашему строю, гнусное издевательство над самым дорогим для Родины и народа...

Синявский и Даниэль начали с малого: честность подменили беспринципностью, литературную деятельность, как ее понимают советские люди,— двурушничеством, искренность в своем отношении к жизни — нигилизмом, критиканством за спиной других, «перемыванием костей» ближних. И начав с этих мелких пакостей, они уже не останавливались. Они продолжали катиться по наклонной плоскости. И в конечном счете докатились до преступлений против Советской власти. Они поставили себя тем самым вне нашей литературы, вне сообщества советских людей. От мелкого паскудства до крупного предательства— такова дорожка, по которой они шествовали...

«Сочинения» этих отщепенцев насквозь проникнуты клеветой на наш общественный строй, на наше государство, являют образчики антисоветской пропаганды. Всем содержанием своим они направлены на разжигание вражды между народами и государствами, на обострение военной опасности. По существу говоря, это выстрелы в спину народа, борющегося за мир на Земле, за всеобщее счастье. Такие действия нельзя не рассматривать иначе, как враждебные по отношению к Родине.

Пройдет время, и о них уже никто не вспомнит. На свалке истлеют страницы, пропитанные желчью, ведь история не раз подтверждала: клевета, какой бы густой и злобной она ни была, неизбежно испаряется под горячим дыханием правды.

Так произойдет и на этот раз.

Вспоминает Бенедикт Сарнов (1989 г.):

— Когда в «Известиях» появилась статья Дмитрия Еремина «Перевертыши», от которой густо понесло 37-м годом, она произвела ужасное впечатление на всех нас. В Союзе писателей состоялось собрание, где некоторые мои коллеги высказывали возмущение, недоумение по этому поводу. В частности, с такой речью выступила, как я помню, писательница Любовь Кабо. Вот тут-то, чтобы как-то сбить то сильное впечатление, которое на присутствующих произвело ее выступление, слово взял тогдашний оргсекретарь московского отделения СП Виктор Николаевич Ильин:

— Товарищи, в чем дело? О каком 37-м годе здесь говорят? Вам нужны доказательства? Каждый, кто хочет, может прийти ко мне, у меня лежат все эти так называемые произведения Синявского и Даниэля, и я вам дам их прочитать. Вы сами убедитесь, что нет никакой фальсификации, и они будут наказаны за реальные, действительные преступления. Вы придете в ужас, когда все это прочтете!

На другой день мы с писателем Борисом Балтером пришли к нему и попросили дать прочитать эти самые произведения.

— Виктор Николаевич, вы вчера сказали то-то и то-то, и мы хотели бы...— сказал я.

— А вы есть в списке, утвержденном секретариатом?

— Ах, существует такой список? Простите, значит, я не понял, я думал, что каждый может... Ну, тогда извините.— И я повернулся, чтобы уйти.

— Нет, нет. Что вы? Присядьте, пожалуйста. Почему у вас такой интерес к этим произведениям?

— Я прочел статью Еремина, она произвела на меня очень мрачное впечатление.— И дальше я повторил слова насчет смрадного дыхания 37-го года.

— Действительно, статья получилась неудачная. Сам Еремин ею тоже недоволен. У него там выкинули несколько абзацев, где он цитировал Синявского и Даниэля, чтобы не предоставлять трибуну врагу. Поэтому статья получилась не очень убедительная. А все же для чего вам их произведения? Вы что, не верите следственным органам?

— Нет, вы знаете, мне просто приходится выступать иногда, читать лекции о литературе. Мне могут задавать разные вопросы, а быть дураком и отвечать в духе статьи Еремина я не хочу.

Ильин замялся и, наклонившись к Балтеру, показав на меня глазами, спросил:

— А он член партии?

Балтер покачал головой. Тогда Ильин уже довольно жестко сказал:

— Я вас уверяю, что они совершили преступление и будут наказаны по закону.

— Ну, спасибо,— сказал я, в очередной раз собираясь уходить.

— Ну, что это вы все так торопитесь? Посидите, посидите.— сказал Ильин и вкратце изложил сюжет повести Юлия Даниэля «Говорит Москва». На том мы расстались.

Травля находящихся под следствием писателей не прекратилась. В «ЛГ» Дм. Еремина поддержала литературовед З. Кедрина.

Из статьи З. Кедриной «Наследники Смердякова» («Литературная газета», 22 января 1966 г.):

Особенно наглядно нищета мысли раскрывается в насквозь клеветнической повести Н. Аржака «Говорит Москва»...

Нравственная нагота Абрама Терца, те антисоветские «идеи», которые он усвоил и жаждет распространить, выступают в одеждах самых различных литературных произведений и параллелей. Вырванные с мясом из самых различных чужих произведений, вывернутые наизнанку и на скорую руку сметанные в пестрое лоскутное одеяло антисоветчины, они характеризуют «творческое лицо» Абрама Терца как человека, нагло паразитирующего на литературном наследии...

Есть, впрочем, у этого автора и нечто бесспорно свое, «задушевное». Это, во-первых, порнография, рядом с которой самые рискованные пассажи Арцыбашева выглядят литературой для дошкольников.

Это, во-вторых, стойкий «аромат» антисемитизма, которым веет уже от провокационной подмены имени Андрея Синявского псевдонимом Абрам Терц. ...И наконец, в-третьих, настойчиво повторяющийся, переходящий из повести в повесть, мотив страха перед арестом и предвидение неизбежности его... Пожалуй, ни одно произведение Абрама Терца не обходится без паники.

Наследники Смердякова, нетерпимые в нашей среде, нашли своих ценителей, издателей и почитателей в среде зарубежной реакции, все еще не теряющей надежды на то, что удастся сколотить «советское литературное подполье». Напрасные надежды, господа!

Андрей Донатович Синявский («Иностранная литература» № 2, 1989 г.):

...Необходимо пояснить, почему в свое время я предпочел печататься на Западе, а не в Советском Союзе. Как достаточно профессиональному критику мне было очевидно в 1955 году.., что мой стиль (именно стиль) неуместен в советской печати того времени, что он просто выпадает из сложившихся в стране традиций и обстоятельств. Пересылая рукописи на За-

пад, я больше всего хотел — путем публикации — уберечь их до лучших времен, которые неизвестно, когда настанут...

Вообще мне кажется, искусство не должно привлекаться по политическим и уголовным статьям. На эту тему мне в тюрьме довелось много спорить с моим следователем по особо важным делам В. А. Пахомовым. Человек с двумя дипломами, он как-то посетовал, что третий раз перечитал мою повесть «Любимов» и ничего в ней не может понять. Я обрадовался: «Вот видите, Виктор Александрович, если даже вы, образованный человек, ничего не понимаете, то какая же это «политическая агитация и пропаганда», всегда рассчитанные на ясную и определенную цель?»... У меня были другие, чисто художественные задачи...

Урок с «делом Пастернака» для части (и к чести этой части) советской интеллигенции не прошел даром. За Синявского и Даниэля вступились литературовед В. Иванов, критик И. Роднянская, поэт-переводчик А. Якобсон, искусствоведы Ю. Герчук и И. Голомшток, художник-реставратор Н. Кишилов, научный сотрудник АН СССР В. Меникер, писатели К. Паустовский, Л. Копелев, Л. Чуковская, В. Корнилов.

Из заявления литературоведа В. В. Иванова в юридическую консультацию Бауманского района (1966 г.):

...Познакомившись в последнее время с сочинениями Абрама Терца, на основании которых обвиняется А. Д. Синявский, я утверждаю, что в них не содержится ничего, что могло бы дать повод для уголовного преследования.

Большинство произведений А. Терца написано в традиционной для нашей литературы сказовой форме. Особенностью сказа является то, что повествование ведется от лица героя, который отнюдь не совпадает с автором...

В повести «Суд идет» и в рассказе «Гололедица» сатирически изображены отдельные сотрудники органов государственной безопасности и прокуратуры периода, предшествующего 1953 году... Деятельность этих органов в тот период подвергалась позднее еще более суровой критике в нашей печати. Поэтому указанные места сочинений А. Терца ничем не отличаются от очень большого числа художественных произведений, мемуаров и статей, опубликованных у нас после 1956 года. Если автора произведений А. Терца собираются судить за критику органов государственной безопасности и прокуратуры до 1953 года, то об этом нужно объявить открыто. Следует тогда прямо сказать, что речь идет о попытке в ходе следствия пересмотреть сложившуюся у нашей общественности на протяжении последних десяти лет точку зрения по этому вопросу.

Повесть «Любимов» не является политическим произведением и даже отдаленно не может быть истолковано как таковое. В этой повести весь сюжет строится на совершенно фантастических предпосылках, никак прямо не связанных с фактами реальной действительности... Разумеется, можно относиться отрицательно к такому фантастическому приему художественного творчества, но за него нельзя судить.

Вспоминает Сергей Антонов, член СП СССР (1989 г.):

— За несколько месяцев до процесса ко мне обратился представитель КГБ. Я в то время был председателем секции прозы московской писательской организации. Он сказал, что есть две книги: одна — Абрама Терца, вторая — Николая Аржака. «Любимов» и «Говорит Москва».

Тогда ни я, ни, как мне кажется, он не знали, кто скрывается за этими псевдонимами. Он попросил, чтобы я дал свое писательское заключение о них, не вдаваясь в политическую сторону, а рассматривая их только с литературно-художественных позиций. Я прочитал обе вещи с любопытством. «Любимов», на мой взгляд, сочинение художественно слабое, примитивно злобное. Такого же мнения я придерживаюсь и сейчас. А вот «Говорит Москва» мне понравилось. Я и написал, что эта работа интересная, талантливая.

Я спросил: зачем понадобился мой отзыв?

От прямого ответа представитель КГБ уклонился.

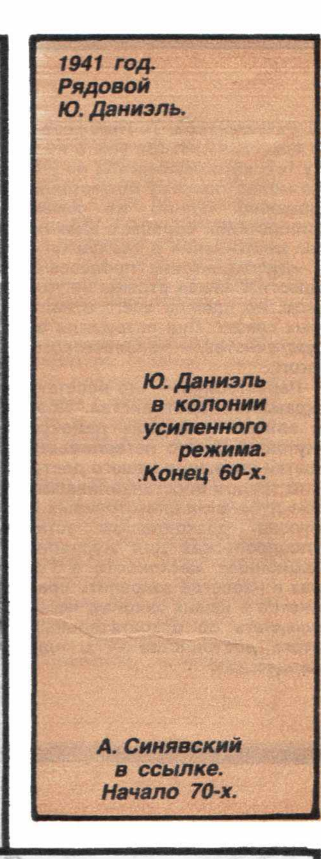
А потом состоялся суд. Для меня совершенно неожиданный. Только тогда я узнал, что эти книжки принадлежат перу Синявского и Даниэля. Я понял, что мой отзыв будет фигурировать на этом отвратительном процессе, но что я мог сделать? Меня даже на суд не приглашали.

Я тогда и сейчас считаю, что этот процесс юридически неправомерен.

Из письма поэта-переводчика А. Якобсона в Московский городской суд (1966 г.):

...Я знаю Даниэля десять лет. Знаю хорошо, близко — он мой друг. Знаю и с профессиональной стороны — мы состоим в одном литературном объединении. Юлий Даниэль — человек честный, искренний, свободно мыслящий, душевно щедрый. Он бескорыстен, принципиален, достоин того звания, которое носил со времен войны,— звания солдата победившей фашизм страны.

1941 год. Рядовой Ю. Даниэль.

Ю. Даниэль в колонии усиленного режима. Конец 60-х.

А. Синявский в ссылке. Начало 70-х.

1960 год. Синявский и Даниэль на похоронах Б. Пастернака.

Даниэль всегда любил свою родину, свой народ, будучи при этом убежденным интернационалистом. Он всегда считал, что любить свою родину — это значит прежде всего не закрывать глаза на творящееся в ней зло, а, наоборот, активно бороться со злом. Борьба писателя — это свободное печатное слово... Прочитав произведения Даниэля, я убедился, что они не являются антисоветскими. Это прежде всего ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ произведения, не заключающие в себе никаких призывов, положений, выводов, никакой политической программы — ни антисоветской, ни иной. Но эти произведения имеют гражданскую тенденцию, направленную против сталинизма, против его пережитков и рецидивов в нашем обществе...

Я призываю суд прислушаться к голосу совести, к голосу справедливости и голосам зарубежных друзей Советского Союза, выступающих сейчас в защиту Синявского и Даниэля.

Я призываю суд подумать о международном престиже нашей страны. Я призываю суд оправдать Синявского и Даниэля.

Суд к этим призывам не прислушался.

10 февраля 1966 года в одном из залов Московского областного суда Верховный суд РСФСР приступил к рассмотрению дела А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, привлеченных к уголовной ответственности по первой части статьи 70 УК РСФСР. Вел процесс сам председатель Верховного суда Л. Н. Смирнов.

Государственное обвинение поддерживает помощник Государственного прокурора О. П. Темушкин.

СП СССР не мог остаться в стороне. Правда, вместо того чтобы защищать литераторов, он выдвинул из своих рядов общественных обвинителей — уже известную нам З. Кедрину и автора произведения «Принято единогласно», напечатанного в журнале «Москва» в 1962 году, Аркадия Васильева.

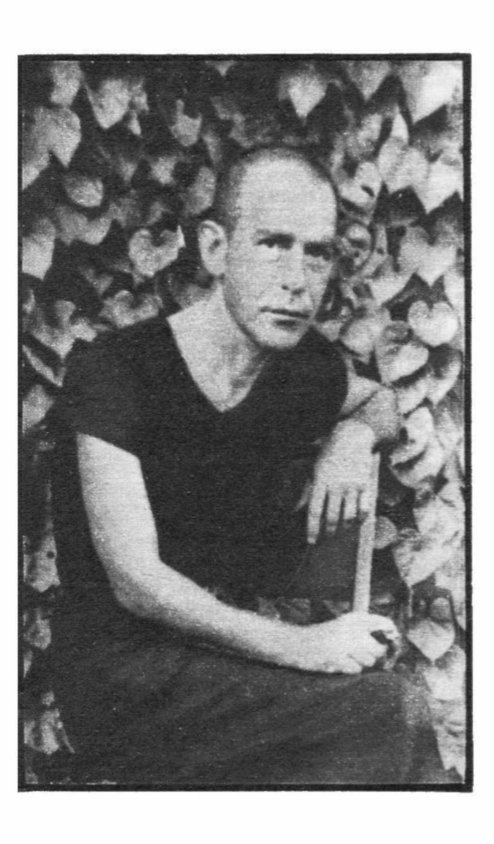
По просьбе родственников, подсудимых защищали адвокаты Э. М. Коган и М. М. Кисенишский.

Процесс, как утверждалось в печати, был открытым. Но для кого? Попасть на него просто с улицы невозможно. Вход был только по пригласительным билетам, на каждое заседание — разного цвета. Билеты проверялись дважды: один раз при входе в здание суда, в другой раз с обязательным предъявлением паспорта при входе на лестницу, ведущую в зал. Где, кому и как их выдавали, неизвестно. Право присутствовать в зале на протяжении всего процесса получили, пожалуй, только жены обвиняемых. Остальные получали билет, дававший право присутствовать на заседании суда в какой-нибудь один из дней. Может быть, только приехавшему из Ленинграда Борису Вахтину из всех членов СП удалось побывать в суде два дня.

Вспоминает Мария Васильевна Розанова (1989 г.):

— Зал был набит непонятными людьми, и мы видели, что им совершенно наплевать на происходящее...

Мы с женой Даниэля с самого начала решили записывать все, что услышим. Стенографии мы не обучались и договорились, что одну фразу будет записы-

вать она, следующую я. К нам присоединился Игорь Голомшток. Он отказался от дачи показаний, за что в его адрес должно было быть вынесено частное определение суда, и таким образом он получил право оставаться в зале до конца процесса. Он тоже записывал, что успевал. Потом оказалось, что записи ведет и Борис Вахтин. Из всех наших записей мы и составили впоследствии нечто вроде отчета о процессе, потому что стенограммой в полном смысле слова это назвать нельзя.

Из записей, сделанных в ходе процесса. Утреннее заседание 10 февраля:

Оглашается постановление от 4 февраля о предании Синявского и Даниэля суду по статье 70 УК РСФСР, часть первая.

Судья. Подсудимый Синявский, признаете ли вы себя виновным в предъявленных обвинениях полностью или частично?

Синявский. Нет, не признаю, ни полностью, ни частично.

Судья. Подсудимый Даниэль, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях полностью или частично?

Даниэль. Не признаю. Ни полностью, ни частично.

На политических процессах, тем более открытых, такое было совершенно делом неслыханным. «Спектакль» дал осечку в первый же день. Может быть, «режиссеры» подготовились и неплохо, но вот «актеры» играли совершенно не предусмотренные пьесой роли.

Пресса достаточно подробно, но весьма односторонне освещала процесс. Безличным «Корр. ТАСС» были подписаны сообщения из зала суда во многих газетах.

Вечерний допрос Синявского был прерван и перенесен на следующий день. Он пытался объяснить суду, что в его статье и трех произведениях изложены не политические взгляды и убеждения, а его писательская позиция, что ему, как писателю, близок фантастический реализм с его гиперболой, иронией и гротеском, но прокурор потребовал не читать в зале суда литературных лекций. Это требование поддержал судья: «У нас не литературный диспут, а исследование состава преступления, то есть юридической стороны. Так что вы лучше обратитесь к первой части статьи, это ближе к тому, в чем вас обвиняют».

Прокурор. Выражаются ли в этих трех произведениях ваши политические взгляды и убеждения?

Синявский. Я не политический писатель. Ни у одного писателя его вещи не передают политических взглядов. Художественное произведение не выражает политических взглядов. Ни у Пушкина, ни у Гоголя нельзя спрашивать про политические взгляды. **(Возмущенный гул в зале.)**

Мои произведения — это мое мироощущение, а не политика.

Прокурор. Я думаю иначе...

Прокурор думал так, как предписывалось думать. К сожалению, так думал не только он один.

Из статьи Ю. Феофанова «Пора отвечать» («Известия», 13 февраля 1966 г.):

Объяснения обоих подсудимых хоть и разнились по форме, были одинаково смехотворны. Факты они обходили, а напирали больше на психологию. Даниэль прикидывался эдаким большим младенцем, который не мог уразуметь, что такое клевета, не ведал, что за рубежом живут не только наши доброжелатели, но и враги и что его корреспонденция на Запад — желаннейшая находка для реакционных и белоэмигрантских издательств.

Его коллега по скамье подсудимых, тот все время наводил тень на ясный день, разглагольствуя о несовершенствах мирового бытия, новой религии и о своем особом восприятии действительности, недоступном простым смертным...

Но все-таки где причины падения двух людей, считавших себя интеллигентными? Одной из них мне кажется явная крайняя идейная распущенность, моральная безответственность подсудимых. Полная утрата ими гражданских патриотических чувств родила ненависть к нашему государственному строю, к идеям коммунизма, к образу жизни советских людей. Все это привело подсудимых к прямым враждебным действиям...

Процесс по делу двух отщепенцев подходит к концу. Пришла пора держать ответ.

...Процесс действительно подходил к концу. Были допрошены свидетели и обвиняемые, оставалось выслушать речи государственного и общественного обвинителей.

Продолжение заседания 12 февраля. Из речи государственного обвинителя О. П. Темушкина:

— Я обвиняю Синявского и Даниэля в антигосударственной деятельности. Они написали и добились издания под видом литературных произведений грязных пасквилей, призывающих к свержению строя, распространяли клевету, облекши все это в литературную форму. То, что они сделали, не случайная ошибка, а действие, равнозначное предательству... Я прошу, учитывая все — и то, что они не раскаялись, и первостепенную роль Синявского,— приговорить Синявского к максимальной мере наказания — семи годам лишения свободы, с отбытием в колонии усиленного режима, и пяти годам ссылки *(аплодисменты)*, а Даниэля — пяти годам, с отбытием в колонии усиленного режима, и трем годам ссылки.

Из речи общественного обвинителя А. Васильева:

— Товарищи судьи! Я от имени всех писателей обвиняю их в тягчайшем преступлении и прошу суд о суровом наказании!

На том же заседании слово предоставили и адвокатам.

Э. Коган считал, что суду не только не удалось доказать антисоветский характер произведений Синявского, но и даже обнаружить наличие умысла у обвиняемого в подрыве или ослаблении Советской власти.

М. Кисенишский поддержал его, заявив, что три произведения из четырех, инкриминируемых Даниэлю, не являются антисоветскими, а в четвертом, как и в первых трех, злой умысел отсутствует.

Из последнего слова А. Синявского:

— Доводы обвинения меня не убедили, и я остался на прежних позициях...

Я хочу напомнить некоторые аргументы, элементарные по отношению к литературе. С этого начинают изучать литературу: слово — это не дело, а слово; художественный образ условен, автор не идентичен герою. Это азы, и мы пытались говорить об этом. Но обвинение упорно отбрасывает это как выдумку, как способ укрыться, как способ обмануть... Государственного обвинителя я даже понимаю. У него более широкие задачи, он не обязан всякие там литературные особенности учитывать... Но когда с такими заявлениями выступают два члена Союза писателей, из которых один — профессиональный литератор, а другой — дипломированный критик, и они прямо рассматривают слова отрицательных персонажей как авторские мысли — тут уж теряешься...

Возникает вопрос: что такое агитация и пропаганда, а что художественная литература? Позиция обвинения такая: художественная литература — форма агитации и пропаганды; агитация бывает только советская и антисоветская, раз не советская, значит, антисоветская.

Я с этим не согласен... Я считаю, что к художественной литературе нельзя подходить с юридическими формулировками.

Из последнего слова Ю. Даниэля:

— Я спрашивал себя все время, пока идет суд: зачем нам задают вопросы? Ответ очевидный и простой: чтобы услышать ответ, задать следующий вопрос; чтобы вести дело и в конце концов довести его до конца, добраться до истины.

Этого не произошло...

Мне говорят: мы оклеветали страну, народ, правительство своей чудовищной выдумкой о Дне открытых убийств. Я отвечаю: так могло быть, если вспомнить преступления во время культа личности, они гораздо страшнее того, что написано у меня и у Синявского. Все, больше меня не слушают, не отвечают мне, игнорируют мои слова. Вот такое игнорирование всего, что мы говорим, такая глухота ко всем нашим объяснениям характерны для этого процесса...

Нам говорят: оцените свои произведения сами и признайте, что они порочны, что они клеветнические. Но мы не можем этого сказать, мы писали то, что соответствовало нашим представлениям о том, что происходило...

Я хочу попросить прощения у всех близких и друзей, которым мы причинили горе.

Я хочу еще сказать, что никакие уголовные статьи, никакие обвинения не помешают нам чувствовать себя людьми, любящими свою страну и свой народ.

Это все.

Я готов выслушать приговор.

Мнения адвокатов не были приняты во внимание.

Последние слова обвиняемых народный суд не убедили. Суд удовлетворил просьбу прокурора.

На следующий день газеты сообщили советскому народу и всему миру: «Клеветники наказаны».

Постановка 66-го года значительно отличалась от инсценировок 37-го. Все так же тщательно, до мелочей была расписана режиссерская партитура, тщательно подобраны статисты, но подвели исполнители главных ролей. Они не каялись, не били себя кулаками в грудь, а главное — не признали себя виновными.

Политики обязаны прогнозировать следствия, вытекающие из предпринимаемых ими действий. Иначе они плохие политики.

Устроители процесса просчитались дважды. Первый раз, когда не вняли голосу мировой общественности и требованиям отдельных советских граждан освободить Синявского и Даниэля до суда. Второй раз, устроив позорное судилище, потому что на скамье подсудимых оказались не только два литератора, но гласность и демократия. Судили также и эстетику, не вмещавшуюся в узкие рамки догматов соцреализма. Судили иное понимание исторического пути, иное понимание целей и задач искусства.

Реакция на процесс за рубежом была однозначной: суровое наказание двух писателей вызвало глубокое сожаление Луи Арагона, коммунистов Великобритании, ПЕН-Клуба, видных общественных и культурных деятелей Запада. Они выражали надежду на обжалование и пересмотр чрезвычайно тяжелого приговора, выступали против самого принципа судебного преследования за литературную деятельность.

Их призывы услышаны не были.

По-разному отнеслись и к самому процессу, и к приговору у нас в стране.

Через неделю после окончания процесса узбекские писатели Яшен, Гулям, Зульфия и Уйгун в «Известиях» выразили свое удовлетворение тем, что «предатели предстали перед народным судом и понесли заслуженное наказание». Решение суда поддержали профессора и преподаватели филфака МГУ А. Соколов, А. Метченко, О. Ахманова и другие. Но больше всех усердствовал Всеволод Кочетов. В редактируемом им в то время журнале «Октябрь» ничтоже сумняшеся он поставил имя А. Синявского в один ряд с нацистским преступником Рудольфом Гессом. Кочетов заявил, что бывший советский критик совершал литературные убийства «во имя продления на земле владычества денежных мешков».

17 февраля на заседании секретариата правления Московского отделения СП РСФСР был рассмотрен вопрос об антисоветской деятельности А. Д. Синявского, члена Союза писателей с 1960 года. Было признано, что он нарушил устав писательской организации, тайно публикуя за границей под псевдонимом свои произведения, не совместимые с коммунистической идеологией и прямо направленные на подрыв строительства нового общества. Секретариат осудил «двурушнические» действия А. Д. Синявского и единогласно постановил исключить «клеветника» из членов Союза советских писателей.

Через некоторое время профком литераторов, где состоял на учете Ю. М. Даниэль, поступил аналогичным образом.

Но в обществе нашлись люди, открыто и безбоязненно протестовавшие и против самого процесса, и против приговора. Ученые-лингвисты Э. Ханпира, И. Мельчук, Ю. Апресян и другие пытались объяснить «лично» Леониду Ильичу всю пагубность и беспрецедентность этого действа, поскольку ни история Советского государства, ни история царской России, Европы и Америки, Азии и Африки, насколько, оговаривались авторы, им известно, «не знает ни одного случая ареста и открытого суда над писателем за инкриминируемую ему антигосударственную деятельность, выражающуюся в написании и издании (на родине или за рубежом) антигосударственных произведений». Они призывали организовать квалифицированный и компетентный пересмотр дела, подробного освещения его в печати, «либо великодушно помиловать этих людей, дав возможность общественности обсудить их поступок».

«Товарищ Брежнев» к призыву ученых не прислушался.

Вскоре после процесса открылся XXIII съезд КПСС, где впервые с Отчетным докладом выступал новый Первый секретарь ЦК. Как обычно, на имя съезда поступило большое количество писем от советских граждан с жалобами, просьбами, ходатайствами. Среди них — письмо, подписанное 62 советскими писателями:

«...Осуждение писателей за сатирические произведения — чрезвычайно опасный прецедент, способный затормозить процесс развития советской культуры. Ни наука, ни искусство не могут существовать без возможности высказывать парадоксальные идеи, создавать гиперболические образы. Сложная обстановка, в которой мы живем, требует расширения, а не сужения свободы и художественного эксперимента. С этой точки зрения процесс над Синявским и Даниэлем причинил уже сейчас больший вред, чем все ошибки Синявского и Даниэля.

Синявский и Даниэль — люди талант-

ливые. и им должна быть предоставлена возможность исправить совершенные ими политические просчеты и бестактности. Будучи взяты на поруки, Синявский и Даниэль скорее бы осознали ошибки, которые допустили, и в контакте с советской общественностью сумели бы создать новые произведения, художественная и идейная ценность которых искупит вред, причиненный их промахами.

По всем этим причинам просим выпустить Андрея Синявского и Юлия Даниэля на поруки.

Этого требуют интересы нашей страны. Этого требуют интересы мира. Этого требуют интересы мирового коммунистического движения.

А. Н. Анастасьев, А. А. Аникст, Л. А. Аннинский, П. Г. Антокольский, Б. А. Ахмадулина, С. Э. Бабенышева, В. Д. Берестов, К. П. Богатырев, З. Б. Богуславская, Ю. Б. Борев, В. Н. Войнович, Ю. О. Домбровский, Е. Я. Дорош, А. В. Жигулин, А. Г. Зак, Л. А. Зонина, Л. Г. Зорин, Н. М. Зоркая, Т. В. Иванова, Л. Р. Кабо, В. А. Каверин, Ц. И. Кин, Л. З. Копелев, В. К. Корнилов, И. Н. Крупник, И. К. Кузнецов, Ю. Д. Левитанский, Л. А. Левицкий, С. Л. Лунгин, Л. З. Лунгина, С. П. Маркиш, В. З. Масс, О. Н. Михайлов, Ю. П. Мориц, Ю. М. Нагибин, И. И. Нусинов, В. Ф. Огнев, Б. Ш. Окуджава, Р. Д. Орлова, Л. С. Осповат, Н. В. Панченко, М. А. Поповский, Л. Е. Пинский, С. Б. Рассадин, Н. В. Реформатская, В. М. Россельс, Д. С. Самойлов, Б. М. Сарнов, Ф. Г. Светов, А. Я. Сергеев, Р. С. Сеф, Л. И. Славин, И. Н. Соловьева, А. А. Тарковский, А. М. Турков, И. Ю. Тынянова, Г. С. Фиш, К. И. Чуковский, Л. К. Чуковская, М. Ф. Шатров, В. Б. Шкловский, И. Г. Эренбург».

Из выступления лауреата Нобелевской премии М. А. Шолохова на XXIII съезде КПСС:

— И сегодня с прежней актуальностью звучит для художников всего мира вопрос Максима Горького: «С кем вы, мастера культуры?» Подавляющее большинство советских писателей и прогрессивных деятелей других стран ясно на этот вопрос отвечают своими произведениями...

Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась. *(Продолжительные аплодисменты).*

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев. *(Бурные аплодисменты)...*

И еще я думаю об одном. Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием» *(Аплодисменты)*, ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! *(Аплодисменты)*. А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора...

Из письма Л. К. Чуковской Михаилу Шолохову, автору «Тихого Дона», 25 мая 1966 г.

...За все многовековое существование русской культуры я не могу припомнить другого писателя, который, подобно Вам, публично выразил бы сожаление не о том, что вынесенный судьями приговор слишком суров, а о том, что он слишком мягок...

В своей речи на съезде Вы поставили перед судьями в качестве образца не то, сравнительно недавнее время, когда происходили массовые нарушения советских законов, а то, более далекое, когда и самый закон, самый кодекс еще не родился: «памятные двадцатые годы»...

Именно в «памятные двадцатые годы», то есть с 1917-го по 1922-й, когда бушевала гражданская война и судили по «правосознанию», Алексей Максимович Горький употреблял всю силу своего авторитета на то, чтобы спасать писателей от голода и холода, но и на то, чтобы выручать их из тюрем и ссылок. Десятки заступнических писем были написаны им, и многие литераторы вернулись благодаря ему к своим рабочим столам.

Традиция эта — традиция заступничества — существует в России не со вчерашнего дня, наша интеллигенция вправе ею гордиться. Величайший из наших поэтов, Александр Пушкин, гордился тем, что «милость к падшим призывал»...

Дело писателей не преследовать, а вступаться...

Письмо Чуковской ушло в тогдашний «самиздат». Там же циркулировал еще один документ. Автором его был писатель В. Т. Шаламов.

Из «Письма старому другу» В. Т. Шаламова:

...Синявский и Даниэль нарушили омерзительную традицию «раскаяния» и «признаний»... В их мужестве, в их благородстве, в их победе есть капля и нашей с тобой крови, наших страданий, нашей борьбы против унижений, лжи, против убийц и предателей всех мастей. И ты, и я — мы оба знаем сталинское время, видели лагеря уничтожения небывалого сверхгитлеровского размаха, Освенцим без печей, где погибли миллионы людей. Знаем растление власти, которая, покаявшись, до сих пор не хочет сказать правду, хотя бы о деле Кирова. До каких пор! Может ли быть в правде прошлой нашей жизни граница, рубеж, после которой начинается клевета? Я утверждаю, что такой границы нет, утверждаю, что для сталинского времени понятие клеветы не может быть применено. Человеческий мозг не в силах вообразить тех преступлений, которые совершались...

Синявский и Даниэль осуждены именно за то, что они писатели, ни за что другое. Нельзя судить человека, видевшего сталинское время и рассказавшего об этом, за клевету или антисоветские взгляды...

И еще одну важную подробность вскрывает этот процесс: Синявский и Даниэль никого не стремились «взять по делу», не тянули своих знакомых в водоворот следствия. Отсутствие нечеловеческих средств подавления человеческой психики сделало их волю способной к борьбе, и они победили...

Еще несколько замечаний... Состав суда известен, фамилии общественных обвинителей известны, только фамилии экспертов скрыты от публики. Что за скромность девичья такая, явно неуместная?.. На всякий случай вот фамилии экспертов: академик Виноградов (председатель), Прохоров, Дымшиц, Костомаров и другие. В деле погромные отзывы: С. Антонова, А. Барто, Б. Сучкова, академика Юдина...

Всякий писатель хочет печататься. Неужели суд не может понять, что возможность напечататься нужна писателю как воздух?

Сколько умерло тех, кому не дали печататься? Где «Доктор Живаго» Пастернака? Где Платонов? Где Булгаков? У Булгакова опубликована половина, у Платонова — четверть всего написанного. А ведь это лучшие писатели России. Обычно достаточно было умереть, чтобы кое-что напечатали, но вот Мандельштам лишен и этой судьбы.

Как можно обвинять писателя в том, что он хочет печататься?

И если для этого нужны псевдонимы, пусть будет псевдоним, в этом нет ничего зазорного...

Безымянность обращает на себя внимание не только в составе экспертной комиссии. Секретариат Союза писателей СССР подписал свое письмо в «Литературную газету» (имеется в виду ответ секретариата на ряд протестов, полученных СП после приговора, помещенный в «ЛГ» 19/II-66 г.— Г. Е. и М. К.) — развязное по тону, оскорбительное по выражениям — без перечисления фамилий секретарей Союза писателей СССР. Что это за камуфляж?..

На всякий случай сообщаю состав секретарей Союза писателей СССР: Федин, Тихонов, Симонов, Воронков, Смирнов В., Соболев, Михалков, Сурков...

На вопрос великого пролетарского писателя: «С кем вы, мастера культуры?» — Шолохов и Шаламов ответили по-разному.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПРОЦЕССУ

Из стенограммы беседы с журналистом Юрием Васильевичем Феофановым в редакции «Известий» (20 октября 1988 г.):

— Я помню свои корреспонденции «Из зала суда». Конечно, сегодня я бы оценил все по-другому. Но ведь мы жили в той системе координат и представлений, да и сам я был моложе на двадцать лет. Это тоже существенно. Это была и вообще не моя тема, я политическими процессами не занимался, только уголовными. Но редакция меня послала... А то, что мы делали тогда не то, ну ясно, господи, чего там говорить. Сахарова сослали, а теперь его все признают. В «Книжном обозрении» было насчет Солженицына, конечно, зря его выслали. Наверно, в этом ряду стоит и процесс Синявского и Даниэля. Но главное — время сейчас другое. Свои корреспонденции тогда я старался обосновать ссылками на законодательство других стран, даже по научным институтам ходил, старался уяснить, а как там? Наверное, были какие-то натяжки, но вы поймите, ведь тогда я был другая обстановка... Ведь мы же только сейчас оцениваем, что было в тридцатые годы, когда, ничего не зная, все кричали: смерть шпионам! смерть Бухарину! И Солженицына осуждали на митингах, не читая его произведений.

Моя личная позиция сегодня? Морально я бы статьи Синявского и повесть Даниэля все же осудил, но, конечно, так, как раньше, не написал бы, и, конечно, я считаю, что для возбуждения уголовного дела оснований никаких не было.

Приговор не я должен отменять, а соответствующие судебные инстанции. Если бы отменили приговор и мне бы предложили, ну, грубо говоря, покайся, оцени себя прежнего и напиши, то я бы это сделал. Сказал бы: уголовное дело возбуждать не было оснований, но морально я и сейчас осудил бы статьи Синявского.

Мне очень тем не менее неприятно сейчас, что я был автором этих статей.

Наверное, не надо было Синявского и Даниэля сажать, то есть не наверно, а точно — не надо.

Даниэль отбыл свой срок, как говорится, от звонка до звонка. Грузил бревна, шил рукавицы, плел авоськи. И писал стихи. После выхода из лагеря год жил в Калуге. Работал на заводе. Затем разрешили прописаться в Москве. Разрешили переводить и публиковать переводы, но не под своей фамилией, а под псевдонимом Ю. Петров.

Из интервью Юлия Даниэля газете «Московские новости» (11 сентября 1988 г.):

— Почему отправили за границу? Да потому, что в тот момент здесь напечатать это было невозможно. А то, что случилось потом, оказалось, я бы сказал, даже интереснее, чем я ожидал. На суде, слава Богу, не потерялось чувство юмора, это большое счастье...

Лагерь находился в Мордовии, он назывался Дубровлаг. Конечно, по сравнению со сталинским страшным временем режим в лагере был более либеральным, обижаться было бы просто неприлично... Собирались вместе, читали стихи, устраивали лекции, провели даже вечер памяти Райниса. В лагере было всякое, конечно, не только стихи и лекции. Но лично мне очень помогло не сломаться, остаться человеком общение с людьми верующими, религиозными. Я много разговаривал с ними, думал о них. В религии есть масса нужных людям вещей, оценить которые я смог, только находясь в заключении. Например, мысль о том, что человек должен сохранить духовность в любых обстоятельствах. Об этом старался помнить постоянно, забыть очень легко...

На вопрос корреспондента, почему он не уехал из России, как Синявский, Юлий Маркович ответил:

— Просто хотел жить на Родине, не представлял себе, что смогу делать в эмиграции. Ведь я поэт-переводчик, очень люблю эту работу и отношусь к ней, как к делу своей жизни. А почему уехал Андрей? Каждый волен сам сделать свой выбор, он выбрал такую судьбу. Я чист перед собственной совестью. Я сделал тогда то, что считал необходимым. Это самое важное, по-моему, для человека — быть в полной мере собой.

Синявский отсидел в колонии шесть лет. Там написаны три книги — «Голос их хора», «Прогулки с Пушкиным», «В тени Гоголя». Монография о Василии Розанове и роман «Спокойной ночи» написаны и изданы на Западе. В 1973 году с семьей эмигрировал во Францию. Профессор Сорбонны. Его жена Мария Розанова — редактор и издатель русского независимого журнала «Синтаксис».

Мария Розанова (1989 г.):

— Нам уже много лет, пора думать и о подведении итогов, и о том, что останется после нас. Вот я и хочу оставить после себя «Синтаксис» — независимый русский журнал, кстати, горячо поддерживающий идеи перестройки в России. И меня не останавливает то, что некоторые здесь называют «Синтаксис» «рукой Москвы». Для нас гласность — это возможность духовного воссоединения с Россией...

Андрей Синявский (1989 г.):

— Душой, сердцем я живу русской культурой. Но мне представляется совершенно неважным, где прописано тело писателя, и когда меня спрашивают о возможности возвращения, отвечаю: пусть вернутся мои книги.

Первая публикация стихов Юлия Даниэля в советской печати после двадцатилетнего запрета появилась в № 29 журнала «Огонек» за 1988 год. Другие стихотворные циклы опубликованы в «Новом мире» № 7, 1988 год, и «Дружбе народов» № 9, 1988 год. Повесть «Искупление», которая наряду с другими прозаическими произведениями инкриминировалась судом автору, напечатана в № 11 журнала «Юность» за 1988 год.

Интервью с Андреем Синявским и Марией Розановой появились в «Московских новостях» и «Книжном обозрении». Критические работы Андрея Синявского и его проза публикуются ныне в журналах «Вопросы литературы», «Иностранная литература», «Октябрь» и «Театр».

Юлий Даниэль долго и тяжело болел в последнее время. Он скончался в ночь с 30 на 31 декабря 1988 года.

Вспоминайте меня, я вам всем
по строке подарю.
Не тревожьте себя, я долги
заплачу к январю...

2 января 1989 года состоялись похороны на Ваганьковском кладбище.

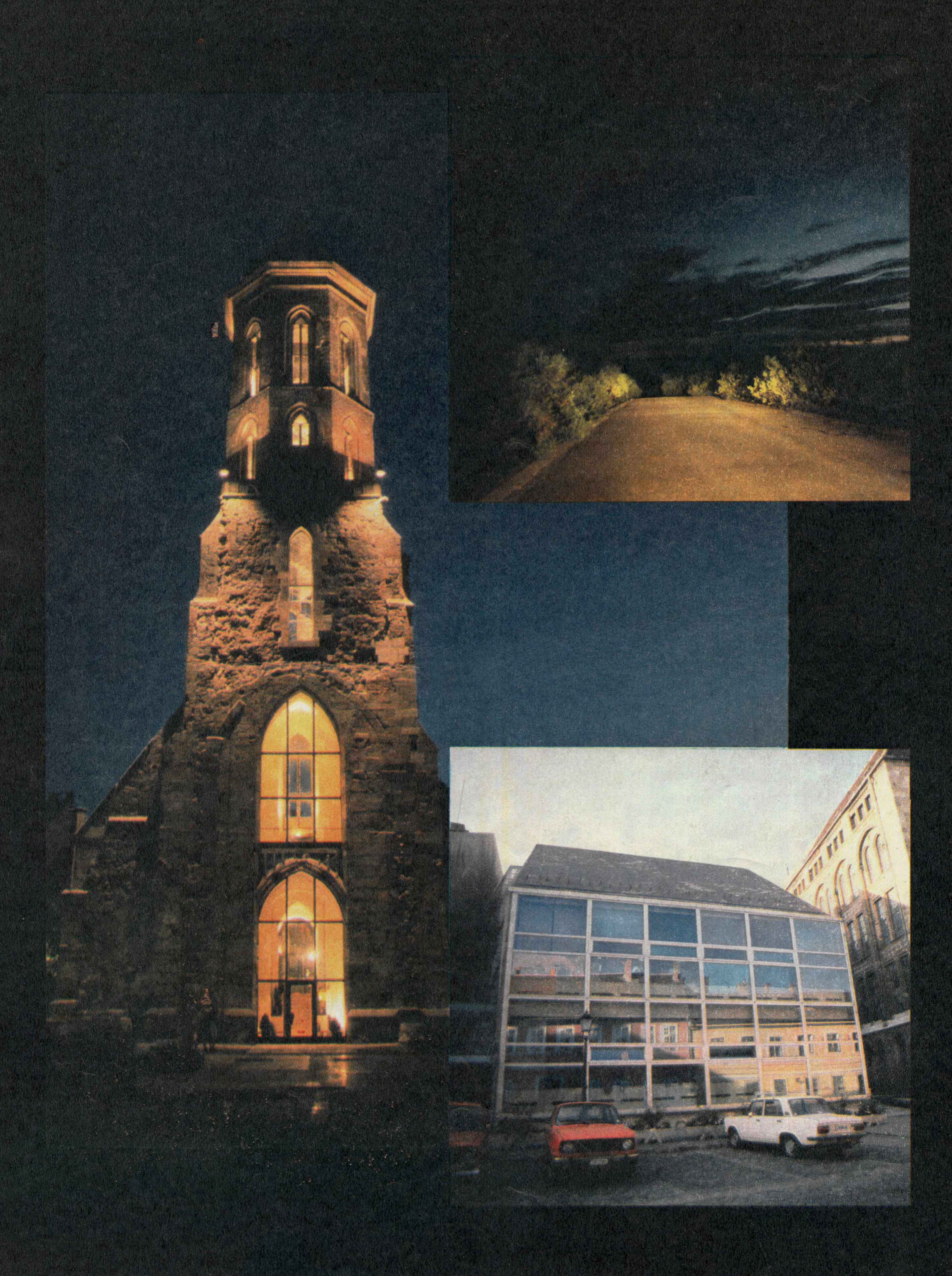
Андрей Синявский и Мария Розанова сумели прилететь в Москву, чтобы проститься с другом, только 3 января, потому что в новогодние дни советское консульство в Париже было закрыто в связи с праздниками.

Авторы благодарят вдову Ю. Даниэля Ирину Павловну Уварову, а также всех, кто откликнулся на просьбу рассказать о процессе и предоставил возможность использовать необходимые документы и материалы.

ФОТОВЕРНИСАЖ СЕРГЕЯ ПАРХОМОВСКОГО

Фотохудожнику Сергею Пархомовскому тридцать семь лет. Он москвич, выпускник факультета журналистики. Оформляет книги, фотоальбомы. Снимает город: его день и его ночь, его краски и формы, его покой и движение.

УБИЙСТВО В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

Роман

Себастьен ЖАПРИЗО

Версия Таркэна: кто-то убивает ее, а получив деньги, не знает как лучше — спрятать купюры, подозревая, что их номера могут быть переписаны, или — обменять побыстрее.

Замечание Фрегара: — Зачем было убивать еще двух пассажиров из того же купе?

Ответ Грацциано: — Этот некто сделал ошибку. Подумал, что его могут схватить, и решил, что надо ликвидировать двух нежелательных свидетелей.

Не очень убежденный, Фрегар покачал лысым черепом: он знал преступников, которые могли убить не за понюх табаку или чтобы купить коробку спичек. Нет, ловкость, с которой тот использовал лифт у Элианы Даррэс, не вяжется с такими объяснениями.

16 часов 48 минут.

Префектура Марселя: хозяйка отеля «Мессажери» на улице Феликс-Пиа в пятницу нашла в пепельнице на ночном столике Жоржетты Тома двенадцать таблеток аспирина.

Габер позвонил около пяти. Он тщетно рыскал по агентствам, занимающимся трудоустройством. И сказал, что нашел другой способ найти девушку из Авиньона. Он едет назад.

Грацци пообещал ему разные новости, когда он вернется. Жан-Луп на другом конце провода выразил вежливое любопытство, выслушал, сказал: — Ладно, кажется, все идет на лад, надеюсь приехать до того, как все кончится.

— Возьми такси.

— Не волнуйся, начальник, возьму, и лучше всего с раздвижной крышей. Ты разве не видишь, что делается на улице?

Через окно позади Таркэна Грацци увидел, что смеркалось, что солнце исчезло, что шел дождь.

Допрос мужа — Жака Ланжа.

Он был высокого роста, старше, чем Грацци мог бы подумать, красивый, хорошо одетый мужчина. Был огорчен, не больше, чем демонстрировал, но все же огорчен. Сидел на стуле прямо, курил сигареты «Кравен» и тоже ничего не знал.

Он сказал, что Жоржетта — ребенок, он старше ее на 20 лет, никогда не сердился на нее. Тем не менее переживал, когда узнал о ее измене. Ему не нравился коммерческий директор, занимающийся теперь перепродажей машин. Так и сказал: дрянь человек. Грацци, думавший точно так же, только кивнул головой. Пошли дальше.

— Она покупала лотерейные билеты, когда была вашей женой?

— Иногда, как все.

— Целые серии?

— Это зависело от наших возможностей.

— Знаете ли вы Боба Ватски?

— Нет. Она мне рассказывала о нем потом, мы ведь с ней иногда встречались. Я остался работать в «Жерли», а она перешла к «Барлену». Мы невольно сталкивались по делам.

— А об Эрике?

— Тоже рассказывала. С ним, кажется, было серьезнее.

— Почему?

— Если бы вы слышали, как она о нем говорила, вы бы не спрашивали почему. Он молод, почти ребенок, у него детский ум. Как объяснить это тому, кто не знал ее? Она любила маленького Эрика, как себя. Он такой же, как она.

— Не понимаю.

— Это необъяснимо, я же вам сказал.

— Вы думаете, он принимал участие в убийстве Жоржетты?

— Я этого не сказал. Это бессмысленное убийство. А то, что бессмысленно, очень похоже на Жоржетту и маленького Эрика.

— Вы никогда его не видели?

— Она прекрасно мне его описала, поверьте. У него странные взгляды на людей и животных. Мечтает о какой-то лаборатории в деревне, любит разглагольствовать о вещах, которые не понимает,— о мире, о нищете мира, откуда я знаю... С полгода назад Жоржетта пришла ко мне в «Жерли» по поводу какой-то лаборатории в Южной Африке, что-то в этом духе. Она была абсолютно непрактична. Хотела заинтересовать меня этим делом. Говорила, что я должен сделать это ради нее.

— Каким делом?

— Не знаю, такие уж это люди! Лаборатория в Южной Африке, они едут в Южную Африку, там настоящая жизнь, таковы уж они. А на другой день обо всем забывают.

— Плохо для него, что она умерла,— сказал Грацци.— Она хоть могла купить на свои деньги два билета на самолет.

Теперь уже не понимал Ланж.

— Сейчас объясним,— сказал Грацци.

И, немного усталый, неизвестно чем раздраженный, передал его Жоржу Аллуайо, севшему на его место.

Парди нашел следы Кабура около 18 часов. Уже стемнело. Теперь все происходило так быстро и у всех было чувство такого продвижения вперед, что смерть начальника отдела сбыта в «Прожин» уже никого не удивила.

В комнате инспекторов Малле подсчитал, во что обходится убийце каждый труп. Он даже высчитал «курс трупа» и приколол его к розовой папке. Этот «курс» все приходили посмотреть. Он лежал на подоконнике позади стола Грацциано. Когда убийство Кабура заняло там свое место, курс упал с 233.333 старых франков за труп (запятая 33) только до 175 000. Инспектора уверяли, что это маловато, чтобы укокошить еще с полдюжины людей.

Грацци тупо уставился на розовую папку, когда Габер сообщил ему по телефону очередную новость.

— Кто?

— Кабур. Держись, так будет лучше. Парди проехался по больницам и комиссариатам, но нашел его только у ребят Буало. Это тот самый тип, которого убили в туалете «Центрального». Никаких документов. Никто не знал, кто он такой. Ребята Буало обнаружили отпечатки его пальцев в районном комиссариате на Восточном вокзале. Несколько месяцев назад он получал там удостоверение личности.

Отдел Буало был на том же этаже, где работал Таркэн, почти дверь в дверь.

— Когда его убили?

— В субботу вечером, около одиннадцати.

— Подпиленной пулей?

— Да. В шею.

— Что показал осмотр?

— Ничего. Никаких следов. Подумали было о сведении счетов. Что ты намерен предпринять?

— Ты где?

— В отделе опознаний. Я получил информацию о девушке из Авиньона.

— От кого?

— От таксиста.

Грацци провел рукой по щеке и ощутил щетину. Он не знал, как, не обидев Жан-Лупа, передать дело малышки из Авиньона Парди, который работал быстрее.

— Послушай, ты мне нужен немедленно.

— Нехорошо, начальник. Она моя, уверяю тебя, я найду ее.

Грацци кивнул и тотчас подумал: «Я пожалею об этом, ее убьют раньше».

— Она нужна мне, понимаешь? — простонал он в телефон.— Ты должен ее найти! Этот безумец ни перед чем не остановится.

— Ты ее получишь,— сказал Жан-Луп.— Не беспокойся, начальник.

В тот же момент во все комиссариаты полиции было доставлено довольно полное описание девушки: лет 20, блондинка, красивая, в последний раз, когда ее видели, была одета в синее пальто.

Часы показывали 6.05 утра.

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 223

Бенжамин — Бомба, по прозвищу Бэмби,— стояла на краю тротуара в своем синем пальто и слушала свистки поездов на Лионском вокзале, с клубничной карамелькой во рту, с пустым спичечным коробком в руке, все еще ощущая на губах вкус поцелуя. И говорила себе, что ей все обрыдло, обрыдло, обрыдло. Господи! Почему именно с ней должно было такое приключиться?

Часы показывали чуть больше шести, она это заметила выходя. Она больше не плакала — хоть это неплохо. Завтра ей придется вволю наплакаться после того, как господин Пикар скажет ей: вы очень милы, мадемуазель, вы грамотны и расторопны, не сомневаюсь в вашей скромности и честности ваших объяснений, но я вынужден вас уволить.

Господин Пикар не станет, конечно, разговаривать с ней таким тоном, но ее все равно уволят в тот же день, как дуру, как тетерю, как полную идиотку.

Даниель любил выражение «тетеря». Он говорил так применительно к первому встречному, что, мол, встретил сейчас тетерю. Это могло означать — психопата, тупицу, ветрогона, пустомелю.

Она больше не плакала, но глаза словно застилал туман, искажавший очертания вокзала, стоянки машин перед ним, автобусов, направляющихся в сторону площади Бастилии. Город, о котором она столько месяцев мечтала, как дуреха, как набитая провинциальная тетеря.

Завтра ее уволят. И отберут комнату. Все кончится, даже не начавшись. А всего три дня назад она мечтала, что будет жить в Париже, аппетитно оскаливая при этом красивые зубки, которые дважды в день чистила Селином, настоящим медицинским дантифризом. Тогда она была грамотная, расторопная девочка с дипломом школы Пижье, в синем пальто, купленном всего месяц назад, с красивыми волосами и ногами, синими глазами, которые разбивали даже ее собственное сердце, когда она смотрелась в зеркало, с тремя платьями и тремя юбками

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—18.

в чемодане и пятьюдесятью тысячами франков в сумочке.

И вот появляется этот Малыш, едва начавший бриться мальчишка, баловень, считающий себя седьмым чудом света, а всех остальных тетерями, не умеющий сделать двух шагов, не наступив вам на ноги и не разодрав чулок.

Мой малютка, моя радость, любовь моя, мой Даниель...

Затем она увидела себя в автобусе, который идет в сторону Бастилии, и у нее спрашивали билет. К счастью, оказался один, как раз до Бастилии. Да, ей все обрыдло, она пройдется пешком, неважно куда, со вкусом поцелуя на губах, с карамелькой во рту, и поплачет вволю. Никто не увидит ее слез, он разорвал три пары ее чулок.

Я хочу умереть, клянусь всеми святыми, я хочу умереть, если не увижу его снова.

На площади Бастилии, выходя из автобуса, размахивая руками, потому что в 4 часа, убежав с работы, она забыла там сумочку, Бэмби впервые подумала: а ведь я уже была тут, он находился рядом, все было ужасно и чудесно, если бы мама узнала, то упала бы в обморок, но мне все равно, все равно, тем хуже, я плачу.

Пересекая площадь, она плакала, как дура, тетеря,— плевать я хотела, пусть не смотрят на меня,— а площадь была огромная, черная и блестящая, окруженная далекими огнями. Дала ли я ему хоть денег, чтобы он поел в поезде?

Она проходила тут с ним. Повсюду, куда бы я ни пошла теперь в этом мокром городе, я буду находить наши следы. Когда же это было? В субботу. Такси.

Я не вернусь сейчас домой, сказала она себе. Дойду пешком до Пале-Рояль, найду там плохо освещенное кафе, где мне дадут яичницу из двух яиц, почитаю газету, пока буду есть, и потом пешком же дойду до улицы Бак. Поднимусь к себе и приберу в комнате, словно ничего не было. Или зайду в другой бар и наделаю глупостей. Поболтаю с официантами, буду танцевать, буду пить крепкие напитки, от которых кружится голова и которые приносят забвение, но разве есть на свете хоть что-нибудь такое, что помогло бы мне забыть Малыша?

Три дня назад она рассталась с матерью и маленьким братом на перроне авиньонского вокзала. И села в поезд, оскалив хищно зубки и улыбаясь, отчего мать спросила: «Тебе не жаль нас покидать?» Она ответила: «Скоро увидимся! На Рождество!»

Это означало: через три месяца. Пустяки. А что такое три дня?

Он стоял прямой, как палка, между туалетом и тамбуром, готовый перейти в другой вагон, едва покажутся контролеры, белокурый, с плащом в руке, в костюме из смятого твида, с глазами побитой собаки,— ну невероятно глупый.

Поезд отправился. Он помог ей внести чемодан, споткнулся, и тут разорвал ей первую пару чулок.

Она зло сказала: оставьте, я сама. Почувствовала боль в лодыжке. На чулке спустилась петля, теперь поползет дальше. Не стоит даже вынимать лак, чтобы каплей остановить нитку.

А тот даже не извинился, он не умел этого делать. Стоял, как дурак, смотрел печальными глазами, как она поднимает платье, чтобы проверить чулок, и в довершение всего добавил: «Пропал чулок, у меня подковки на каблуках, мама заставила поставить, я рву чулки всем на свете».

С приподнятым сбоку платьем (поезд пошел), пытаясь мокрым пальцем задержать петлю чулка, она подняла глаза и только тогда увидела его по-настоящему. Красивое лицо, пятнадцать или шестнадцать лет, вид побитой собаки. Сказала: ничего, обойдется. И она сама донесла чемодан до купе.

В середине прохода перед открытым окном стояли двое — женщина, Жоржетта Тома, и мужчина с длинным носом, Кабур. Чтобы пропустить ее, женщина слегка повела бедрами и проводила ее взглядом, который она никогда не забудет, сама не зная почему (может быть, потому, что та умерла).

В купе было жарко и душно. На нижней полке справа лежала женщина, слева — мужчина.

Бэмби легла на свое место, думая о маме, о трех платьях в чемодане, которые она предпочла бы повесить на плечики, о своем разорванном чулке. Она сняла под одеялом чулки, затем с трудом — платье, говоря себе, что она не может все-таки спать одетая, как другие.

Белокурая женщина, госпожа Даррэс, о которой Даниель потом скажет, что это актриса, была в розовой пижаме и розовом халате. Она читала журнал, время от времени поглядывая на Бэмби. И заметила:

— Над вашей головой есть лампочка.

Бэмби зажгла, сказала: спасибо, хорошо теперь в железных дорогах. На самом же деле она впервые ехала в спальном вагоне. Положила платье около стенки, сумочку к ногам, чулки под подушку и стала читать книжку, посасывая конфетку. Немного позже пришли контролеры, шумно открыв дверь.

— Гоп, поехали,— сказал официант.— Яичница из двух яиц и пиво!

В кафе на Пале-Рояль Бэмби сидела одна за столиком.

Она вторично прочитала статью во «Франс суар», но ничего нового не узнала. Там пережевывали утреннюю информацию. Говорилось, что уголовная полиция очень сдержанна, но арест не заставит себя ждать. Она тщетно искала фамилию инспектора Грацциано, о котором Малыш сказал:

— Ему я доверяю.

Должно быть, у нее были красные глаза, потому что, принеся ей еду, официант пристально посмотрел на нее и, уходя, дважды обернулся. Она хотела было взять из сумочки пудреницу, но вспомнила, что оставила ее на работе, на улице Реомюр. Бумажник лежал в кармане пальто вместе с мокрым платочком на «понедельник» и конфетами, которые Малыш не захотел взять с собой.

Платочек «понедельник» — это выдумка мамы. Та вышила на платочках все дни недели. В поезде, когда она увидела Малыша, у нее был платочек «пятница», красный в мелкую зеленую клетку.

Чтобы не показываться всем в бюстгальтере, она натянула на себя одеяло. Затем достала синее пальто и протянула билет стоявшему ближе к ней контролеру. Другой проверял билет у дамы с обесцвеченными волосами, актрисы. Затем им пришлось разбудить мужчину, спавшего под полкой Бэмби: он позевывал, что-то ворча себе под нос.

Воспользовавшись тем, что на нее не смотрят, она натянула на себя пальто. Надела туфли и вышла в коридор. Жоржетта Тома и Кабур продолжали болтать перед открытым окном. Молодая женщина курила, дым от ее сигареты ветер гнал по проходу. За окном под темным небом скользили деревья.

Туалет был занят. Она перешла через тамбур в другой вагон, но и там в туалете кто-то был, и она вернулась назад. В тамбуре ей пришлось держаться за ручку двери, так ходила взад и вперед нижняя половица. Испачкала себе руки.

Стала ждать, слушая, как контролеры заходят в другие купе, говоря: простите, дамы-господа. В конце концов она стала дергать ручку двери туалета, как в школе, когда ты торопишься, а подружка не спешит.

Внезапно дверь открылась. Увидев его испуганные глаза и загнанный вид, она тотчас все поняла. Это было как в школе, до выпускных экзаменов, она как бы вернулась на три-четыре года назад: лагерь учителей и лагерь учеников, тайны, фискальство, страх перед надзирателями.

— Что вам угодно?

Он нахохлился, как молодой петух, увидев, что это не контролеры (надзиратели). Она сказала:

— Я хочу пи-пи, знаешь ли!

Этот белобрысый парень разодрал ей чулок, а теперь с растерянным видом шептал, едва не плача:

— Не стойте тут. Уходите. У меня нет билета.

— У вас нет билета?

— Да.

— И вы заперлись. Чего вы этим добьетесь?

— Говорите тише.

— Я говорю негромко.

— Нет, громко.

Тут они услышали шаги контролеров (голоса надзирателей), которые вошли в последнее купе вагона в десяти шагах от них: простите, дамы-господа.

Малыш взял ее за руку, это был его первый решительный жест, и резко потянул к себе, так, что она едва не закричала. Просто так — в туалет. И запер дверь.

— Послушайте, оставьте меня в покое!

Он закрыл ей рот рукой, как Роберт Тейлор Деборре Керр на немецком корабле, в фильме, который она видела в Авиньоне два месяца назад. Но у Роберта Тейлора были усы, это был брюнет и мужчина, тогда как Малыш смотрел на нее глазами беззащитного ребенка.

— Не разговаривайте, прошу вас, помолчите!

Так они стояли рядом перед закрытой дверью. Заметив свое отражение в зеркале над умывальником, она подумала: «Такое может случиться только со мной. Если бы мама увидела, она бы упала в обморок».

Тихо, голоском хорошего ученика училища отцов иезуитов, он сказал, что собирался было ехать на подножке поезда, но в соседнем вагоне стоял какой-то тип, а потом побоялся, что не сумеет открыть дверцу, а главное, не знал, как поступить с чемоданом.

Этот пухлый чемодан из свиной кожи тоже был в туалете. Баловень семьи, сын богатых родителей, очень похоже. То, что его отец адвокат, муниципальный советник в Ницце, он рассказал ей на другой день, и о том, что учился в пансионе «Иезов», что вторично сбежал оттуда из-за математики, которая ему осточертела. Все бросил, чтобы жить своей жизнью.

В дверь постучались. Кто-то спросил, есть ли кто-нибудь. Она оттолкнула парня, приложила палец к губам, как в школе. Он понял и встал на крышку унитаза, с глупым видом, излишне шумя при этом, явно излишне. Перед тем, как открыть, она распахнула пальто, чтобы все выглядело правдоподобно: ах, если бы мама увидела, она бы упала в обморок!

— В чем дело?

— О, простите!

Она лишь приоткрыла правой рукой дверь, левой придерживая край пальто. Контролеры смотрели на нее сверху вниз, более молодой отступил на шаг, другой дотронулся до козырька. Должно быть, она была бледная, как смерть. А если бы увидела себя в зеркале, бледную и белокурую, с голыми ногами из-под расстегнутого пальто,— вообще потеряла бы сознание. Она слышала, как бешено бьется ее сердце.

— Вы уже проверили мой билет...

Старший сказал: да, да, извините, мадемуазель, и они вместе отступили назад. Тогда она опять заперла дверь и опять увидела себя в зеркале с такими же растерянными, как у Малыша, глазами, с видневшейся из-под пальто коленкой. Но уже не бледную, а красную, как рак.

Они еще немного постояли: он — на крышке унитаза, опустив голову, потому что упирался ею в потолок, она — прислонясь к двери и запахнув пальто, вся красная. Ей уже тогда казалось, что должно случиться нечто глупое, достаточно на него посмотреть. Он тоже был красный, а черные глаза благодарили, глупый невероятно,— любовь моя, мой Даниель.

— У вас грязь на щеке.

Вот и все, что тот нашелся сказать спустя две-три минуты, когда они убедились, что контролеры ушли.

Возможно, она испачкала щеку своими грязными руками. Или это сделал он, когда зажал ей рот, кретин несчастный. Она вытерла платком, глядя в зеркало. Он слез, едва не упав, потому что поставил ногу на чемодан, но ухватился за нее, не попросив прощения, потому что не был этому обучен, и улыбнулся ей в зеркало. Что-что, а улыбаться он умел, у него был красивый, еще детский рот баловня семьи.

— У вас тоже. Тут...

Она протянула платок, указывая следы грязи на лбу, на бритой щеке. Он тоже вытерся. Потом они вместе мыли руки мылом Железных дорог, обладавшим особым устойчивым запахом ширпотреба.

Он посмотрел на ее красный платочек с зелеными квадратиками и засмеялся.

— Когда я был маленьким, у меня были такие же. На каждый день недели.

Когда был маленьким! Подчас в его выговоре сквозил южный акцент, от которого ему не удалось избавиться, несмотря на все усилия «Иезов». С таким же акцентом говорили дети из хороших авиньонских семей. Жаль только, что его не научили извиняться. Потом он быстро отвернулся, вероятно, подумав о маме, носовых платках, обо всем том, что ему было дорого. Эти воспоминания нахлынули внезапно, как большая волна.

Малыш.

Она с трудом справилась с яичницей и вдруг вспомнила, что ключ от комнаты находится в сумочке.

Уходя, Даниель оставил дверь открытой. Об этом он сказал ей по телефону. Он даже специально позвонил из-за этого. В четыре часа дня.

— Бэмби?

— Да.

Это был первый рабочий день Бэмби. Когда ей сказали «вас», она сразу поняла, что никто другой звонить не может.

— Мне пришлось оставить комнату открытой, у меня не было ключа.

— Где ты?

— В Клиши.

Наступила длинная, очень длинная пауза, потому что она не знала, что еще сказать, он тоже, и было неприятно видеть, как подглядывают за тобой новые коллеги.

— Где это, Клиши?

— Довольно далеко.

Для них это означало — довольно далеко от Лионского вокзала. Все другие районы были более или менее далеко от того места, где два дня назад они впервые вступили на мокрые улицы этого города.

— Это далеко отсюда?

— Не знаю.

Снова долгая пауза.

— Я уезжаю, Бэмби.

Она не ответила. Что можно ответить, когда на тебя устремлены десять пар глаз, когда ты похожа на гусыню?

— Лучше уж вернуться домой. Я все объясню отцу. Он сам поговорит с полицией. У тебя не будет неприятностей, у меня тоже, мой отец знает, что делать.

— А как ты уедешь?

— Как и приехал — поездом.

Она хотела ему что-то сказать, но не было сил. Ведь если она это сделает, он не уедет. Да к тому же устремленные на нее внимательные взгляды буквально парализовали ее.

— Даниель...

Она все-таки произнесла его имя. Произнося чье-то имя, наш голос говорит куда больше о том, что мучает сердце, потому что глаза смущенно отведены. И она услышала странные вещи, которые тот произносил шепотом: моя Бэмби, моя маленькая Бэмби, люблю, скоро, всегда, ночь, недолго, Париж, Ницца, ты, я, моя маленькая Бэмби, слушай... И повесил трубку.

Она положила трубку, прошла под грохот пишущих машинок вдоль столов, ничего не опрокинув, не споткнувшись, с вымученной улыбкой на губах, снова принялась за работу, даже напечатала, не поднимая головы, две или три странички. И вдруг поняла, что больше не может работать: встала, схватила пальто, побежала к двери, затем в вестибюль, промчалась по улице, вбежала в вокзал и выскочила на перрон. И только тут заметила, что сейчас пять часов, а первый поезд Марсель — Ницца — Вентимиль отправляется в 17 часов 50 минут, и стала ждать...

Они вышли в проход (она — первая, чтобы посмотреть, есть ли там кто) и постояли еще. Он сказал, что убежал из дома неделю назад, что до Канна ехал автостопом, потом до Марселя, грязный город, где все задают вопросы. Две ночи он провел в молодежном лагере, две — в зале ожиданий, одну в бистро, которое не закрывалось на ночь, еще одну в отеле, когда у него еще были деньги.

— Что вы собираетесь делать?

— Не знаю.

Он никогда ничего не знал. Раз она была на пять или шесть лет его старше, он доверял ей, он даже назвал ее мадам. Ему мешал чемодан. Он жалел, что взял его. Бэмби подумала: надо бы ему поспать.

— В нашем купе есть свободное место. Подождите немного. Когда никого не будет в проходе, вы сможете занять его. При входе, слева наверху. Я буду как раз под вами.

Он смотрел на нее с восхищением, кивая головой после каждой фразы, и тогда-то назвал ее мадам.

Молодая брюнетка и Кабур все еще стояли в коридоре. Бэмби высунулась, посмотрела, потом сказала: хочу спать, подождите, когда никого не будет, и, входя, не шумите.

— А чемодан?

— А что? Несите с собой!

Из-за чемодана потом произошла неприятность. Проклятый чемодан из свиной кожи, где лежали только две рубашки, костюм на смену и масса ненужных вещей — книги, боксерские перчатки, макет лодки, консервные банки, черствый хлеб, серебряный столовый прибор, который он собирался продать, одеколон, чтоб хорошо пахнуть, и не меньше трех расчесок, чтобы выглядеть красивым.

Будто он не знал, что и так красив, подумала Бэмби, выходя из маленького, слабо освещенного кафе на площади Пале-Рояль, в котором они были в воскресенье утром, накануне, тысячу лет назад.

Они следовали по пятам за маленьким инспектором в куртке, который все время брал такси. Тысяча сто франков до улицы Лафонтена, где они сидели, ожидая, в баре на углу тупика.

Через полчаса инспектор в куртке тоже вошел туда, не обратив на них внимания, и позвонил по телефону.

— Он сделал промах,— говорил Малыш.— Ну и олухи эти фараоны!

Словцо «олух» — напоминание о жизни в другом мире, ее мире и его тоже. Они ведь приехали из одной страны — страны детства! И это было прекрасно.

«Он так молод,— размышляла Бэмби.— И совсем спятил».

В поезде, весь день, а затем ночь, она сохраняла, однако, возрастную дистанцию между ними и оставалась «мадам».

Между тем в проходе разыгралась ссора. Со своей полки Бэмби слышала, как Жоржетта Тома что-то громко говорила, она даже отодвинула шторы за головой, чтобы посмотреть.

Кабур стоял спиной, но и спина его выражала унижение. Брюнетка уперлась рукой в бок, странно сложив пальцы — как когти хищника. У нее был вид человека, у которого хотят что-то отнять. Что-то, лежавшее во внутреннем кармане костюма.

Бэмби догадалась, что она оскорбляет Кабура, что говорит ему грубости, но слов не слышала.

Позже, когда все лампочки были погашены, Жоржетта Тома вошла в купе. Бэмби видела, как она легла на соседнюю полку, спокойная, словно никакой ссоры и в помине не было. Тоненькая красивая женщина в костюме, с длинными ногами. Бэмби она не нравилась. Она не поняла ее взгляда, когда садилась в поезд, взгляда, который напугал ее, словно

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

принадлежал человеку, которому страшно. Непонятный взгляд.

Еще позже — должно быть, в половине первого или в час ночи — вошел Кабур. Бэмби видела, как он снял пиджак и тоже лег.

Они прибыли в Лион. На занавесках появились световые пятна, слышались голоса, шум бегающих по платформе людей. Бэмби догадалась, что там в картонных стаканчиках продают кофе, сэндвичи в прозрачной бумаге, как на авиньонском вокзале. Поезд двинулся дальше.

Она стала засыпать, лежа на животе, поджав под себя руку, когда услышала, как мальчишка тихо открыл и закрыл за собой дверь купе. И тотчас споткнулся о свой собственный чемодан, потерял равновесие и упал на кого-то, выругавшись и сказав: что это со мной?

Ее тоже заинтересовало, что это с ним. И, задыхаясь от смеха, она стала помогать ему поднимать чемодан. Он цеплялся за нее, полураздетую, все время повторял ругательство и, стараясь взобраться наверх, цеплялся то за нижнюю полку, то за собственную, вздыхал, недовольный и напуганный. Руки его дрожали, ну настоящий кретин. В конце концов он вытянулся на свободной полке, долгое время не смея шевельнуться; шептал, что все в порядке, слава богу, я едва не спутал купе.

Чуть позже он свесил голову со своей полки, как раз над нею, так что она иногда даже видела его глаза. И говорил свистящим шепотом. После нескольких его фраз безумный смех снова стал сотрясать тело Бэмби.

В июле ему исполнилось шестнадцать лет. Родились они под одним знаком зодиака. Это страшно, сказала она, родиться под созвездием Рака,— они все сумасшедшие. Он спросил: разве? — каким-то беспокойным тоном, смутился, и на время его голова скрылась за полкой.

А потом Бэмби уже не смеялась. Он рассказывал печальные вещи о себе. Он умел говорить о себе. Поезд мчался к Дижону, Парижу, все дальше от школы, от отца, с которым он поссорился из-за мотороллера.

Бэмби уснула на спине, натянув одеяло на подбородок и видя, как расплывается в темноте его склоненное над нею лицо, теперь уже ей давно знакомое, уверяю вас. Она только успела шепнуть, что ему лучше поскорее вернуться к отцу: какой смысл бежать из дома, а поезд все мчался и мчался...

Утром она краем глаза видела, как он слез с полки в своем измятом твидовом костюме, с плащом в руке. Проходя, наклонился над нею, прошептал: мадемуазель — и сухо поцеловал в щеку. Она подумала, что он, наверно, так и не спал. И уснула снова.

А потом было уже половина восьмого, поезд подходил к Парижу, в проходе столпились пассажиры, которые курили у окон. Кто-то сказал, что холодно. Она приподнялась, чтобы надеть платье. Брюнетка с соседней полки улыбнулась ей. Актриса уже оделась, рядом стоял ее чемодан. Бэмби сбросила мешавшее ей одеяло, ведь мужчины спали. Все время, пока она надевала платье, потом чулки, поочередно демонстрируя ноги, она ощущала на себе взгляд Жоржетты Тома. Она перехватила этот взгляд — тот же, что и накануне, непонятный ей взгляд.

Она пошла почистить зубы и протереть лицо одеколоном. В проходе было много народа. И тут увидела того человека, о котором Малыш потом кое-что ей расскажет. Она только помнила, что на нем был серый плащ, как у ее дяди Шарля, слишком длинный и немного потертый, а в руках он держал пляжную сумку из синей материи с гербом Прованса.

Она больше не думала о Малыше. Или думала как о чем-то смутном, неважном. Он ушел, как-нибудь сам выпутается.

Когда она вернулась в купе, поезд уже подходил к перрону. Мужчина с нижней полки, в кожаной зеленой куртке, пыхтя, зашнуровывал огромные ботинки. Кабур ушел первым, не попрощавшись, ни на кого не глядя, вероятно, потому, что ему было стыдно за ссору накануне. В тот момент, когда поезд остановился, человек в кожанке взял свой потрепанный чемоданчик, попрощался и вышел.

Бэмби укладывала туалетные принадлежности. Она видела, как актриса кивком, без улыбки, попрощалась с нею. Элиана Даррэс ушла, оставив в купе терпкий запах духов. Несмотря на тяжелый чемодан, держалась она очень прямо.

Проход стал освобождаться. Жоржетта стояла перед окном с задернутыми занавесками.

— Мадемуазель...

Они были одни. Бэмби надевала свое синее пальто. Она чувствовала себя свежей, отдохнувшей, потому что умылась, не спеша причесалась, хотя другие пассажиры барабанили в дверь.

Вблизи Жоржетте Тома можно было дать лет тридцать, бледное лицо под очень черными волосами, огромные синие, как у Бэмби, глаза. Взгляд ее был по-прежнему взволнованный, и когда Бэмби ловила его, та отворачивалась.

Она хотела с ней поговорить. Ей нужно было поговорить. Очень нужно.

А сказать было нечего. Бэмби это поняла сразу. Но та все же произнесла: «Видели вы того типа вчера, это ужасно, да?» Не очень уверенным голосом, будто предвидя уклончивый ответ.

— Встречаются такие,— ответила Бэмби.— Не расстраивайтесь.

И взяла чемодан, чтобы выйти. Но Жоржетта Тома встала между нею и дверью, чтобы удержать; сказала: как ужасно, что встречаются такие люди, нет, мадемуазель Бомба́, не уходите.

Бэмби сначала подумала: откуда ей известно мое имя? И одновременно: этот кретин выйдет, наверное, через буфет или через служебный ход, надо его поймать.

В конце концов она отстранила женщину, говоря: уж извините, дайте выйти, меня ждут. И, как ни странно, почувствовала, что им обеим страшно.

— Что вам в конце концов надо? Пропустите меня!

«Что она от меня хотела?» — думала Бэмби, идя через рынок и вдыхая запах, от которого ее тошнило. Теперь он уже в Дижоне или еще дальше. В Дижоне, в субботу утром, я спала, и ничего не произошло; он был как раз надо мной и что-то еще говорил.

Ноги привели ее на улицу Реомюр. Она убежала из конторы днем, без всяких объяснений, в первый же рабочий день. Завтра ее выставят с работы. Бывают вечера, когда кажется, что сам боженька против вас, что этот безжалостный боженька хочет вас наказать.

Ее взяли на работу по письму и приложенному диплому на ставку в 88 тысяч франков в месяц, не считая налогов, с тринадцатой зарплатой, с надбавкой на транспорт и комнатой под самой крышей на улице Бак, с водой и газовой плиткой.

Завтра, увольняя ее, господин Пикар отберет у нее комнату. Боженька ничего ей не оставит. Останутся у нее, как мама говорила, только глаза, чтобы плакать.

Она может зайти в контору вечером. Повидает господина Пикара, который работает допоздна. Объяснит ему. Он милый человек, возможно, у него дочь ее лет. Она ему скажет: если бы ваша дочь увидела Малыша перед выходом с Лионского вокзала, как я в то утро, она бы тоже над ним сжалилась.

Потом еще придется объяснять про комнату, про первую ночь, вторую; назвать вещи, которые трудно объяснить.

Но господин Пикар вряд ли в конторе. Уже ночь. Было холодно, грустно. Господин Пикар вернулся домой. Все, что она могла сделать на улице Реомюр,— это побеспокоить консьержа и забрать свою сумочку.

В 8 часов в субботу, в то злополучное утро, он стоял около выхода с перрона, засунув руки в карманы плаща, с женским шарфом на шее. Пассажиры, толкаясь, проходили мимо, но он не сходил с места, хоть его толкали со всех сторон,— настоящий кретин.

Бэмби поставила чемодан на землю, сказала:

— Долго еще собираетесь стоять? Что вы намерены делать?

Он вздохнул:

— Господи, где вы были столько времени?

— То есть как это где?

— Вы не взяли мой чемодан?

— Какой чемодан?

— Мы же договорились...

— Как это договорились?

Он покачал головой, ничего не понимая. Она покачала головой, тоже ничего не понимая. Они поняли друг друга, лишь сев рядышком на скамейку. Багаж Бэмби стоял между ними. Парень все время поправлял свой шарф. На шарфе была нарисована бухта Ниццы.

— Это женский шарф.

— Мамин. Не знаю, почему я взял его, уезжая. Когда я был маленьким, я очень любил маму, любил надевать ее вещи. Почему я теперь так поступил, сам не знаю.

Это он придумал, как выйти из вокзала. Говорил, что объяснял ей ночью. Говорил, что целых полчаса объяснял ей, свесившись со своей полки, что делать. Она не слышала: видимо, в ту минуту она и уснула.

— Вы должны были взять мой чемодан и выйти со своим билетом. Оставив чемоданы в зале, вы вернулись бы назад с двумя перронными билетами. После этого мы бы вышли вместе.

— Я не поняла. Я не слышала. Ловко вы придумали!

Он смотрел на нее разочарованно и подозрительно. Взрослым нельзя доверять. Они тебя никогда не слушают.

Она уверенно положила ладошку на его руку. Сказала себе: ну, теперь я делаю глупость, а зря, нужно было бы ему посоветовать тотчас вернуться домой. В худшем случае его оставят без сладкого.

— Идите и заберите свой чемодан. Где вы его оставили?

— На багажной полке купе.

— Заберите и быстро назад.

— И сделаем, как я сказал?

— Да, как вы сказали.

— Вы не уйдете?

Она посмотрела на него, испытывая странное волнение, как бывало в школе, даже посильнее. Когда они обманывали надзирателей, организовывали потасовки и еще того чище.

— За кого вы меня принимаете!

Он кивнул, доверчивый и счастливый, и побежал к перрону «М», чтобы забрать свой чемодан.

Она прождала его минут десять, сидя на лавке и думая: я себя знаю, я хорошо себя знаю, я не посмею оставить его тут, и у меня будет куча неприятностей, я сумасшедшая.

Он вернулся с чемоданом, со странным выражением на серьезном, спокойном, неузнаваемом лице.

— Что с вами?

— Как это — что со мной?

Она вышла одна с двумя чемоданами и сумочкой. Было тяжело. В зале долго искала в карманах монеты по 50 франков, потом купила в автомате два перронных билета. Оставив чемоданы за автоматом, вернулась за ними.

Он ждал ее у барьера с тем же странным выражением лица, и тут только она заметила:

— Куда вы дели свой шарф?

— Видимо, забыл в поезде. Пошли, это неважно.

Они миновали контроль, идя друг за другом; Бэмби держала билеты. С чемоданами благополучно ступили на вокзальный тротуар. Было холодное, солнечное утро, на площади царила суета машин и автобусов.

— Ладно. До свидания,— сказал Даниель.

Он не умел благодарить.

— Что вы собираетесь делать?

— Обо мне не беспокойтесь.

— Нет, беспокоюсь.

Должно быть, они довольно долго шли по направлению к площади Бастилии, пока Бэмби не подозвала такси. Она села в него, а он стоял на мостовой с печальным видом, с чемоданом из свиной кожи у ног. Она сказала:

— Вы садитесь?

— Куда?

Она не нашлась, что ответить. Он с трудом втиснул свой чемодан в такси. Ему все давалось с трудом. Они сидели, прижатые друг к другу. Платье Бэмби задралось на коленях, но она не могла его поправить. Машина каждую минуту резко тормозила, проезжая по незнакомым улицам.

Она дала адрес, который вот уже две недели наполнял ее гордостью: какая она, эта улица Бак? Пересекая реку (Сена, Лангрское плато, 776 километров), она посмотрела на Даниеля, у которого был озабоченный вид. И сказала, чтобы тоже успокоиться, что все уладится. Он положил на ее ладонь свою загоревшую во время каникул руку с длинными пальцами.

Улица Бак. Они никак не могли найти ключи от комнаты. В доме не было консьержа. Пришлось обратиться в соседний табачный бар, затем к жильцам с других этажей. Бэмби нашла, что в Париже люди не очень любезны.

В конце концов оказалось, что девушка по имени Сандрина ждала их в комнате. Она тоже работала в конторе на улице Реомюр. Приехала из Нанта с год назад. Жила рядом на улице Севр в похожей комнате. Господин Пикар поручил ей встретить Бэмби. Она сказала:

— Ну разве справедливо, работая в жилищной конторе, жить в такой комнате.

Смотрела на Даниеля, спрашивая себя, кто он такой, и ожидая, что их познакомят. А Бэмби, стоя на табуретке и засунув руки в карманы своего синего пальто, совсем позабыв о Малыше, обозревала через окно комнаты крыши Парижа.

— У меня нет ключей,— сказал консьерж с улицы Реомюр.— Даже если случится пожар, я ничего не смогу сделать.

— Мне надо только взять свою сумочку.

— Даже если бы вы захотели забрать пишущую машинку или деньги из сейфа, все едино, у меня нет ключей.

Бэмби повернулась на каблуках и пошла к лестнице.

— Куда вы идете?

— Поднимусь в свою контору. Может быть, там есть кто-нибудь.

— Там никого нет. Все ушли. Знаете, который сейчас час?

Был 21 час. Она все же поднялась, позвонила и вернулась. Консьерж ждал ее перед своей комнатой. Он ничего не сказал. Посмотрел, как она вышла, засунув руки в карманы пальто, и подумал: «Ну и поколение», или: «Ну и времена», или: «Ну и отстегал бы я тебя», или что-нибудь в этом духе.

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ.

Продолжение следует.

■

Толчком к написанию этого письма явился вполне банальный по нынешним временам случай. У нас в Грозном, как и во многих городах страны, ввели талоны на моющие средства. Случай действительно рядовой (и это страшно!), хотя свалить вину за отсутствие мыла и порошка на расплодившихся самогонщиков, как это было при введении талонов на сахар, уже трудновато.

Буквально на следующий день после введения талонов во всех магазинах появились разнообразнейшие сорта мыла и прочих моющих средств. А меня... Меня, честно говоря, охватило чувство, похожее на испуг.

Значит, все это где-то лежало. И это «где-то» не в Бостоне и даже не в Москве, а здесь же, у нас в Грозном. Стоило видеть лица женщин, спокойно укладывавших вожделенный «талонный» порошок в сумки. Вселенская усталость. Тоска в глазах. Злости не было. Она испарилась в дичайших доталонных «порошковых» битвах.

И я вдруг с абсолютной отчетливостью ощутил, что присутствую при убийстве. Тихом, анонимном и неотвратимом убийстве перестройки.

Дело не только и не столько в порошке. Дело в том, что есть границы, которые безопасно переходить нельзя.

Низкий поклон бойцам за перестройку, писателям и экономистам, журналистам и режиссерам. Всей душой я с ними. И никогда не променяю гласность на кусок колбасы. Но не могу не понять и женщину, десять часов отдавшую работе, включая дорогу, и отстоявшую еще два-три часа в очередях. За чем? А теперь уже за чем угодно...

Революционный и даже реформистский запал любого общества не безграничен. Можно напрячься и поднять даже очень большой груз, но нельзя бесконечно держать его на весу. Общество может выдохнуться. В лучшем случае — общественная апатия. А в худшем... Не дай бог.

Когда вся страна становится одной большой очередью, то наступает время, когда очередь решает многое. Если не все. А очередь уже вполне четко связывает катастрофическое исчезновение целых групп товаров с перестройкой. Да, да! И никакими цифрами, даже самыми страшными — миллионы жертв сталинизма! — ее, очередь, не убедить в том, что при Сталине было хуже. Нет, было лучше, утверждает она. Стабильнее.

Да что сталинизм!.. Даже Брежневу готовы простить все его пять звезд. Политическая близорукость?

Становится как-то понятнее хор: «Хватит разоблачений!» Не потому, что миллионы сплошь одурманены, сплошь состоят из андреевых и шеховцовых. А потому, что утром хотят умыться — с мылом. И позавтракать — желательно с употреблением животного белка. Не знаю, как у кого, а у меня не повернется язык произнести этак назидательно: «Не хлебом единым...» Верно. Но и хлебом тоже.

М. ВЕРШОВСКИЙ
Грозный

■

В последнее время стало известно, что в лесных зонах нашей страны по сей день лежат незахороненными останки сотен тысяч забытых бойцов и командиров Красной Армии, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

И это в преддверии 45-летия Победы! А ведь еще 200 лет тому назад выдающийся полководец России Александр Васильевич Суворов сказал, что до тех пор, пока не предан земле последний погибший в бою солдат, войну нельзя считать оконченной.

Обращаемся ко всем гражданам Отечества, к государственным, партийным, общественным и религиозным обществам с призывом организовать на местах забытых останков советских воинов их поиск и почетное захоронение.

С. КАШУРКО, журналист-следопыт, руководитель группы «Поиск»; Д. ДРАГУНСКИЙ, дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник танковых войск; В. ЛЕОНОВ, дважды Герой Советского Союза, капитан 2-го ранга в отставке, бывший командир гвардейского разведотряда ВМФ; В. РУВИНСКИЙ, Герой Советского Союза, полковник в отставке; А. ЭММАНУЭЛЬ, ветеран 2-й Московской стрелковой дивизии; Е. СИМОНОВ, член Советского бюро Международной Организации журналистов; В. КОРСУН, генерал-майор авиации, ветеран Отечественной войны

Инициативная группа по созданию Союза Всенародного погребения не преданных земле воинов, павших в боях и сражениях за свободу и независимость нашей многострадальной Родины

■

Дорогие друзья! Позвольте мне выразить вам свою приязнь — на сей раз в несколько непривычной форме. В форме недоумения.

Читаю у Б. Сарнова («Огонек № 16, 1989 год»): «Сейчас многие пишут о стыде. Ст. Рассадин одну из своих статей так прямо и озаглавил: «Стыдно!»

Но статьи, озаглавленной столь восклицательно-возбужденно, у меня не было. И быть не могло: ни прокурорским, ни пионерским пафосом не обладаю. Была — в «Известиях» — статья, названная вполне спокойно, «О пользе стыда». Улавливаете разницу? Если покуда нет, добавлю, что и по смыслу она не слишком напоминала заявление в местком, как может показаться читателю по пересказу Сарнова: «В ней он (то бишь я) стыдил Михалкова, Софронова за неблаговидные поступки».

В общем, и называлась статья иначе, и написана была не о том. Но ладно. Память может и ошибиться, память рассерженная порою не прочь ошибаться, а недоумеваю вот почему.

«Вот и Каверин тоже говорит о стыде. («Когда я думаю об этом, я испытываю чувство стыда».) Но какая разница между этими двумя позициями! Каверину стыдно за себя. А Рассадин стыдит других».

Это, если вы не запамятовали, Сарнов. Теперь, простите, процитирую свою статью:

«Сейчас то и дело читаем (и сами пишем): «Мы лгали... мы аплодировали Брежневу и Черненко... мы... мы... мы...», и порою вдруг рассердишься на самого себя: что возводить напраслину? Я-то, к примеру, не аплодировал. И вроде не лгал. А те, что не только аплодировали, но служили застою со счастливым усердием первых учеников, что давили и гнали, они для меня не «мы»... — ну, и т. д., на чем заканчивается, так сказать, теза. После чего, естественно, антитеза.

«Но как бы они ни были лично мне отвратительны, все же не приходится утешаться собственной непричастностью к их злу. И от этой формы самоуспокоенности надо избавляться. Стыд — общий, значит, и твой. Мой. Наш».

Цитировать я мог бы и дальше, но надо быть кратким. Повторяю: не сетую на качество ни сарновской памяти, ни его профессиональной щепетильности. Но вы-то, дорогие мои...

И в этой вот укоризне как раз моя, если хотите, приязнь. Ну, не придет же мне в голову считаться с «Нашим современником» или с «Молодой гвардией», которая, скажем, в одном своем третьем номере устами трех своих авторов возвела на меня три напраслины. Они не умеют иначе. И вряд ли захотят переучиваться. А неряшество, допущенное «Огоньком», огорчительно. Для меня, во всяком случае.

Ст. РАССАДИН

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В 40-м номере «Огонька» за прошлый год был опубликован очерк О. Курганова о трагической судьбе всемирно известного советского ученого, лауреата Ленинской премии Иоханнеса Хинта, ставшего в годы застоя жертвой прокурорского произвола. И. Хинт скончался за тюремной решеткой, так и не дождавшись реабилитации...

В редакцию пришли сотни писем. Идут они и по сей день. Но более всего обрадовала пришедшая из Прокуратуры СССР информация, согласно которой Генеральный прокурор СССР Сухарев А. Я. принес на пленум Верховного суда СССР протест по делу И. Хинта.

А потом произошло нечто странное. Протест еще не был рассмотрен на пленуме, дело тщательно изучалось специалистами в высшей судебной инстанции, а в газете «Правда» вдруг появилась публикация В. Халина «Перевертыши», в которой автор статьи успешно решает за весь Верховный суд СССР вопрос о виновности Хинта, «вынося» свой приговор, согласно которому Хинт «подпольный миллионер», «контрабандист», отпетый преступник.

Уже по прочтении статьи В. Халина невольно начинаешь задаваться вопросом: так ли уж необходим нашему обществу высший суд страны, если есть газета, определяющая на своих страницах состав уголовного преступления с такой легкостью? К чему была эта гонка с опубликованием «Перевертышей»? Уж не явилось ли это попыткой воздействовать не только на общественность, но и на пленум Верховного суда СССР, которому-то как раз и предстояло принять окончательное решение?

Именно во избежание такого воздействия на суд, после принесения протеста, когда в Верховном суде вопрос о вине Хинта оставался открытым, и молчал «Огонек» до сегодняшнего дня. Молчал, дожидаясь решения компетентного пленума. И только теперь, по прошествии пяти месяцев после протеста Генерального прокурора СССР, основываясь на документах пленума, наша редакция с уверенностью и смело заявляет, что ученый И. Хинт чист перед законом — оправдан по всем инкриминируемым ему статьям.

Пленум, на котором председательствовал и. о. председателя Верховного суда СССР Сергей Иванович Гусев, внимательно изучил протест Генерального прокурора, вышел за рамки протеста и полностью реабилитировал Хинта посмертно...

— Тяжелое впечатление оставляет данное дело,— сказал выступивший на пленуме член Верховного суда СССР И. Алхазов.— Иногда кажется, что это дело пришло к нам из того далекого 37-го...

Именно поэтому в итоге пленум принял решение вынести частное постановление в отношении противозаконных действий следствия.

Здесь можно было бы с успехом продолжать анализ статьи «Перевертыши», содержание которой вполне соответствует своему заголовку. Но нас сейчас интересует совсем иное: хватит ли у «Правды» духа извиниться перед введенной в заблуждение миллионной читательской аудиторией за свою поспешную публикацию, перед опороченным автором очерка «Огонь на себя», лауреатом Ленинской премии, ветераном войны и труда О. Кургановым? Кто теперь будет приносить свои извинения оскорбленным родственникам, близким погибшего ученого? Уверенности в том, что газета «Правда» отважится на ТАКОЕ, пока что нет. А не вселяет эту надежду прежде всего письмо главного редактора «Правды» В. Афанасьева. Нам показали его друзья и сподвижники И. Хинта, которые прислали в «Правду» письмо с требованием извиниться за оскорбительную статью.

Здесь нет необходимости цитировать весь ответ главного редактора. Тон ответа вполне отражают эти строки:

«Мне представляется, что нет никакого смысла ни печатать, ни отвечать на Ваше письмо... И претензии предъявляйте не «Правде», а Прокуратуре СССР, Верховному суду СССР...»

Выходит, извиняться за правдинские «Перевертыши» придется Верховному суду СССР, вернувшему Хинту честное имя?

В статье В. Халина есть две патетические фразы:

«Они ставят факты с ног на голову. Но что перевертышам до истины?..»

Неплохой, кстати, эпиграф для самих же «Перевертышей».

Михаил КОРЧАГИН

БЕЗ ВЕСТИ...

Дмитрий ЛИХАНОВ,
Павел КРИВЦОВ
(фото)

ВСЕ ПЕРЕПРОБОВАНО: ПРИМОРАЖИВАЮЩИЕ МОЗГИ ТРАНКВИЛИЗАТОРЫ, СИГАРЕТЫ ОДНА ЗА ОДНОЙ — ИСКУРЕННЫЕ ДО САМОГО ФИЛЬТРА, РАЗОГРЕТАЯ ДЫХАНИЕМ ТЕЛЕФОННАЯ ТРУБКА, ИЗ КОТОРОЙ ВОТ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ КРЯДУ ДОНОСИТСЯ ОДНО И ТО ЖЕ: «НЕ БЫЛ», «НЕ ЗНАЧИТСЯ», «НЕ ПОСТУПАЛ». И ТЕБЕ НИЧЕГО НЕ ОСТАЕТСЯ КРОМЕ, КАК ЖДАТЬ. ВСЛУШИВАТЬСЯ В ШЕПОТ ДАЛЕКИХ ШАГОВ И МЕХАНИЧЕСКОЕ ЖУЖЖАНИЕ ЛИФТА, ВЫМАЛИВАЯ У БОГА, ЧТОБЫ ЛИФТ ПРИТОРМОЗИЛ ИМЕННО НА ТВОЕМ ЭТАЖЕ. ВСМАТРИВАТЬСЯ В СЛЕЗЯЩЕЕСЯ ОКНО, ЗА КОТОРЫМ ШЕВЕЛИТСЯ ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ. ЗАСТАВЛЯТЬ СЕБЯ НЕ ДУМАТЬ О ХУДШЕМ И ВМЕСТЕ С ТЕМ ХУДШЕЕ ЭТО ЯВСТВЕННО ПРЕДСТАВЛЯТЬ. И СНОВА ГЛОТАТЬ ТАЗЕПАМ. НИКТО НЕ ЗАСТРАХОВАН ОТ НЕИЗВЕСТНОСТИ. ТАК ИЛИ ИНАЧЕ ОНА КАСАЛАСЬ МНОГИХ ИЗ НАС, ДЫШАЛА В ЛИЦО, УНОСИЛА НАШИХ БЛИЗКИХ И РОДНЫХ. КОГО ВСЕГО НА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ, КОГО НА ДЕНЬ ИЛИ НЕДЕЛЮ. ИНЫХ — НАВСЕГДА.

1. БП

БП — жестокая аббревиатура. И не только потому, что в ней оказались заключены такие глухие, похожие на прерывистый выдох согласные, но потому, что это — аббревиатура беды. Ни одна война не обходилась без нее, ни одна бойня. Ибо БП — это без вести пропавшие.

На войне как на войне. Там сначала подсчитывают живых и только потом потери. Но даже там, наверное, лучше нарваться на пулю, чем очутиться в списках пропавших без вести. Не для тебя самого, конечно. Для тех, кто остался ждать.

Все никак не могу забыть ту заходящуюся в прерывистом стоне женщину,

сына которой поглотила неизвестность Афганской войны. Семь лет прошло, а для нее — семь кругов ада, потому как все эти годы, каждый день ее материнское сердце неизменно воскрешало сына, чтобы к вечеру похоронить его вновь. Война отняла у нее даже больше, чем способна отнять: поминание, последний приют, куда можно прийти в родительскую субботу, да облегчить разговором с покойным душу, да обновить оградку и высадить по весне цветы. Все отняла у нее война, оставив взамен бесконечную, до гробовой доски, муку.

И все же это война. А значит, многое предрешено. И боль, и смерть, и неизвестность — все это, хоть и трудно произносить, естественно. Ибо без боли, смерти и неизвестности войн не бывает.

Но если бок о бок не рвутся мины и пули не крошат гранит, если по Садовому, разбрызгивая весенние лужи, спешат троллейбусы и солнце жарит вовсю, и по радио — бодрые марши, а девочка-первоклашка (розовый бант, жиденькие косички), размахивая портфелем, бежит домой, и вдруг, среди бела дня, исчезает навечно — что это? — спрашивал я себя. Почему? Неужели такое возможно теперь?!

Окончательно расшифровывая жестокую аббревиатуру, отвечаю: «Возможно».

Стоит хотя бы раз в жизни побывать в бюро несчастных случаев, чтобы со всей отчетливостью понять, сколь много людей ежедневно блуждает в неизвестности.

Небольшое помещение, загроможденное железными ящиками с картотекой, телетайпом, какими-то чайниками и сковородками, с утра до глубокой ночи (ночью особенно) буквально захлебывается в рыданиях телефонных звонков, а добрейшая Галина Алексеевна, проработавшая «вестником беды» десять лет кряду, обложившись телексами с центральной станции «Скорой помощи» и сообщениями о неопознанных трупах, пытается унять эту телефонную боль.

— Алло! Это Бюро несчастных случаев? У меня старик пропал. Восемьдесят один год.

— А как у него с головой?

— Плохо.

— Дочка ушла. Еще позавчера. Ей четырнадцать лет (голос спокойный-спокойный).

— Не было ли несчастного случая на Варшавке? Да-да! У него в кармане талоны на Драйзера.

— Позвоните в реанимацию Склифосовского. Там все скажут. И мне полушепотом: «Он уже в морге».

Таких звонков здесь бывает от ста пятидесяти до двухсот за сутки. А утешить все же удается далеко не всех. Да и может ли вообще утешить Бюро несчастных случаев? Скорее, спасти от неизвестности.

Остальным, всем тем, кто не получил ответа, суждено ждать и надеяться. А когда надежды иссякнут, идти в милицию и негнущимися пальцами выводить на листке бумаги такие непривычные и дикие слова: «Ушел и не вернулся» — заявление о без вести пропавшем.

87 252 гражданина СССР были объявлены в прошлом году пропавшими без вести. 69 835 человек нашлись. Судьба семнадцати тысяч четырехсот семнадцати неизвестна.

Страшные цифры... Даже девять лет Афгана унесли у нас меньше людей, чем теряем пропавшими без вести всего лишь за год мирной жизни. Так что, как не считай, все равно, выходит, беда большая.

...Вот какую историю рассказал мне судмедэксперт и криминалист Борис Андреевич Федосюткин.

Дело происходило в Москве. Старичок пенсионер рано поутру направился в магазин за хлебом. И только дошел до булочной, стало ему плохо с сердцем. И тут он умер. Прямо на улице. Граждане, слава богу, догадались вызвать «скорую». Врач констатировал смерть и — старичка свезли в морг. Тем временем обеспокоенная долгим отсутствием мужа жена его, тоже пенсионерка, обратилась за помощью в розыск, заявление написала: так и так — ушел и не вернулся. Но не знала она, да и никто, наверное, не знал, что старичок скончался в соседнем — всего-то через дорогу перейти — районе, на «чужой» территории. А там заявлений о пропаже не поступало,— стало быть, и искать не надо. Тело несчастного с неделю продержали в мертвецкой, после чего за ненадобностью похоронили за госсчет в дальнем углу городского кладбища. Ни креста, ни памятника, само собой разумеется, не ставили. Просто табличку с номером из регистрационной книги. Как и сотням других неизвестных.

Так бы и канула в бездну стариковская жизнь, если бы не вскрылась нелепица на совместном совещании милиционеров из пограничных районов. Судили, рядили, выясняя, кто из них виноват, кому-то досталось «по шапке», кому-то вынесли выговор, но все это, по сути, было не всерьез, скорее, для проформы, потому как всякий из стражей порядка прекрасно понимал: хоть и ляп, конечно, вышел, однако страшного в этом ничего нет, дело обычное.

Признаться, я еще не поверил тогда в достоверность рассказанной Борисом Андреевичем истории. Возможно ли такое? Неужели и в самом деле нет ничего страшного, когда разыскиваемого человека можно вот так, запросто закопать под номером на кладбище; и рассматривается это не как преступление перед нравственностью и человеком, а всего лишь как досадная оплошность?

Решил проверить и совершенно случайно наткнулся на регистрационные книги московской фабрики учебных пособий — мало кому известного учреждения по «переработке» умерших и не востребованных родственниками, а то и вовсе безродных людей.

Толстенный бухгалтерский гроссбух за 1985 год, где по какому-то зловещему совпадению даты смерти вписывались в графу «Дни отпуска», а в графе «Перевод на другую работу и увольнение» стояла роспись приемщика, содержал фамилии около тысячи шестисот человек — стариков и старушек, молодых самоубийц, сумасшедших и детей-олигофренов. И почти на каждой странице встречаешь выведенное неровным почерком служителя смерти горькое слово — «неизвестный». Много их. Очень много.

Но ведь некоторых из этих неизвестных все равно кто-нибудь ищет. И розыск всесоюзный быть может объявлен. И близкие их все еще не теряют надежды на чудо, что ни день обрывая телефоны с одним и тем же вопросом.

Но человека уже не существует. И разыскать его в таких вот случаях сложно чрезвычайно. А если к тому же учесть, что морговские служители, мягко говоря, не слишком обременены милосердием и перед отправкой безвестного покойника далеко не всегда приводят несчастного в порядок, фотографируют или описывают его приметы, то найти такого и вовсе тяжко.

Нет человека, и все тут.

Во многих странах на этот случай предусмотрена специальная коронерская служба, иначе говоря, посредники между моргами и полицией. Профессия эта, при кажущейся на первый взгляд незначительности, считается весьма престижной, хорошо оплачиваемой и к тому же выборной, потому как берут туда только людей с двумя высшими — юридическим и медицинским — дипломами и именно на них лежит вся полнота нравственной и правовой ответственности за неизвестных покойных.

В «обществе бесправия и наживы», похоже, права бывают и у покойников. И главное из них: в мир иной не уйти безвестным.

А у нас? У нас на коронеров с двумя дипломами денег нет. Да и вообще: о живых надо думать больше...

Верно. О живых думать надо. Думать надо о всех. А что касается денег, то неужели не наберется хотя бы сотни или двух из тех налогов, что платит человек всю свою жизнь государству, неужто не хватит этих рублей, чтобы оплатить право на достойную человека смерть, а не очутиться по чьей-то ошибке в скорбном списке фабрики учебных пособий?

Именно по ошибке. А как же это еще называется, если после ежегодных проверок уголовного розыска и коммунальных служб на кладбищах страны находят триста-четыреста разыскиваемых людей, людей, которых можно было найти раньше.

Но чьи же это ошибки?

2. МЕРТВЫЕ ДУШИ

Есть старый милицейский анекдот.

Приходит в отделение человек и заявляет:

— У меня жена пропала.

— Ну и что? — спрашивает дежурный по отделению.

— Как что? Искать надо!

— А какие ее приметы?

— Хромает на правую ногу, видит плохо,— начинает рассказывать человек, но дежурный офицер прерывает.

— Слушай, мужик,— говорит сочувственно,— и чего ты такую вообще ищешь?

В этом месте должен раздаться смех. А мне не смешно, потому что жестокая эта шутка на самом-то деле как нельзя лучше отражает истинное положение вещей в розыске без вести пропавших. Стоит только перечитать многочисленные жалобы, которые ежедневно поступают в МВД СССР, чтобы в этом убедиться. Вот одна из них:

«Прошу вас помочь в розыске нашей дочери Кати трех лет, пропавшей без вести 5 июня 1988 года. Мы совершенно не удовлетворены теми поисками, которые якобы ведутся сейчас, а может быть, и не ведутся нашей милицией. Я не представляю, как можно вообще вести поиск, если к нам ни следователь, ни просто рядовой милиционер ни разу не пришли, ничем даже не поинтересовались. Если нам надо, мы должны сами звонить им. Мы ведь простые люди, кому нужно искать нашего ребенка!»

А вот еще:

«15 апреля 1988 года пропала моя дочь Ирина двадцати лет, мать двоих детей. С тех пор ни слуху, ни духу. Все говорят, что ищут, говорят, что объявлен всесоюзный розыск, но нигде никто не видел ни объявления, ни тем более фотографии Ирины. Я уже писал в Прокуратуру СССР. Человек пропал, и никому нет дела. Только из Прокуратуры ответили, что ищут. А я не верю. Все чаще и чаще задаю себе вопрос: в каком государстве я живу? В Советском ли?»

Розыск пропавших без вести считается в милицейских кругах второсортной работой. Все семьдесят лет своего существования числился в отстающих. Многих сюда отправляют все равно, что в ссылку. Не может работать человек в следствии или в БХСС, или ему просто надобно дотянуть до пенсии, туда его — пусть ищет пропавших без вести. И не потому вовсе, что сама профессия неинтересная, а потому, что работать приходится в основном с бумажками, посылать запросы, отвечать на них и посылать снова. К тому же донимают постоянные жалобы трудящихся, за которые, само собой, по головке не гладят, а только при каждом удобном случае «вызывают на ковер». И если за раскрытое преступление, положим, могут продвинуть в звании и наколоть звездочку, то за найденного человека в лучшем случае скажут спасибо.

И именно поэтому здесь, как нигде, много непрофессионалов. А непрофессионалу — что? — ему бы только рабочий день пересидеть. Известно ведь: солдат спит, служба идет. И если спросят: «Почему не нашли такого-то?», всегда можно показать объемистую папку розыскного дела с отпечатанными на стандартном бланке запросами и стандартным же ответом: «Не значится», доложить, что поиск ведется, а искать по нашим законам можно хоть пятнадцать лет.

Не обо всех говорю, разумеется, но непрофессионалы именно так и ищут пропавших без вести.— со стула не сходя.

«23 февраля 1987 года в Бежаницкий РОВД Псковской области,— читаю в материалах проверки МВД СССР.— **поступило заявление от гражданина Цуроева М. И., в котором сообщалось, что 1 января 1987 года из деревни Дремлено уехал в Ленинград гражданин Евлоев и обратно не вернулся.**

На основании полученного заявления 30 февраля 1987 года по факту безвестного исчезновения было заведено розыскное дело.

Оперативная группа на место последнего пребывания разыскиваемого не направлялась, ограничиваясь выездом в деревню Дремлено оперуполномоченного лейтенанта Данилова В. Ф., который только спустя три дня после регистрации заявления, то есть 26 февраля 1987 года, произвел осмотр последнего места жительства Евлоева. 16 декабря 1987 года вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

За все это время Даниловым В. Ф. был только утвержден план оперативно-розыскных мероприятий и написано постановление о заведении розыскного дела.

Только 14 сентября 1988 года после вмешательства Управления внутренних дел области труп Евлоева был обнаружен в деревне Дремлено закопанным под полом дома, где жил Евлоев».

История в деревне Дремлено — лишь одна из сотен, а может быть, и тысяч ей подобных. И лейтенанты даниловы, к сожалению, есть почти везде. Они изо всех сил тянут с началом розыска, полагая, что человек еще объявится, придет (хотя чего уж там ждать, если Евлоева не было к тому времени почти два месяца), они абы как, для порядка разве что, осматривают жилище и, скорее, ради протокола опрашивают близких пропавшего (будь оно иначе, вряд ли прохаживался бы лейтенант в буквальном смысле над телом убиенного и умудрился того не заметить), они исправно составляют свои планы мероприятий, аккуратно подшивают бумажки одна к одной, что на профессиональном языке именуется: «отбивать номер». Но на самом-то деле каждый печется только о том, как бы поскорее истек положенный по закону срок и дело это хлопотное можно будет похоронить в архиве навеки. Не человек важен для них, не его судьба, но отчет.

Об отчетах, впрочем, разговор особый.

Во время подготовки этого материала, я встретился с научным сотрудником ВНИИ МВД СССР Инной Николаевной Роговой, которая занимается проблемой без вести пропавших вот уже много лет.

— С 1966 года,— говорит Рогова,— **количество разыскиваемых органами внутренних дел граждан, пропавших без вести, выросло более чем в 10 раз — с 8 тысяч в 1966 году до 31 тысячи в 1976 году и 82 тысяч в 1986 году. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что данная проблема является отражением не столько реальной розыскной ситуации, сколько статистической, создаваемой порой искусственно с целью улучшения вала положительных показателей в розыске.**

Все дело в том, что оценивают розыскников не за квалифицированные оперативно-розыскные

мероприятия по установлению судьбы действительно пропавших граждан, а за процент розыска, который можно легко повысить, заведя розыскное дело в момент подачи заявления, не выяснив причин безвестного исчезновения.

Не тогда мы плохо работаем, когда в тот же день не заводим розыскного дела, а когда в тот же день не начинаем выяснять причин исчезновения человека.

Получается, что статистика розыскных дел растет, процент розыска тоже растет, но почему же тогда ежегодно растет и остаток неразысканных? На этот вопрос, к сожалению, одним розыскникам не ответить, тут надо думать всем вместе, а не только в милиции.

Тут, мне кажется, неискушенному читателю необходимо кое-что пояснить. Дело в том, что большая часть без вести пропавших — вовсе не пропавшие без вести. А все это мужья, сбежавшие от жен, и жены, сбежавшие от мужей, ребята, путешествующие по стране «автостопом», студенты, ударившиеся в загул,— все они так или иначе, раньше или позже возвращаются к родному порогу. И тогда можно будет поставить очередного гулёну на учет и завести розыскное дело. Хотя искать вовсе не обязательно. Он придет. И тогда закроется дело. И в статотчетности появится еще одна единичка. Я слышал, в некоторых местах в погоне за валом дело заводят и, естественно, сразу же закрывают его, когда человек уже вернулся и никакой нужды в поисках вообще нет! Однако упустить единичку кто же откажется? Вот так и создается видимое розыскное благополучие, а цифры найденных год от года растут! Значит, по логике-то вещей ненайденных должно быть меньше? Но в том-то и парадокс, что их больше день ото дня.

— В последнее время,— продолжает Рогова,— **наметилась устойчивая тенденция роста фактического остатка неразысканных лиц. Если в 1966 году этот остаток составил около 4 тысяч человек, то в 1976 году он возрос в два раза, а к 1986 году — в 4,5 раза, достигнув 18,5 тысячи человек.**

Отчего все это происходит? Что заставляет людей вместо того, чтобы искать без вести пропавших, заниматься какими-то бюрократическими игрищами, забавляться с отчетностью и мастерить липовый процент?

Конечно, можно объяснить это тем, что и у милиции есть недоработки. Но для человека, у которого вот уже два года как без вести пропал ребенок, это — не объяснение. Он хочет доподлинно и точно знать, почему не нашли и почему при этом все время отвечают, что ищут.

Дело прежде всего в самой службе поиска. Вернее, в ее подчиненности.

Вот уже много лет, я даже затрудняюсь сказать сколько, пропавшими без вести занимается один из отделов уголовного розыска. Но вот ведь чудеса какие — для любого начальника уголовного розыска этой службы все равно что не существует. И не потому, что, по мнению многих, второстепенна, а потому только, что никоим образом не влияет на раскрываемость преступлений. Для него же раскрываемость — главный показатель. По нему его оценивают. И в должности могут повысить. И без вести пропавшие для него все равно, что собаке пятая нога. Не зря же говорил в свое время министр внутренних дел Федорчук: «Это не наше дело, пусть родственники ищут».

Безразличие сверху, как известно, порождает безразличие в низах. Нет, не то, чтобы там вообще ничего не делали, однако все это — работа ради отчета, то самое «отбывание номера», посвященное чему угодно, но не пропавшему без вести Человеку.

...Случай этот произошел уже много лет тому назад.

Какой-то лесник, а может быть, случайный прохожий обнаружил на заброшенной заимке мертвеца. Ноги в руки — и побежал в милицию. Сообщил там все, как положено, и место обозначил по карте. «Спасибо,— сказали ему,— разберемся». Но то ли из чистого любопытства, то ли засомневавшись, что без него это место могут не найти, человек решил пойти следом. Добрался до заимки, и что же он видит? Милиционеры, взявши мертвого за руки, тащат его в свежевырытую яму и начинают забрасывать землей. Злоумышленников в форме изловили. Судили, наверное, а скорее всего, просто уволили. Но случай этот запомнился многим. Впрочем, рассказывая его, непременно подчеркивают: происшествие из ряда вон и для органов вовсе не характерное.

Как сказать. Совсем недавно, например, услышал нечто подобное. О том, как два милиционера-москвича, обнаружив труп на окружной дороге, перебросили его в кювет, а там уже — Московская область и заниматься трупом будут другие.

Печальные эти истории, хотя и не связаны напрямую с пропавшими без вести, тем не менее наводят на тяжелые размышления. Ведь если подобное возможно, если человек решился на такое вполне сознательно, значит, что-то заставило его это сделать? И только ли перекореженная мораль виновата? Да нет же. Те горе-милиционеры попросту не хотели возиться, и искать никого не хотели лишь потому, что лично для них все это — пустые хлопоты, лично им абсолютно безразлично, что кто-нибудь ждет человека дома, и ночи не спит, и через каждый час глотает успокоительное. Им все равно. Для них они — лишние люди. И как только появилась возможность от них избавиться, они сделали это не дрогнув.

3. ЛИШНИЕ ЛЮДИ?

Их фотографии — только что вынутые из семейных альбомов, их маленькие вещи — ленточки, свитера, рубашки, аккуратно разложенные по пластиковым пакетам, и бумажки с их фамилиями принес мне под вечер усталый, неразговорчивый мужчина за несколько дней до вылета в Софию.

Дети исчезли давно, но их близкие все еще не теряли надежды и потому, узнав, что я еду в Болгарию, попросили взять с собой фотографии и вещи пропавших. И показать их предсказательнице Ванге. Может быть, Ванга знает, что случилось с детьми?

Глядя на фотографии, дотрагиваясь до детских вещей, я вдруг начал испытывать какое-то непонятное и тягостное чувство, какое-то душевное волнение и безотчетный страх одновременно. Потом я понял, в чем дело. Мне не давали покоя пластиковые пакеты. От них пахло смертью. Во всяком случае, так мне тогда казалось.

Я шел через таможню, и таможние ребята просвечивали меня насквозь своими электронными штуковинами. А один парень спросил: «Это что у тебя в пакете?». «Пропавшие дети»,— ответил я ему. Но он только усмехнулся. Ведь он искал наркотики или оружие, но совсем не пропавших детей. Это не входило в его задачи.

Ванга выглядела усталой. Накануне она плохо спала и поэтому заранее предупредила, что сегодня примет только пять человек. Не больше. К счастью, мы — я и «дети» — попали в эту пятерку третьими: после дочери члена болгарского Политбюро и старого грека, которого ждало такси.

— Я все знаю,— сказала Ванга, лишь только мы переступили порог ее дома,— я знаю, что все они живы. Их просто похитили и увезли далеко-далеко.

— Куда, Ванга? — спросил я провидицу.

— Не знаю. Я не знаю этого места. Но весной все равно что-нибудь прояснится. А если нет, пусть мать одного из них ко мне приедет.

Я не поверил Ванге. Другой ясновидящий говорил накануне, что дети мертвы, что все они стали жертвой маньяка. Да и не может ребенок так долго — кто два года, кто семь — находиться в безвестности, он или есть, или его нет — подсказывал здравый смысл.

Ошиблась Ванга. Но я не думаю, что съездил напрасно. Ибо только тогда понял: есть случай, когда даже провидящие бессильны. Не то что милиция.

...Это был банальный любовный треугольник. Застав жену с любовником, а потом еще и еще раз, скульптор предупредил: «Лучше не попадайся мне, убью». И вскоре любовник исчез. Не то, чтобы перестал захаживать к своей подруге, просто его не стало. Испарился. Милиция первым делом к мужу. «Признавайся, грозился убить человека?» — спрашивают. «Ну и что,— спокойно отвечает муж,— а вы бы на моем месте не пригрозили?» И тем не менее постановление на обыск прокурор подписал. Милиционеры перерыли всю мастерскую, каждый уголок обшарили, каждую мелочь перетрясли. Ничего. Так и ушли ни с чем.

Прошло несколько лет. Дело по исчезновению без вести пропавшего любовника закрыли и постепенно начали о нем забывать. И в это время какие-то пионеры находят на задворках мастерской гипсовую скульптуру. Хозяин мастерской, человек посторонний, за свою ее не признал, а потому со спокойной совестью подарил скульптуру ребятам, пусть, мол, украсят Дворец пионеров. Начали кантовать, да не удержали и треснула скульптура пополам. А в ней — без вести пропавший.

Нет трупа — нет и убийства. Эта общеизвестная юридическая присказка давно уже стала аксиомой не только для милиции, но и для преступников. Теперь они, распознав все розыскные

слабости, не просто убивают, а еще и стараются упрятать концы в воду. Желательно поглубже. Закопать в землю (это почти повсеместно), сжечь (московское дело), закатать под асфальт (одесское дело) либо замуровать в бетон (такой случай произошел на одной из строек, когда, изнасиловав и убив женщину, рабочие забетонировали ее в фундамент дома и сверху возвели еще два этажа).

Расчет таков: жертву непременно объявят пропавшей без вести, а поскольку никаких следов от нее не осталось, то прокурор санкции на возбуждение дела не подпишет, поищет год-другой розыск и успокоится.

Слава богу, этой ненормальной, мягко говоря, ситуацией в конце концов обеспокоилась Прокуратура Союза ССР и вместе с МВД СССР издала соответствующее указание.

«Практика показывает,— говорится в нем,— **что многие из числа без вести пропавших граждан оказываются жертвами преступлений, особенно престарелые, женщины, дети. Однако уголовные дела в таких случаях возбуждаются, как правило, лишь в связи с обнаружением трупов или их останков, спустя значительное время после исчезновения потерпевших, до года и более. Поэтому зачастую утрачивается реальная возможность установления виновных, сбора доказательств. Большинство таких преступлений остается нераскрытыми... Несмотря на объективные доводы заявителей о возможном совершении убийства, такая версия тщательно не проверяется и уголовные дела своевременно не возбуждаются либо возбуждаются по надуманным основаниям: доведение до самоубийства, оставление в беспомощном состоянии и по другим составам менее опасных преступлений».**

Далее предписывается:

«1) Заявления и сообщения о безвестном исчезновении граждан регистрировать в книгах учета и рассматривать в порядке, предусмотренном статьей 109 УПК РСФСР.

2) При наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, незамедлительно возбуждать уголовные дела».

Ну хорошо, думаю я, начнут теперь прокуроры скрепя сердце возбуждать уголовные дела на без вести пропавших. Могут эти дела распутать. И преступника взять могут. А что с того? Какой, скажите мне, из советских судов возьмет это дело к своему рассмотрению? Да никакой! Ведь на голом признании при сегодняшней правовой политике судебного процесса не построишь. Все то же самое: «Нет трупа — нет и убийства».

Вспоминаю, как один из опытнейших розыскников МУРа рассказывал мне про недавнее свое дело. С горечью рассказывал, чуть не плача. «Знал я,— говорит,— ну на сто пятьдесят процентов знал, что именно он убил человека. Сидим, разговариваем. «Ты убил?» — спрашиваю. «Ну я,— отвечает,— только труп я тебе все равно не выдам. И ничего ты мне не сделаешь». А ведь я и впрямь ничего не могу...»

Понимаю его. И вместе с тем понимаю, что если нет доказательств, нет трупа, значит, надо его искать. Технику какую-то использовать или что там еще?

Разговоры на эту тему, однако, вызывают в среде профессионалов дружный хохот. Да, говорят, кое-что у нас имеется. Лаборатория Федосюткина восстанавливает лицо по черепу. Но лаборатория эта одна на всю страну, черепа присылают сюда по почте в посылках. Ходят слухи про какой-то мифический тепловизор, способный обнаружить мертвое тело и под землей, и под асфальтом. Мол, есть такой, но где — неизвестно. Зато вместо тепловизора можно с успехом использовать свиней и коров, у которых на это дело чутье особое. Что же касается компьютеров, говорят мне, то это, пардон, может быть, лет через пятьдесят.

А тем временем американцы до того наловчились, что по без вести пропавшим соорудили из компьютеров специальную всеамериканскую информационную систему, загоняют туда отпечатки пальцев, и любой полицейский в какой-нибудь алабамской дыре, прямо из своего патрульного «форда» может отыскать заплутавшее на Аляске дитя в «сей секунд».

У них, кстати говоря, еще в восемьдесят втором специальный закон принят, согласно которому государство и общество обязаны помогать родителям и полицейским в поиске пропавших без вести детей.

Но в нашей стране «откатывать пальчики» кажется не демократичным, а мысль о подобном законе наверняка просто никому даже не приходила в голову, да и негоже нам перенимать тамошние капиталистические порядки.

— Знаете,— сказал мне как-то во время разговора начальник отдела розыска МУРа Юрий Николаевич Скорняков,— дело ведь не только в технических средствах. И не столько в них. Дело в том, что мы одиноки. Мы все же хоть как-то, но ищем. А кроме нас, до пропавших без вести нет никому дела. Знаете, что отвечают в больницах на наши запросы? Наше дело лечить, а не искать кого попало. Вот так.

Я не удивляюсь. Иногда перестаешь чему-нибудь удивляться.

Вот человеку на работе стало плохо с сердцем. Поймал такси и поехал к себе на Можайку. Вышел из машины и упал. И умер от внезапного инфаркта. Пролежал на улице два дня! Мертвый уже лежал, и никто к нему не подошел. Все думали, что пьяный...

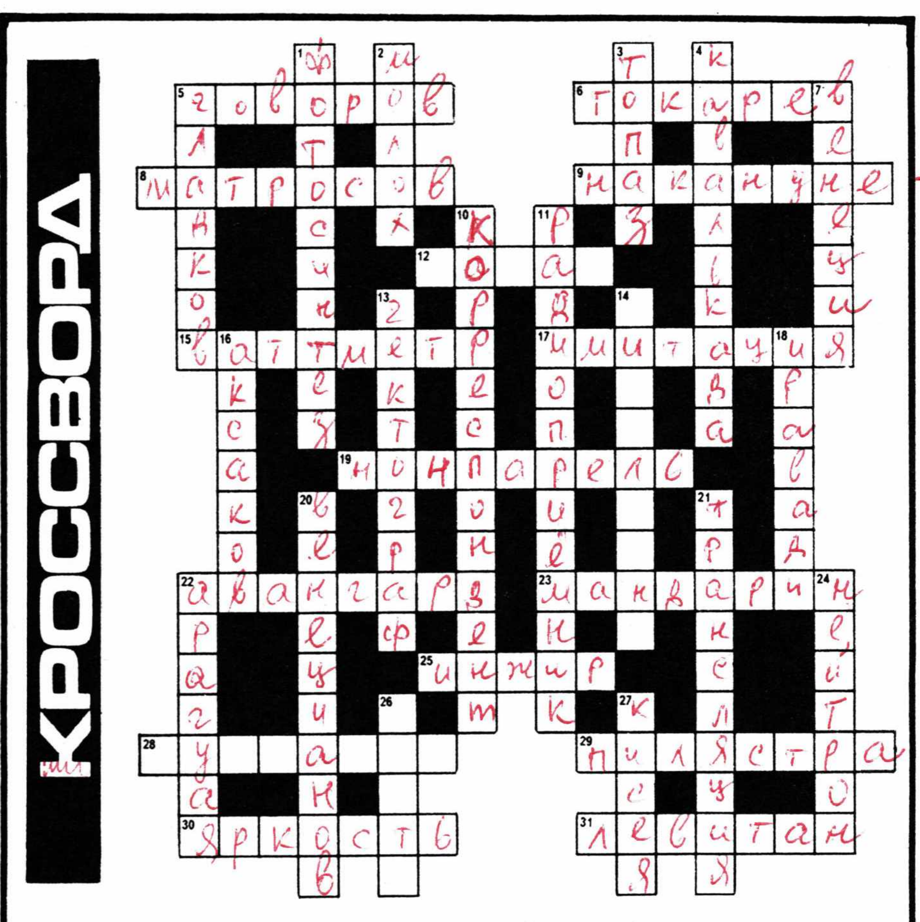
Что же происходит? Может быть, проблема в конечном счете сводится ко всеобщему, возведенному до государственного уровня, безразличию, столкнувшись с которым без вести пропавший исчезает еще и еще раз. Словно бы теперь уже не преступник, а общество закатало его под толстый слой асфальта отчужденности.

Иначе просто не могу объяснить то, что в нашей стране, к примеру, на двести восемьдесят миллионов человек всего три или четыре бюро несчастных случаев, и люди вынуждены сами обзванивать морги, больницы, милицию; что нет у нас по без вести пропавшим не только закона, но и строчки в законе, даже слова такого нет, а значит, и люди эти — вне права (две скупые статьи Гражданского кодекса не в счет, ибо касаются дележа имущества, наследства и так далее); чем объяснить отсутствие коронерской службы, и те похожие на приказ слова бывшего министра Федорчука, и то, что сам розыск пропавших без вести вот уже семьдесят лет в загоне?

Может быть, тем, что само наше государство в печально известные периоды своей истории плодило без вести пропавших при помощи тюрем, расстрелов и лагерей? И, как говорится, набив в этом деле руку, не может еще до сих пор понять, что само выражение «пропавший без вести» — это ЧП, это ненормально. «Во всех приказах написано: «Без вести пропавший — чрезвычайное происшествие», но на самом деле для всех, кто ими занимается, это обычное дело»,— сказал мне один из работников милиции.

И если все это так, то давайте же наконец поймем, что любой из нас, буквально каждый: и министр, и домохозяйка, и сталелитейщик, и даже милицейский чин — однажды может сам пропасть без вести. И тогда кто же нас будет искать? Кому мы будем нужны?

...Круг за кругом, за кругом — круг очерчивает бытие взбесившаяся стрелка. Таблетка под язык, сигарета — в иссохшие губы... И ты вслушиваешься в тревожную, звенящую тишину ночь. И никто не слышит тебя в изолированной «железобетонной коробке».

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Маршал Советского Союза. 6. Конструктор стрелкового оружия, Герой Социалистического Труда. 8. Гвардии рядовой, Герой Советского Союза. 9. Роман И. С. Тургенева. 12. Венгерский композитор, музыкальный фольклорист. 15. Прибор для измерения мощности электрического тока. 17. Подражание. 19. Типографский шрифт. 22. Войсковое подразделение, следующее впереди главных сил. 23. Цитрусовый плод. 25. Южное плодовое дерево. 28. Город-герой. 29. Четырехгранная полуколонна. 30. Характеристика излучения светящейся поверхности. 31. Народный артист СССР, диктор Всесоюзного радио в годы Великой Отечественной войны.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Процесс образования в растениях органического вещества под действием света. 2. Повесть А. И. Куприна. 3. Драгоценный камень. 4. Группа всадников. 5. Советский драматург, автор комедии «Давным-давно». 7. Город в Северной Италии. 10. Сотрудник органов массовой информации. 11. Устройство с антенной для улавливания звуков. 13. Прибор для размножения текста и иллюстраций. 14. Старинный итальянский танец. 16. Русский писатель XIX века. 18. Самая большая река в Бирме. 20. Русский живописец XIX века. 21. Передача программ по радио, телевидению. 22. Река в Бразилии. 24. Элементарная частица. 26. Крупная промысловая рыба. 27. Прозрачная хлопчатобумажная ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Майский. 7. Призыв. 9. Лектор. 13. Статья. 14. Тенин. 15. Брюсов. 16. «Анчар». 18. «Арсенал». 20. Лапта. 21. Гипотеза. 22. Серенада. 24. Лахти. 26. Серебро. 29. Абзац. 33. Филиал. 34. Метод. 35. Челнок. 36. Журнал. 37. «Кортик». 38. Цветник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Фарватер. 2. Гирлянда. 3. Верстка. 5. Спринтер. 6. Брошюра. 8. Заяц. 10. Куба. 11. Стенография. 12. Контрафагот. 17. Риони. 18. Аверс. 19. Ларго. 20. Лонжа. 23. Ректорат. 25. Трибуна. 27. Ермолова. 28. Редакция. 30. Беллини. 31. Слон. 32. Учур.

Рисунок Б. ПИЛИПЕНКО и М. ВОЛКОВА (г. Сумы).

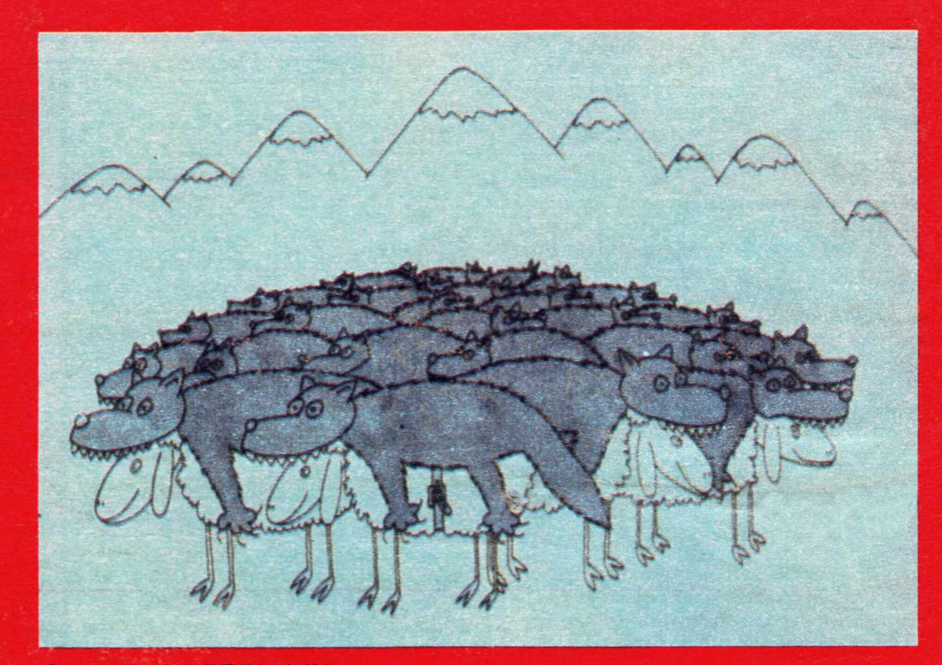
Ямамото КАЗУХИРО (Гран-при).

Владимир КОВАЛЕНКО

Виктор СКРЫЛЕВ (специальный приз).

Андрей ШАБЕЛЬНИК

Сергей ДЕНИСОВ, Дмитрий АНДРИЕВСКИЙ (золотой приз).

Недавно крупнейшая в Японии газета «Иомиури» (тираж 14 миллионов экземпляров) подвела итоги X международного конкурса карикатур. Директор московского бюро газеты господин Коичи Хамадзаки рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Возраст участников нашего конкурса — от трех до девяноста лет: мы проводим одновременно конкурс как юных, так и взрослых художников. В этот раз мы получили 14 296 работ из 62 стран. Призы распределились следующим образом: Япония — 9, СССР — 6, Турция — 4, Китай — 3... Советские карикатуристы каждый год присылают нам свои произведения, которые всегда пользуются большим успехом у жюри. Нам всем импонирует не только тонкий юмор их работ, но и высокий уровень технического исполнения, четкость и точность выражения идеи конкурса, сколь бы абстрактной она ни была, как, например, тема этого последнего — «Безопасность»...

40 коп.
Индекс 70663